ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва ФГБОУ ВО МГЛУ 2019

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Moscow FSBEI HE MSLU 2019

Печатается по решению Ученого совета Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Бондарчук*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан) Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, проф. (Армения) Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания) Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ) Имомзода М.С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан) Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Ирисханова О.К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Красноженова Г.Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С.С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан) Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ) Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Мусаев А.И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан) Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия) Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия) Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ) Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. Василюк И., канд. филол. наук Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. Карневская Е. Б., канд. филол. наук. проф. Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. Кузнецов В. Г., д-р филол, наук, проф. Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф. Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. Порохницкая Л. В., д-р филол, наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. Семина И. А., д-р филол. наук, доц. Силантьев Р.А., д-р истор. наук, доц. Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф. Тёмкин В. А., канд. истор, наук. доц. Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. Харитончик З. А., д-р филол, наук, проф. Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. *Цветаева Е. Н.*, канд. филол. наук. доц. Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф. Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

языкознание

Говорухо Р.А. Новые грамматики итальянского языка и современная лингвистика
Долгих 3. Б. Прагматические и коммуникативные основания использования операциональных средств градуирования (на материале португальского языка)
Канев А. И. Ария-метафора в либретто итальянской оперы конца XVII – первой половины XVIII века
<i>Мозоль Т. С., Кудинова Е. С.</i> Репрезентация феминности в корейской лингвокультуре
Панков Ф. И., Соколова М. С. Категориальный класс местоименных глаголов в русском и итальянском языках: постановка проблемы и сопоставительный анализ
Смирнова М. А. Триестинский диалект: лингва франка между романским, германским и славянским миром
Титова Т. Р. Межъязыковые омонимы (на материале итальянского и русского языков)
Токарева А. Л. Персонифицирующие и предметные метафоры гнева в современной итальянской художественной прозе
Хорькова И.В. Латинская терминология как необходимый компонент юриспруденции

Челышева И.И. Язык Италии: взгляд российского лингвиста	119
Школьникова О. Ю. Этико-философские понятия «стыд», «совесть» и «сознание» и особенности их лексической репрезентации в русском и итальянском языках (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его итальянского перевода)	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Сабурова Л. Е.	
Пути развития лирической прозы в итальянской литературе первой четверти XX в	143
Быстрова Т.А.	
Роман П. П. Пазолини «Нефть» и современный итальянский автофикшн (Д. Дженна, В. Сити)	157
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Борисова Е. С.	
Представления современной российской молодежи об Италии	
и итальянцах. Стереотипы и мотивация (на материале социолингвистического исследования 2017–2018 гг.)	169
Шевлякова Д.А.	
Формирование языковой политики государства:	
законодательные уровни – теория и практика (на примере Итальянской Республики 1946–2017 гг.)	186

CONTENTS

LINGUISTICS

Govorukcho R.A. New Grammars of the Italian Language and Modern Linguistics
Dolguikh Z. B. Pragmatic and Communicative Grounds for the Use of the Operational Means of Graduation (based on the Portuguese language)
Kanev A. I. Metaphor Aria in Italian Opera Libretti of Late 17 th – Early 18 th Centuries
Mozol T. S., Kudinova E. S. Representation of Femininity in Korean Linguaculture
Pankov F. I., Sokolova M. S. The Categorial Class of Pronominal Verbs in Russian and Italian: Problem Statement and Comparative Analysis
Smirnova M. A. The Triestine Dialect: a Lingua Franca in between the Romance, German and Slavic World
Titova T. R. Italian-Russian Interlanguage Homonyms
Tokareva A. L. Personifying and Object Metaphors of Anger in Contemporary Italian Fiction
Khorkova I. V. Latin Terminology as a Necessary Component of Law
Chelysheva I. I. Language of Italy: a View of a Russian Linguist

	Shkolnikova O. Yu. Ethical and Philosophical Concepts of "Shame" and "Conscience" and the Problem of Their Lexical Representation in Russian and Italian (based on the novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment")	130
_1	TERARY STUDIES	
	Saburova L. E. Ways of Development of Lyrical Prose in the Italian Literature of the First Quarter of the Twentieth Century	143
	Bystrova T.A. Pasolini's "Petrolio" and Hypermodern Italian Autofiction (Giuseppe Genna, Walter Siti)	157
CU	JLTUROLOGY	
	Borisova E. S. Ideas of Modern Russian Youth about Italy and Italians. Stereotypes and Motivation (based on a sociolinguistic study 2017–2018)	169
	Shevliakova D. A. State Language Policy Formation Implemented on Legislative Levels: Theory and Practice (the Italian Republic, 1946–2017)	186

УДК 811.161.1'38

Р. А. Говорухо

кандидат филологических наук, доцент, директор Российско-итальянского учебно-научного центра РГГУ; e-mail: govorroman@mail.ru

НОВЫЕ ГРАММАТИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

В статье дается краткая характеристика грамматик итальянского языка за последние тридцать лет. С момента публикации в 1988 г. грамматик Л. Серианни, Л. Ренци и К. Шварце появилось еще несколько грамматических описаний итальянского языка, сделанных с учетом новых теоретических разработок. Вместе с тем преобладающими на книжном рынке, а также в школьном и часто в университетском преподавании (в том числе в преподавании иностранцам), остаются грамматики традиционного типа, не учитывающие достижений лингвистической науки. В работе на нескольких примерах показано, что даже в лучших, наиболее полных подобных грамматиках описание бывает внутренне противоречиво, а предлагаемые «правила» часто являются неполными и противоречат языковым фактам. Представленные аргументы касаются определения местоимения как части речи. классификации дополнений, правил глагольной переходности. С помощью синтаксических критериев в современных исследованиях выделяются актанты и сирконстанты, различаются косвенные дополнения и обстоятельства. Многофакторный подход применяется при определении правил обязательности / факультативности прямого дополнения в переходных конструкциях.

Ключевые слова: итальянский язык; теоретическая грамматика; части речи; местоимения; переходные / непереходные глаголы.

R. A. Govorukcho

PhD (Philology), Associate Professor,
Director of the Russian-Italian Study and Research Center,
Russian State University for the Humanities; e-mail: govorroman@mail.ru

NEW GRAMMARS OF THE ITALIAN LANGUAGE AND MODERN LINGUISTICS

The present article gives a concise description of grammars of the Italian language published over the past thirty years. After their appearance in 1988, the grammars by Luca Serianni, L. Renzi, and Ch. Schwarze were followed by several more

grammatical descriptions of the Italian language that were based on new theoretical approaches. Nevertheless, the predominant grammars on the book market, as well as in secondary and even tertiary education (including courses of Italian as a foreign language), continue to be traditional grammars that do not take into account the latest achievements of linguistics. This article shows that even the best and most complete grammars of this type contain self-contradictory descriptions as well as "rules" that are often incomplete and incapable of accounting for language facts. This applies, in particular, to identification of the pronoun as a part of speech, classification of objects, and rules of verbal transitivity. Contemporary linguistic works make use of syntactic criteria to identify actants and adjuncts and differentiate between indirect objects and modifiers. A multifactor approach is used to specify rules governing the necessary or optional use of the direct object in transitive clauses.

Key words: the Italian language; theoretical grammar; parts of speech; pronouns; transitive / intransitive verbs.

Введение

В 1988 г. были изданы три грамматики, две — в Италии, одна — в Германии, которые кардинальным образом повлияли на развитие грамматических исследований в области итальянского языка. В Италии вышла «Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Suoni, forme, costrutti», Л. Серианни (в соавторстве с А. Кастельвекки) [Serianni 1988], а также первый том «Grande grammatica italiana di consultazione» (коллективный труд под редакцией Л. Ренци, второй том вышел в 1991 г. под редакцией Л. Ренци и Дж. Сальви, третий том — в 1995 г. под редакцией Л. Ренци, Дж. Сальви, А. Кардиналетти [Renzi, Salvi, Cardinaletti 1988–1995]). В Германии была издана грамматика итальянского языка К. Шварце (Ch. Schwarze «Grammatik der italienischen Sprache»), переведенная на итальянский язык лишь двадцать лет спустя, в 2009 г. [Schwarze 2009].

С выходом этих трех грамматик итальянский становится одним из самых изучаемых языков в Европе. В рецензии 1990 г. голландская лингвистка Минн де Боэр отмечала: «Грамматика Ренци обещает быть основной грамматикой на следующее десятилетие. В будущем любой профессиональный разговор об итальянской грамматике возможен лишь с учетом того нового подхода, уровня дискуссии, современной терминологии, которые есть в этой книге» [De Boer 1990]. Дадим краткую характеристику указанным трем грамматикам и посмотрим, насколько высказанные в них новаторские идеи были востребованы

в последующих грамматических описаниях, в частности в грамматиках, рассчитанных на широкий круг читателей.

Основная часть

Несмотря на то, что авторы всех трех грамматик ставят перед собой схожие задачи: подробно, насколько это возможно, описать грамматические структуры современного итальянского языка, их теоретические установки и методология существенно отличаются.

Грамматика Л. Серианни является по своему типу описательной и в основном использует традиционную терминологию. В ней предлагается нормативная модель языка, но при этом авторы стараются избегать крайностей пуристического подхода. Много внимания уделяется различным языковым регистрам и существующим в языке инновациям. Описание в грамматике строится традиционно «снизу вверх»: от фонологии к синтаксису сложного предложения. Последняя глава посвящена механизмам словообразования.

В грамматике под редакцией Л. Ренци, напротив, ставится задача дать полное описание итальянского языка на базе единой лингвистической теории, а именно — порождающей грамматики Н. Хомского. Авторы предпринимают попытку полностью заменить традиционный описательный аппарат, сконцентрировав внимание прежде всего на синтаксических структурах. Описание идет «сверху вниз», первый том открывается главами «Простое предложение» и «Порядок слов и маркированные конструкции», затем дается описание синтаксической группы имени, местоимения и т. д. Согласно принципам порождающей грамматики, правила сформулированы на основе оценок носителей языка с точки зрения грамматичности / неграмматичности анализируемых конструкций. Заявленной целью авторов грамматики является описание «совокупности бытующих в Италии языковых узусов, не относящихся к диалектам» [Renzi, Salvi, Cardinaletti 1988, т. 1, с. 32—33].

Грамматика К. Шварце, теоретической базой для которой стала лексико-функциональная грамматика Дж. Бреснан, в некоторой степени объединяет оба подхода: основное описание строится от слова к предложению и тексту, причем большое внимание автор уделяет анализу морфологических явлений, но при этом отдельная глава посвящена грамматическому выражению коммуникативных и когнитивных категорий, таких как референция, сравнение, временные и модальные

отношения, утверждение и согласие, отрицание и возражение. Итальянское издание грамматики включает также пространный словарь терминов, который позволяет разобраться в специфической авторской терминологии, что значительно облегчает знакомство с предлагаемым грамматическим описанием.

За 30 лет, прошедших с момента публикации грамматик Л. Серианни и Л. Ренци, в Италии появилось еще несколько грамматических описаний новаторского типа, т. е. ориентированных на определенную лингвистическую теорию и использующих объяснительную методологию. Это прежде всего грамматики С. Андорно, Дж. Сальви – Л. Ванелли, М. Пранди, А.Феррари – Л. Дзампезе, а также существенно переработанное итальянское издание грамматики К. Шварце.

«Итальянская грамматика» С. Андорно является переработкой более раннего издания 1999 г. [Апdorno 2003]. Хотя автор говорит о своем стремлении использовать традиционную терминологию и классическую подачу материала от слова к фразе, всё дальнейшее изложение опирается на современные научные исследования, прежде всего — на положения порождающей грамматики, и отличается значительной теоретической глубиной. С. Андорно весьма успешно справляется с поставленной во введении целью: «Обратиться к наиболее банальным понятиям морфологии и синтаксиса, изучаемым в школе, и показать, как с их помощью можно изучать язык в самых разных аспектах, и как такое изучение помогает анализировать и понимать структуру языка, на котором мы говорим» [Аndorno 2003, с. 1].

Значительным новаторством отличается также грамматика М. Пранди 2006 г. «Le regole e le scelte» (во втором издании 2011 г. – в соавторстве с К. Де Сантис). Грамматические явления показаны в этой работе как результат взаимодействия формальных и понятийных структур. Первые образуют «грамматику правил», задаются самой структурой языка и реализуются в актантной схеме простого предложения. Помимо «грамматики правил» есть также «грамматика выбора», в рамках которой существует репертуар опций для выполнения определенных коммуникативных задач [Prandi 2006, с. 5–7]. Большое внимание в грамматике М. Пранди уделяется сложному предложению, а также проблемам смысловой и формальной связности текста.

Изданная в 2004 г. «Новая итальянская грамматика» («Nuova grammatica Italiana») Дж. Сальви и Л. Ванелли является обновленным и расширенным изданием работы 1992 г. «Grammatica essenziale di

гіferіmento della lingua Italiana», которая была задумана как пособие для преподавателей и студентов. В сущности, мы имеем дело с кратким изложением идей и подходов, представленных ранее в «Grande grammatica italiana di consultazione», в написании которой оба автора принимали самое активное участие (Дж. Сальви – соредактор второго и третьего томов). Вместе с тем однотомная грамматика Дж. Сальви и Л. Ванелли терминологически более выверена и методологически более строга по сравнению с трехтомной грамматикой, над которой работали 34 лингвиста.

Последняя по времени издания грамматика А. Феррари и Л. Дзампези развивает идеи, изложенные теми же авторами в школьной грамматике 2000 г. [Ferrari, Zampesi 2000]. В новой работе ставится задача: «Дать подробное и полное описание морфологии и синтаксиса итальянского языка, соединив его с описанием текста» [Ferrari, Zampesi 2016, с. 5]. Ценность данного издания видится прежде всего в том, что явления итальянского языка описываются здесь с учетом новейших теорий лингвистики текста.

Несмотря на появление различных грамматик новаторского типа, преобладающими на книжном рынке, а также в школьном и часто в университетском преподавании (в том числе в преподавании иностранцам), остаются грамматики традиционной направленности, как правило, построенные без учета последних достижений лингвистической науки. Наиболее полными и авторитетными, помимо грамматики Л. Серианни, являются следующие издания: М. Дардано, П. Трифоне «Новая грамматика итальянского языка» [Dardano, Trifone 1997]; М. Сенсини «Грамматика итальянского языка» [Sensini 1999]; П. Трифоне, М. Палермо «Основы итальянской грамматики» [Trifone, Palermo 2000]; Дж. Патота «Грамматика-справочник современного итальянского языка» [Patota 2006]. Хотя авторы этих работ часто используют современную терминологию, в целом они следуют принципам традиционной грамматики, что не может не влиять на полноту и эмпирическую проверяемость предлагаемых описаний.

Покажем это на нескольких примерах из области морфологии и синтаксиса, а именно — тех центральных областей грамматической науки, где влияние устоявшейся традиции проявляется в наибольшей степени.

Первый пример связан с тем обстоятельством, что традиционные грамматики видят в предложении линейно выстроенное сочетание

слов, не признавая промежуточных категорий между словом и предложением, тогда как современная лингвистика доказала, что отношения между языковыми единицами зависят от структуры и организованы иерархично (см.: [Тестелец 2001, с. 107]. Это приводит к тому, что в ряде случаев в грамматиках традиционного типа предлагаются неточные определения, противоречащие языковым фактам.

Приведем определение местоимения как части речи из традиционных итальянских грамматик. «Местоимение – изменяемое слово, обычно заменяющее имя ... другое местоимение, целое предложение» [Patota 2006, с. 176]. Местоимение ... используется вместо другого слова, заменяет его... [Sensini 1999, с. 188]. Способность местоимений к замене «касается не только существительных, но и других частей речи, прилагательных, глаголов и даже целых предложений» [Dardano, Trifone 1997, с. 33]. Подобные определения являются неточными и не учитывают всей совокупности языковых фактов. Если местоимение заменяет имя, то почему оно не может получать те же определения, что и имя? Так, в текстовом фрагменте: Vedi quella bella signora bionda con il cagnolino? Ho appena parlato con <u>lei</u>. Местоимение lei, согласно приведенному определению, должно заменять слово signora. Вместе с тем фраза с соответствующей заменой *Vedi quella bella lei bionda con il cagnolino? неграмматична. Дело в том, что местоимение замещает не слово, а целую именную группу (далее – ИГ) и, соответственно, не может присоединять определение, которое относится к вершине данной ИГ.

Следующий пример касается теории валентностей и моделей управления, которые в том или ином виде находят свое отражение и в классических грамматиках. В традиционном понимании ядром предложения является субъектно-предикатное единство, на грамматическом уровне представленное его главными членами: подлежащим и сказуемым. Наряду с главными членами предложения выделяются второстепенные: дополнения, обстоятельства, определения. В итальянской грамматической традиции дополнения и обстоятельства объединяют в единую группу: complementi. «Функция дополнений ... заключается в том, чтобы дополнять различными способами значение базовой схемы предложения, состоящей из подлежащего и сказуемого» [Sensini 1999, с. 439]. «Дополнения ... добавляются к подлежащему и сказуемому, дополняя значение предложения» [Trifone,

Palermo 2000, с. 187]. «Дополнение – существительное, дополняющее подлежащее, сказуемое или другой член предложения» [Serianni 1997, с. 514]. «Дополнения – это существительные или местоимения, дополняющие подлежащее, сказуемое или другое дополнение» [Patota 2006, с. 435].

Приведенные формулировки, однако, не дают ответа на вопрос: насколько обязательными являются эти «дополнительные» элементы предложения? Так, предложение Gianni ha lavorato является правильным и семантически законченным. Дополнив его следующим образом: Ieri Gianni ha lavorato in giardino per due ore мы также получим правильное высказывание, но уже с дополнительными элементами. Однако, если мы возьмем предложение 'Ieri Gianni è andato a Roma per tre mesi', один из трех дополнительных элементов, а именно – a Roma – не может быть опущен, он является обязательным (Ср. *Ieri Gianni è andato per tre mesi). Отсутствие подобного четкого разделения на обязательные и факультативные (собственно дополнительные) элементы предложения является серьезным недостатком традиционных грамматических описаний. В рамках современной лингвистики в этом случае говорят об актантах и сирконстантах, реализующих активные синтаксические валентности в предложении. «В терминах членов предложения можно сказать, что актанты выступают обычно как подлежащее, дополнения и редко – как обстоятельства или определения; сирконстанты почти всегда – обстоятельства либо определения» [Тестелец 2001, с. 179].

Классификация дополнений в традиционных грамматиках также вызывает возражения. Обычно выделяют *прямые* и косвенные дополнения. Прямые дополнения «связаны с глаголом непосредственно, без помощи предлога» [Trifone, Palermo 2000, с. 187]. В грамматике Л. Серианни предлагается также семантическая интерпретация данной группы: у косвенного дополнения, в отличие от прямого, «выраженное в глаголе действие не переходит непосредственно на предмет» [Serianni 1997, с. 94, 99], хотя тут же указывается на уязвимость семантических критериев при классификации дополнений [там же, с. 99]. В самом деле, опираясь на семантику, трудно объяснить различия в следующих синонимичных парах, где один глагол переходный, а другой нет:

Gli amici <u>deridono</u> Piero – Gli amici <u>ridono di</u> Piero. Piero <u>chiama</u> suo padre – Piero <u>telefona a</u> suo padre.

В грамматике [Salvi, Vanelli 2004, с. 40], использующей положения современной лингвистики, выделяются следующие формальные особенности прямого дополнения:

1. Прямое дополнение замещает позицию подлежащего в пассивной конструкции:

Il lupo ha mangiato la nonna. \rightarrow La nonna è stata mangiata dal lupo.

2. Независимое местоимение, замещая позицию прямого дополнения, стоит в косвенном (obliquo) падеже: *Hanno visto \underline{te}* / *tu. В безударной форме местоимение стоит в аккузативе:

Piero mangia <u>la mela</u> → Piero <u>la</u> mangia.

3. Прямое дополнение замещается местоимениями в абсолютных причастных оборотах (в отличие от подлежащего). Ср.:

Fatto <u>il pacco</u>, <u>l</u>'abbiamo spedito con la posta prioritaria. *Telefonato Piero, Maria è uscita.

4. В виде проклитики дополнение согласуется с причастием при вспомогательном глаголе *avere*:

Li ho visti. / *Li ho visto.

Опираясь на приведенные синтаксические критерии, можно, в частности, утверждать, что в примерах: Lo spettacolo dura tre ore. – Questa piastrella misura trenta centimetri актанты 'tre ore' и 'trenta centimetri' не являются прямыми дополнениями. Они не способны замещать позицию подлежащего в пассивной конструкции, не могут быть включены в причастный оборот и т. д.

Что касается элементов, называемых complementi circonstanziali (обстоятельственные дополнения), то в традиционных итальянских грамматиках обычно предлагается их длинный список, составленный с учетом семантических различий и с указанием соответствующих предлогов. Приведем в качестве примера некоторые обстоятельственные дополнения из грамматики Дж. Патота (всего автор выделяет более 30 разновидностей дополнений): дополнение причины (предлоги per, di, a, da, con), дополнение цели (предлоги per, di, a, in, da), дополнение средства / инструмента (предлоги con, per, a, di, mediante,

tramite, attraverso), дополнение образа действия (предлоги con, di, a, per, in, secondo, senza), дополнение места пребывания (in, a, su, da, per, tra, sopra, sotto, fuori, dentro), дополнение места назначения (in, a, da, per, su, verso, sopra, sotto, dentro), дополнение места отправления (da, di) и т. д. [Patota 2006, c. 435–444].

Как легко заметить, эвристическая ценность подобных перечислений не слишком высока: четко разграничить дополнения семантически затруднительно, не помогает и формальная классификация по типу предлога, поскольку часто один и тот же предлог может кодировать разные смыслы. Современная лингвистика предлагает многофакторный анализ обстоятельственных дополнений, при котором следует учитывать семантику предлога (sotto / sopra), взаимодействие семантики предлога и семантики зависимой ИГ, а также семантики управляющего глагола (или существительного). Так, предлог *con* с именем собственным (con Mario) имеет, скорее, комитативное значение, тогда как с именем нарицательным может иметь инструментальное значение (tagliare con il coltello). Добавим, что при замене на абстрактное существительное (uscire con sicurezza) мы получаем обстоятельство образа действия. Следует также отличать дополнения от определений (attributi), которые могут иметь схожую форму, но выполняют в предложении иную функцию. Ср.:

Mi spaventano i gatti dal pelo nero. – È stata spaventata dal pelo nero del gatto.

В первом случае мы имеем дело с определением (атрибутивная функция), во втором – с дополнением агенса.

Последний пример, на котором мы остановимся подробнее, касается очень широких обобщений, не подтверждаемых языковым материалом. В грамматике Л. Серианни сказано: «Любой переходный глагол может употребляться абсолютивно, без прямого дополнения, не теряя своей переходности: Paolo legge» [Serianni 1997, с. 379]. Похожее определение дается и в грамматике Трифоне, Палермо: «Переходные глаголы могут иногда употребляться без дополнения объекта (Marco canta; Giorgio legge; Laura ascolta); в таких случаях говорят об абсолютивном употреблении переходных глаголов» [Trifone, Palermo 2000, с. 113]. М. Сенсини отмечает: «Объект может быть не выражен: «Elena scrive». В этом случае глагол употреблен в абсолютивном значении» [Sensini 2010, с. 238]. На самом деле способность глаголов к абсолютивному

употреблению не может трактоваться столь широко. Далеко не все переходные глаголы способны употребляться абсолютивно (ср.: *Gianni ha incontrato, *Gianni ha piantato, *Gianni ha picchiato). Дополнение объекта может опускаться лишь при определенных условиях, которые были изучены и описаны в современной лингвистике.

Прежде всего отметим, что незамещение позиции прямого объекта при переходном глаголе возможно в итальянском языке только в случае, когда этот объект можно восстановить на основе контекста / ситуации / общих фоновых знаний, т. е. прагматически. Внутри текста, при анафоре позиция прямого дополнения должна быть обязательно замещена. Ср.:

Ieri Gianni ha mangiato $\underline{\mathcal{O}}$ alla mensa e poi è stato male. — «Вчера Вася поел \mathcal{O} в столовой и заболел».

Ho comprato a Gianni un libro interessante. Peccato che <u>l</u>'abbia già letto / *Peccato che <u>Ø</u> abbia già letto. — «Я купил Gianni интересную книгу. Жаль, что он уже читал ее (*Ø)».

Что касается прагматического незамещения позиции прямого объекта, то вопрос об обязательности / факультативности дополнения объекта в общетеоретическом плане освещался, в частности, в работах Ч. Филлмора [Fillmore 1986] и Л. Рицци [Rizzi 1986]. В связи с итальянской лексикографической практикой эта проблема затрагивалась также в статьях К. Марелло [Marello 1996], и особенно М. Ло Дука [Lo Duca 2000].

Используя классификацию Ч. Филлмора, глагольные конструкции с отсутствующим дополнением при переходном глаголе можно разделить, в зависимости от типа опущенного объекта, на неопределенные, обобщенные и определенные.

1. Конструкции с неопределенным объектом («indefinite null complement») включают глаголы типа mangiare (есть), cantare (петь), suonare (играть, исполнять) cucinare (готовить), scrivere (писать), studiare (изучать), capire (понимать) и др. Семантический объект содержится в лексическом значении этих глаголов. Ср.:

Hai mangiato (qualcosa)? – «Ты (что-нибудь) ел?».

В итальянском и в русском языках обозначаемое данными глаголами действие может рассматриваться как самодостаточное и без

указания на объект. В подобных случаях иногда говорят о «заполнении позиции прямого дополнения нулевым экзистенциальным место-имением» [Крылов 1983, с. 162]. Отметим, что поведение глаголов типа *capire* (понимать), *ricordare* (вспоминать), относящихся к той же группе, в двух языках отличаются. В русских примерах с этими глаголами прослеживается тенденция заполнять позицию объекта кванторными словами. Ср.:

Era stata Giannina a disporci a capire $\underline{\emptyset}$ (*Bassani*). – «Джанна, самая маленькая из нас, заставила нас кое-что понять…».

Telemaco mi guardava senza capire $\underline{\mathcal{O}}$ (*Malerba*). – «Телемах смотрел на меня, ничего не понимая».

- 2. Предикаты, которые относятся к группе конструкций с обобщенным объектом, образуют несколько подгрупп:
 - а) глаголы психологического восприятия, типа *affascinare* (очаровывать), *annoiare* (надоедать), *commuovere* (волновать), *irritare* (раздражать), *stupire* (удивлять), *preoccupare* (беспокоить) и др., при которых невыраженный объект является экспериентом. Ср.:

Col suo comportamento Maria stupisce. – «Мария удивляет своим поведением».

Отметим, что у всех глаголов данной группы обобщенное значение не реализуется в перфективных контекстах при обозначении конкретных событий. В этом случае позиция объекта в обоих языках обязательно заполняется. Ср.:

Ieri Maria ha stupito tutti. – «Вчера Мария всех удивила».

Ho:

*Ieri Maria ha stupito Ø.

б) глаголы, обозначающие физические ощущения / изменения, при которых одушевленный объект выполняет роль Пациенса: acceccare (слепить), arricchire (обогащать), assordare, stordire (оглушать), ingrassare (полнить), saziare (насыщать), stancare (утомлять), uccidere (убивать) и др. Ср.:

Il fumo uccide. - «Дым убивает».

Questa musica stordisce. — «Музыка оглушает». Il burro ingrassa. — «От масла полнеют».

в) глаголы, называющие действия животных, выступающих в роли Агенса: *graffiare* (царапать), *mordere* (кусать), *pungere* (жалить), *pizzicare* (щекотать) и др. Ср.:

Il gatto graffia. – «Кошка царапается». Le zanzare pungono. – «Комары кусают(-ся)».

Имплицитный объект имеет в этом случае следующие характеристики: ± одушевленный + обобщенный + мн. ч.

г) глаголы, обозначающие конкретные действия, производимые субъектом с помощью Инструмента, причем этот семантический актант занимает синтаксическую позицию подлежащего: aprire (открывать), chiudere (закрывать), pulire (чистить), stampare (печатать), scrivere (писать), tagliare (резать) и др. Ср.:

Questa chiave apre male. – «Этот ключ плохо открывает». La penna non scrive più. – «Ручка больше не пишет».

- 3. Любопытные расхождения обнаруживаются среди конструкций с определенным нулевым объектом («definite null complement»), которые также характерны для обоих языков. Здесь можно говорить об «анафорической невыраженности», поскольку речь идет о наличии кореферентного антецедента, в той или иной степени активированного в сознании говорящего и адресата сообщения. В этой группе выделяются два типа предикатов:
 - а) глаголы, отсылающие к типичному сценарию (фрейму), на базе которого легко восстановим не выраженный, но подразумеваемый объект или класс объектов. Ср.: accelerare (ускорять), guidare (водить), frenare (тормозить), guadagnare (зарабатывать), bere (пить алкоголь) и др. Ср.:

Mario sta apparecchiando $\underline{\emptyset}$. — «Марио накрывает на стол». Mario ha parcheggiato $\underline{\emptyset}$. — «Марио припарковался». Ма а росо а росо <u>rallentò</u> (*Cassola*). — «Но постепенно он стал <u>замедлять</u> шаг».

б) дополнение при глаголе восстанавливается из конкретной ситуации коммуникативного акта (дейксис) или предтекста

(анафора). Типичные примеры нулевого дейктического дополнения мы находим в императивные конструкциях с ясным из ситуации объектом. Ср.: Lava! Вымой! (это), Apri! Открывай! (дверь), Non accendere! Не включай! и т. д. Пример нулевого анафорического дополнения:

La accusano di aver rubato l'anello. Lei non solo nega $\underline{\emptyset}$, si è anche offesa. «Ее обвиняют в краже кольца. Она не только отрицает $\underline{\text{это}}$ (= $\underline{\text{всe}}$) (* \emptyset), но и чувствует себя оскорбленной».

В следующих примерах дополнение отсутствует при переходных глаголах *aprire / chiudere / spingere*, в то время как в русских переводах эллипсис дополнения недопустим. Ср.:

Il bambino ... si avvicinò alla <u>porta</u> della bottega, posò la mano sulla maniglia e spinse $\underline{\emptyset}$ (*Rodari*). — «Мальчик ... подощел к <u>двери</u> магазина, взялся за ручку и толкнул <u>дверь</u>».

В целом анализ примеров показывает, что отсутствие дополнения в итальянском языке в значительной степени определяется синтаксическим контекстом, когда некоторые стандартные синтаксические конструкции требуют употребления / неупотребления прямого дополнения, и глаголы вставляются в соответствующую трафаретную конструкцию. Для целого ряда итальянских глаголов значение переходности / непереходности, таким образом, не закреплено за глагольной лексемой, но определяется только в конкретном предложении в зависимости от присутствия или отсутствия прямого дополнения.

Заключение

Итак, современные грамматики итальянского языка, опирающиеся на новейшие достижения лингвистической науки, позволяют нам гораздо полнее, точнее описывать разнообразные языковые факты. Более последовательное использование новейших теорий и методик не только в университетском, но и в школьном образовании могло бы открыть новый, весьма плодотворный этап в изучении итальянской грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крылов С. А. Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Разработка и применение

- лингвистических процессоров. Новосибирск : Вычислительный центр СО АН СССР. 1983. С. 148–169.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.
- Аdamec Р. Семантическая интерпретация «значимых нулей» в русских предложениях // Язык и стих в России : сборник в честь Дина С. Ворта к его 65-летию / ред.: Х. Бирнбаум, С. Флайер. М. : «Восточная литература» РАН, 1995. С. 176–183.
- Andorno C. La grammatica italiana. Milano: Bruno Mondatori, 2003. 176 p.
- De Boer M. G. Il rinnovamento della lingua italiana: discussione di tre grandi imprese // Lingua e stile. Bologna, 1990. XXV, n. 2. P. 227–258.
- Dardano M. e Trifone P. La nuova grammatica della lingua italiana. Bologna : Zanichelli, 1997. 746 p.
- Ferrari A., Zampese L. Dalla frase al testo. Una grammatica per l'italiano. Bologna : Zanichelli, 2000. 521 p.
- Ferrari A., Zampese L. Grammatica: parole, frasi, testi dell'italiano. Roma: Carocci, 2016. 406 p.
- *Fillmore Ch. J.* Pragmatically Controlled Zero Anaphora // Berkeley Linguistics Society Proceedings. 1986. P. 95–107.
- Lo Duca M. G. Proprietà valenziali e criteri di descrizione lessicografica: un caso di alternanza argomentale // Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata. Roma, 2000. Anno XXIX, n. 2. P. 219–242.
- Lo Duca M. G., Solarino R. La lingua italiana, una grammatica ragionevole. Padova: Unipress, 2004. 382 p.
- Marello C. Oggetti diretti facoltativi in italiano e la nozione di "transitivo assoluto" // Cuadernos de Filologia Italiana. Madrid : Universidad Complutense, 1996. № 3. P. 31–47.
- Patota G. Grammatica di riferimento dell'italiano contemporaneo. Novara : De Agostini Scuola-Garzanti Linguistica, 2006. 514 p.
- *Prandi M.* Le regole e le scelte: introduzione alla grammatica italiana. Torino : UTET, 2006. 409 p.
- Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. (a cura di) Grande grammatica italiana di consultazione : 3 voll. Bologna : Il Mulino, 1988–1995. Vol. I. 792 p. ; Vol. II. 960 p. ; Vol. III. 644 p.
- *Rizzi L.* Null Objects in Italian and the Theory of pro // Linguistic Inquiry. Cambridge: MIT Press Journals, 1986. Vol. 17, n. 3. P. 501–557.
- Salvi G., Vanelli L. Nuova grammatica italiana. Bologna : Il Mulino, 2004. 366 p. Sensini M. Grammatica della lingua italiana. Milano: Mondadori, 1999. 725 p.
- Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Suoni, forme, costrutti. Torino: UTET, 1988. 750 p. (con la collaborazione di A. Castelvecchi).

- Serianni L. Italiano. Grammatica, sintassi, dubbi, con un Glossario di Giuseppe Patota. Milano: Garzanti, 1997. 754 p.
- Schwarze Ch. Grammatik der italienischen Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1988. 346 p. (trad. it. Grammatica della lingua italiana, ed. it. interamente riveduta dall'autore, a cura di A. Colombo, con la collaborazione di E. Manzotti. Roma: Carocci, 2009).
- *Trifone P.*, *Palermo M.* Grammatica italiana di base. Bologna : Zanichelli, 2000. 352 p.

REFERENCES

- Krylov S. A. Morfosintaksicheskie mehanizmy vyrazhenija kategorii determinacii v sovremennom russkom jazyke // Razrabotka i primenenie lingvisticheskih processorov. Novosibirsk : Vychislitel'nyj centr SO AN SSSR, 1983. S. 148–169.
- Testelec Ja. G. Vvedenie v obshhij sintaksis. M.: RGGU, 2001. 800 s.
- Adamec P. Semanticheskaja interpretacija «znachimyh nulej» v russkih predlozhenijah // Jazyk i stih v Rossii : sbornik v chest' Dina S. Vorta k ego 65-letiju / red.: H. Birnbaum, S. Flajer. M. : «Vostochnaja literatura» RAN, 1995. S. 176–183.
- Andorno C. La grammatica italiana. Milano: Bruno Mondatori, 2003. 176 p.
- *De Boer M. G.* Il rinnovamento della lingua italiana: discussione di tre grandi imprese // Lingua e stile. Bologna, 1990. XXV, n. 2. P. 227–258.
- Dardano M. e Trifone P. La nuova grammatica della lingua italiana. Bologna : Zanichelli, 1997. 746 p.
- Ferrari A., Zampese L. Dalla frase al testo. Una grammatica per l'italiano. Bologna : Zanichelli, 2000. 521 p.
- Ferrari A., Zampese L. Grammatica: parole, frasi, testi dell'italiano. Roma: Carocci, 2016. 406 p.
- *Fillmore Ch. J.* Pragmatically Controlled Zero Anaphora // Berkeley Linguistics Society Proceedings. 1986. P. 95–107.
- Lo Duca M. G. Proprietà valenziali e criteri di descrizione lessicografica: un caso di alternanza argomentale // Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata. Roma, 2000. Anno XXIX, n. 2. P. 219–242.
- Lo Duca M. G., Solarino R. La lingua italiana, una grammatica ragionevole. Padova: Unipress, 2004. 382 p.
- Marello C. Oggetti diretti facoltativi in italiano e la nozione di "transitivo assoluto" // Cuadernos de Filologia Italiana. Madrid : Universidad Complutense, 1996. № 3. P. 31–47.
- Patota G. Grammatica di riferimento dell'italiano contemporaneo. Novara : De Agostini Scuola-Garzanti Linguistica, 2006. 514 p.

- *Prandi M.* Le regole e le scelte: introduzione alla grammatica italiana. Torino : UTET, 2006. 409 p.
- Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. (a cura di) Grande grammatica italiana di consultazione : 3 voll. Bologna : Il Mulino, 1988–1995. Vol. I. 792 p. ; Vol. II. 960 p. ; Vol. III. 644 p.
- *Rizzi L.* Null Objects in Italian and the Theory of pro // Linguistic Inquiry. Cambridge: MIT Press Journals, 1986. Vol. 17, n. 3. P. 501–557.
- *Salvi G.*, *Vanelli L.* Nuova grammatica italiana. Bologna : Il Mulino, 2004. 366 p. *Sensini M.* Grammatica della lingua italiana. Milano: Mondadori, 1999. 725 p.
- Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Suoni, forme, costrutti. Torino : UTET, 1988. 750 p. (con la collaborazione di A. Castelvecchi).
- Serianni L. Italiano. Grammatica, sintassi, dubbi, con un Glossario di Giuseppe Patota. Milano: Garzanti, 1997. 754 p.
- Schwarze Ch. Grammatik der italienischen Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1988. 346 p. (trad. it. Grammatica della lingua italiana, ed. it. interamente riveduta dall'autore, a cura di A. Colombo, con la collaborazione di E. Manzotti. Roma: Carocci, 2009).
- *Trifone P., Palermo M.* Grammatica italiana di base. Bologna : Zanichelli, 2000. 352 p.

УДК 81'32

3. Б. Долгих

старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, соискатель; e-mail: zoyazoyazoya@qmail.com

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ГРАДУИРОВАНИЯ

(на материале португальского языка)

В статье на материале португальского языка рассматриваются различные операциональные средства градуирования как компоненты разнообразных речевых тактик воздействия. Однако анализ результативности употребления упоминаемых автором тактик воздействия на собеседника связан с серией концептуальных трудностей, соотносимых с пониманием и выражением таких категорий, как: достоверность / недостоверность; категоричность / некатегоричность (прямота / непрямота; истинность / ложность); определенность / неопределенность (ясность / неясность); завершенность / незавершенность информации; уверенность / неуверенность. Автор говорит о возможности сознательного использования градуирующих средств в различных типах дискурса, что, вне всяких сомнений, характеризуется определенными практическими целями.

Ключевые слова: градуирование; градуирующие средства; тактика; категоричность; некатегоричность; дистанцирование; митигация; неясность; операторы.

Z. B. Dolguikh

Senior Lecturer, Department of the Portuguese Language, Faculty of Translation and Interpretating, Moscow State Linguistic University; e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

PRAGMATIC AND COMMUNICATIVE GROUNDS FOR THE USE OF THE OPERATIONAL MEANS OF GRADUATION (based on the Portuguese language)

In the article, on the material of the Portuguese language, various operational means of graduation are considered as components of various speech tactics of influence. However, analysis of effectiveness of implementating tactics of influence on the interlocutor mentioned by the author is associated with a number of conceptual difficulties closely connected with understanding and expression of such categories as reliability / unreliability, categorical / non-categorical (directness / indirectness; authenticity/ unauthenticity), certainty / uncertainty (distinctness / vagueness), completeness / incompleteness of information, confidence / unconfidence. The author

discusses the possibility of conscious use of graduating means in different types of discourse, which is without doubt characterized by certain practical goals.

Key words: graduation; graduation means; tactics; categorical; non-categorical; distancing; mitigation; vagueness; operators.

Введение

«Размытость и неопределенность, как основные атрибуты операции градуирования, распространяются не только на слова, но и на коммуникативное пространство в целом, что значительно затрудняет однозначную трактовку данного явления» [Марюхин 2010]. Операторами градуирования мы называем те единицы, которые, на базе оценивания признака предмета или явления видоизменяют его, внося таким образом его дополнительную трактовку. К. Опиц называет подобные единицы лексическими модификаторами и говорит о том, что формулировки с ними обладают сглаживающим и лимитирующим эффектом, дающим возможность говорящему оградить себя от возможной критики, не допустить ошибочную интерпретацию и др. [Оріtz 1981, с. 212]. Дж. Лакофф в своих работах сообщает, что вопрос изучения слов, чье значение «имплицитно покрывается завесой неясности», таких как: rather, largely, sort of, kind of, strictly speaking, — представляет для него особый интерес [Lakoff 1972, с. 195].

Операциональные средства градуирования в системе решения специфических коммуникативно-прагматических задач

Нельзя не согласиться с тем, что выбор градуирующих средств обусловливает эффективность и результативность применения разнообразных речевых тактик воздействия на собеседника, таких как: дистанцирование (отдаление), митигация (так называемое смягчение акцентов), мистификация, вуалирование и др.

Это дает нам возможность говорить о сознательном использовании градуирующих средств в различных типах дискурса, что, вне всяких сомнений, характеризуется определенными практическими целями. Однако анализ результативности осуществления упомянутых тактик посредством использования операторов градуирования сопрягается с рядом концептуальных трудностей, ввиду их тесной связи с пониманием и выражением таких категорий, как: достоверность /

недостоверность; категоричность / некатегоричность (прямота / непрямота; истинность / ложность); определенность / неопределенность (ясность / неясность); завершенность / незавершенность информации; уверенность / неуверенность.

Следует признать, что стремление собеседников к достоверности часто обманчиво и иллюзорно, тем не менее, нельзя утверждать, что подобное стремление к истине ошибочно. «Совсем наоборот, понятие заблуждения в каком-то смысле подразумевает понятие истины как некого идеала, хотя, по сути, он недостижим» [Марюхин 2010].

Операторы градуирования, как важные компоненты и элементы различных тактик воздействия, выступают, таким образом, в качестве текстообразующих единиц, с одной стороны, помогающих уточнить передаваемые данные, а с другой — как единицы, обеспечивающие возможность завуалировать информацию, смягчить ее и сгладить, сделать менее категоричной, более «размытой». Для говорящего употребление подобных единиц также является способом «ухода от ответственности» за истинность суждения, что является своеобразным «лимитированием и «затушевыванием» информации в высказывании или утверждении с целью понижения риска, связанного вынесением того или иного суждения» [Wales 1989, с. 515–516].

В данных размышлениях мы основываемся не столько на объеме значения истинности, сколько на градуальной классификации, принимая во внимание тот факт, что суждения говорящего всегда строятся на постепенных признаках. Использование подобных градуальных единиц имеет своей задачей представить вещи неоднозначно, что подразумевает наличие неуверенности или относительной уверенности участников коммуникации в точности передаваемой ими информации. Вместо того чтобы заявить суждение как данность, коммуниканты часто используют некие операторы в виде преграды, помогающей отдалиться и избежать прямого высказывания. Личная неуверенность в истинности знания, осторожность, стремление не подвергать себя критике, продемонстрировать вежливость и уважение по отношению к адресату, действие традиционных этикетных / социальных ограничений и прочие характеристики обуславливают использование операторов градуирования с лингвистической точки зрения.

Любые смыслообразующие высказывания могут быть модифицированы в плане выражения иллокутивной силы и представлены как

нейтральные, усиленные или смягченные. Достаточно часто они служат своебразными маркерами позиции говорящего в отношении содержания высказывания. При этом операторы могут рассматриваться как индикаторы степени достоверности не отдельной части пропозиции, а всей пропозиции в целом. Об этом говорит В. Коппл в своей классификации метадискурса, подчеркивая, что «подобные единицы могут восприниматься как некий лингвистический "оператор", который присоединяется к пропозиции, в которой он изменяет или весь ряд предикации, или один из ее компонентов» [Коррlе 1985, с. 84–85].

Известно, что в англо-саксонской терминологии за единицами подобного плана закреплено преимущественно три основных функции: они могут подчеркивать — эмфасайзеры (emphasizers), усиливать эмплифайеры (amplifiers) или ослаблять, сглаживать — даунтоунеры (downtoners) [Quirk 1985].

Целью эмфасайзеров является создание общего эффекта усиления: actually, certainly, clearly, definitely, obviously, really, frankly, honestly, just и т. д. Группа эмплифайеров состоит из двух микрогрупп: максимайзеры (maximizers) и бустеры (boosters). Единицы этих обеих подгрупп формально соотносятся с определенной точкой / площадкой, превышающей некий ординарный уровень на градуальной шкале. При этом группы принципиально отличаются следующим: максимайзеры регистрируют зону максимальной, или предельной, отметки: absolutely, completely, utterly, most (португальские эквиваленты: absolutamente, completamente, inteiramente, mais), в то время как бустеры маркируют высокую отметку на шкале: badly, deeply (португальские эквиваленты: fortemente, profundamente). В класс даунтоунеров входят: компромайзеры (compromisers), фиксирующие небольшое движение вниз по шкале: kind, of sort of, quite, rather, more or less (португальские эквиваленты: certo, tipo, suficientemente, bastante, mais ou menos); диминишеры (diminishers): partly, slightly, somewhat, a little (португальские эквиваленты: parcialmente, um pouco, pouco, parecido); минимайзеры (minimizers): a bit, barely, hardly (португальские эквиваленты: um bocado, apenas, mal). В отличие от первых, вторые и третьи регистрируют значительное движение вниз по шкале. Аппроксиматоры (approximators) из группы даунтоунеров выражают приблизительность глагольного действия: almost, nearly, all, but (португальские эквиваленты: um, algum, aproximadamente, todo, quase).

Основания для классификации градуирующих средств

Считаем, что классификация единиц, с точки зрения выражения достоверности и реализации некатегоричности суждения, может существенным образом подкрепить и обогатить типологическое деление, приведенное выше. В рамках данной классификации могут быть выделены так называемые показатели определенности, или достоверности, (любопытно, что некоторые исследователи называют их показателями категорической достоверности): absolutamente, amplamente, completamente, sem dúvida, certamente, puramente, plenamente, naturalmente, definitivamente, realmente, indubitavelmente и т. п. (абсолютно, всецело, совсем, несомненно, конечно, чисто, безусловно, естественно, наверняка, определенно, непременно, разумеется, действительно, бесспорно), а также на показатели неопределенности или неуверенности, посредством которых могут вводиться различные предположения: possivelmente, provavelmente, sobretudo, obviamente, aparentemente, apenas, mal, propriamente, assim, assim muito и пр. (наверное, верно, вероятно, скорее, кажется, очевидно, видимо, повидимому, видно, едва ли, вряд ли, собственно, пожалуй).

Noutro lugar tal convívio teria sido considerado impróprio, impossível, *amplamente estranho* [Barreno 1994]. – «В каком-либо другом месте подобное торжество могло бы счесть неуместным, невозможным, *в высшей степени странным*».

E ela, ela **naturalmente nem pensava** em tais coisas [Callado 1957]. – «Конечно же / естественно, она о таких вещах и не думала».

O caso dele era *naturalmente diferente* [Callado 1957]. — «Его случай, *естественно, был иным / Естественно*, что с ним все было *по-другому*».

Estratégias internacionais habilmente delineadas, para acabar com os poderes legítimos, numa Europa que, *visivelmente, perdera os seus valores morais* [Вагтепо 1994]. — «Мастерски изложенные международные стратегии, разрушающие законодательные полномочия в Европе, которая *явно потеряла* свои моральные ценности».

Критерием классификации подобных единиц может быть понимание и признание определенного объема истины или лжи. Например, уверенная истина / уверенная ложь, с точки зрения знаний говорящего, оформляется с помощью единиц, типа: *certamente* (наверняка),

indubitavelmente, sem dúvida (несомненно), realmente (действительно), certamente (конечно), naturalmente (разумеется, естественно); предположительная истина / предположительная ложь сопровождается показателями: sobretudo (скорее, в основном), assim (вот, как-то), apenas, mal (едва, лишь только), provavelmente (видимо), relativamente (относительно); абсолютная неопределенность (неуверенность) маркируется такими единицами, как: possível, possivelmente, provável, provavelmente (может быть, возможно), ит certo, algum (некий, кое-какой).

Acostumado a que o detestassem, Airhan não esperava outro sentimento dos outros, ainda que fossem *relativamente poderosos*, como eu era então [Carvalho 1994]. — «Привыкший к ненависти со стороны других Айрхан ничего и не ждал от окружающих, особенно если они были *относительно могущественны*, к примеру, как я».

Необходимо понимать, что среди неопределенных суждений, вводимых различными показателями неуверенности, можно выделить те, в которых мы уверены (хотя мы этого не знаем), что они соответствуют действительности, относимых, по сути, скорее к истинным. Те суждения, которые, по нашему мнению, не соответствуют действительности являются, скорее, ложными, но мы опять же этого не знаем до конца. Существуют также неопределенные суждения, о которых мы абсолютно не знаем, истинны они или ложны.

Таким образом, в результате того, что *операция градуирования*, как мы уже упоминали, не только представляет понятия «размытыми» и «поступательными», но и содержит определенную неясность сама по себе, основными характеристиками операциональных средств градуирования, или градуаторов, могут выступать: неопределенность (как придание неясности словам или частям текста) и мнимая определенность (как попытка избежать прямого суждения). Примерами единиц речи, представляющих явление или описание нечетко, неявно, трансформирующих аспекты значения, служат: *quase* (*почти*), *mais* / *muito* (*более* / *очень*), *menos* / *pouco* (*менее* / *не очень*) и т. д.

O Parlamento Europeu diz *quase o mesmo*... [Bruno Horta 2016, c. 47] – «Европарламент говорит *почти то же самое*...»

Quatro paredes brancas, *quase nuas*, a cercarem a cama, três cadeiras, o guardafato, a cômoda, a secretária [Braga 1996]. — «Кровать была окружена четырьмя *практически гольми* стенами, рядом также было три стула, шкаф, комод и письменный стол».

Помимо неопределенности и мнимой определенности важной характеристикой градуаторов является их субъективный характер. Речь идет о таких градуаторах, как sinceramente, pessoalmente, visivelmente (честно говоря, собственно, видно) и т. д., использующихся часто, чтобы подчеркнуть личностный характер высказывания.

Если брать за основу критерий нарастания и убывания степени признака, то операциональные средства градуирования можно распределить по трем группам.

- 1. Градуаторы (операторы градуирования), регистрирующие повышение степени признака: *mais* (более), até (даже), mesmo (даже), ainda (еще), assim muito (вот так), só (только, лишь).
- 2. Градуаторы (операторы градуирования), регистрирующие понижение степени признака: menos (менее), não mais (не больше), о menor (наименее), apenas (едва), simplesmente (всего лишь, только).
- 3. Градуаторы (операторы градуирования), обеспечивающие обе эти возможности: как повышение, так и понижение степени признака: *quase* (*noчти*), *não só*, *nem* (*не просто*).

Согласно современным лингвистическим исследованиям, операторы могут быть также классифицированы в соответствии с акцентируемой ими имплицитностью / эксплицитностью. Акцентируемая имплицитность, обеспечивающая некатегоричность суждения, присуща таким единицам, как quase (почти), ит pouco, apenas (чуть), такие (более), тепов (менее), тито (очень), ит, algum (около) и т. д. Такие единицы, как absolutamente (абсолютно), completamente (полностью), plenamente (совершенно), сеттатенте (точно), совсем (todo) и др. характеризуются акцентируемой эксплицитностью, обусловливающей категоричность суждения. Такие единицы, как mais ou menos (более или менее) фиксируют промежуточный характер суждения. Выражение и подчеркивание завершенности или незавершенности информации происходит с помощью таких показателей, как e assim por diante, e mais, e outros, assim (и т. д., с другое / прочее, так).

«В системе безотносительных степеней качества (имплицитно они выражают относительный характер меры качества и содержат отсылку к абсолютному компоненту их значения) выделяются степени интенсивности (высокая — средняя — низкая), степени достаточности (избыточная — достаточности (избыточная — достаточная — недостаточная) и степени

полноты (полная — неполная); в системе относительных степеней качества выделяются: экватив (например: Ele é tão inteligente, como bonito — Он столь же умен, сколь красив), сравнительная (компаратив, например: Ele é mais inteligente do que bonito — Он больше умен, чем (нежели) красив) и превосходная (суперлатив, например: Ele é o mais inteligente de todos bonitos — Он самый умный из всех красивых); позитив же рассматривается как исходная форма относительных и безотносительных степеней качества» [Воротников 1999, с. 114–119].

Вышеперечисленные факты языка тесно связаны с явлением фазификации [Левицкий 2008, с. 411–424], с референциальной нечеткостью [Zhang 1998, с. 14]. «Фазификация выявляется в случае неудачи первичной категоризации и обусловливает дополнительную, повторную, категоризацию, когда говорящий пытается отчетливее представить контуры некого явления, как бы выйти из «номинативного тупика». Причем о фазификации можно говорить не только в случае уточнения номинации (это – вроде фрукт; É tipo fruto), но и при обозначении нечеткого, «размытого», недискретного количества (esperem uns 20 тіпиtos – подождите около 20 минут) или признака (estive ит роисо ofendido – я был немного обижен)» [Левицкий 2008, с. 411–424].

Consumira já *quase por completo* a herança dos pais... [Braga 1996]. — «Он *почти полностью* растратил родительское наследство».

...depois de se não verem havia quase cinco anos, êsse primo de quem jamais gostara [Braga 1996]. — «...после того, как они не виделись почти пять лет, он так никогда не смог полюбить этого двоюродного брата».

Tinha agora uma expressão de horror no rosto. Horror *não era bem o termo* [Carvalho 1999]. — «На его лице было выражение ужаса. Ужас — *не совсем точное определение* того, что с ним происходило».

Как показывают примеры, подобное фазифицированное суждение включает в себя некий элемент отрицания, выражая неопределенность, неточность в восприятии суждения, отсылку на что-то не до конца понятое, несоответствующее имеющимся данным или отрицаемое ими.

Заключение

Согласно Е. С. Кубряковой, «методы когнитивной семантики, в которой принимается, что значение выражения не может быть сведено

к объективной характеризации ситуации, описываемой высказыванием, являются не менее важными, чем ракурс, выбираемый "концептуализатором" при рассмотрении ситуации» [Кубрякова 1996, с. 73]. В основе градуирования, как некого количественного изменения качества, лежат не особенности денотативной семантики, а его субъективная интерпретация. Таким образом, использование операторов градуирования разных уровней позволяет: индивидуализировать свое высказывание (придавая уверенность, сомнение, выражая определенное отношение к сказанному); лимитировать степень достоверности или реальности суждения; избежать абсолютной трактовки, внося запланированную неясность; регулировать категоричность или некатегоричность; преувеличивать или преуменьшать, высказывать предположение посредством логического следствия или же дать субъективный прогноз и т. д.

Проблема понимания смыслов в дискурсе связана с моделями использования лексических средств градуирования и их манипулятивным потенциалом, обусловленным необходимостью воздействия на максимально широкую аудиторию, с одной стороны, и с выполняемыми ими функциями — с другой.

Следует отметить, что операторы градуирования приобретают свои смыслы (истинность, ложность, достоверность, категоричность, неопределенность и др.) исключительно на базе текста и коммуникативной ситуации, где обеспечивается взаимодействие автора и читателя, говорящего и реципиента. Использование данных средств характеризуется крайней степенью субъективности и высоким уровнем культурной обусловленности, ввиду того, что собеседники, являющиеся частью определенного языкового сообщества и имеющие некую общую образовательную базу, традиционно разделяют социально принятые эстетические стандарты и идеалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М. : Азбуковник, 1999. 281 с.

Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.

Левицкий А. Э. Между ДА и НЕТ: проблемы когниции и коммуникации // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2008. 423 с.

- Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 166 с.
- *Barreno M. I.* O senhor das ilhas. 1994. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 18.01.2017).
- *Braga M.* Espólio Intacto. 1996. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 30.03.2016).
- *Callado A.* A Madona de cedro. 1957. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 16.12.2016).
- *Carvalho B.* As iniciais. 1999. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 04.05.2016).
- Horta B. A tortura da família Saud // E. A Revista do Expresso. 2016. № 2256.
- *Kopple V.* Some Explanatory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. Berlin, New-York: de Gruyter, 1985. № 36. P. 82–93.
- *Lakoff G.* Hedges. A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183–228.
- *Mário de Carvalho*. Um deus passeando pela brisa da tarde. 1994. URL : www. corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 28.01.2017).
- Opitz K. Formelcharakter als Indiz fur Fachsprachlichkeit: ein definitorischer Ansatz. Tübingen, 1981.
- Quirk R. et. al. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk. New York: Longman, 1985.
- Wales L. A Dictionary of Stylistics / L. Wales. New-York: Longman, 1989
- Zhang Q. Fuzziness vagueness generality ambiguity // Journal of Pragmatics, 1998. Vol. 29. № 1. P. 13–31.

REFERENCES

- Vorotnikov Ju. L. Stepeni kachestva v sovremennom russkom jazyke. M.: Azbukovnik, 1999. 281 s.
- Kubrjakova E. S. [i dr.]. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, L. G. Luzina, Ju. G. Pankrac; pod obshh. red. E. S. Kubrjakovoj. M.: MGU, 1996. 245 s.
- Levickij A. Je. Mezhdu DA i NET: problemy kognicii i kommunikacii // Logicheskij analiz jazyka. Assercija i negacija. M.: Indrik, 2008. 423 s.
- Marjuhin A. P. Neprjamaja kommunikacija v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemeckogo jazykov) : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010. 166 s.
- *Barreno M. I.* O senhor das ilhas. 1994. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 18.01.2017).

- *Braga M.* Espólio Intacto. 1996. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 30.03.2016).
- *Callado A.* A Madona de cedro. 1957. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 16.12.2016).
- *Carvalho B.* As iniciais. 1999. URL: www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 04.05.2016).
- Horta B. A tortura da família Saud // E. A Revista do Expresso. 2016. № 2256.
- *Kopple V.* Some Explanatory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. Berlin, New-York : de Gruyter, 1985. № 36. P. 82–93.
- *Lakoff G.* Hedges. A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183–228.
- *Mário de Carvalho*. Um deus passeando pela brisa da tarde. 1994. URL : http://www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 28.01.2017).
- Opitz K. Formelcharakter als Indiz fur Fachsprachlichkeit: ein definitorischer Ansatz. Tübingen, 1981.
- Quirk R. et. al. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk. New York: Longman, 1985.
- Wales L. A Dictionary of Stylistics. New-York: Longman, 1989
- Zhang Q. Fuzziness vagueness generality ambiguity // Journal of Pragmatics, 1998. Vol. 29. № 1. P. 13–31.

УДК 811.131+81'44+81'27

А. И. Канев

аспирант сектора романских языков отдела индоевропейских языков Института языкознания PAH; e-mail: anatoly.canev@yandex.ru

АРИЯ-МЕТАФОРА В ЛИБРЕТТО ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу языка арий в либретто итальянских опер конца XVII – первой половины XVIII века, написанных разными авторами, среди них П. Метастазио, А. Дзено, П. Париати, П. Ролли, Ш. Маффеи, Дж. Фриджимелика-Роберти, В. Гримани, Н. Ф. Хайм, А. Пьовене, и др. В работе рассматривается внутренняя связь между выражением типовых аффектов, лексикой и используемыми в ариях метафорами. Среди различных типов оперных арий автор особо выделяет арии-сравнения, ввиду их широкой распространенности. Из большого количества поэтических образов в текстах арий наиболее часто встречается образ корабля во время морской бури, символизирующий бурю человеческих страстей. Выражению аффекта в арии служит определенный, достаточно узкий круг лексики, а метафоры и сравнения напрямую соотносятся с музыкальной изобразительностью, присущей опере-сериа.

Ключевые слова: итальянский язык; история итальянского языка; опера-сериа, либретто; метафора; аффект.

A. I. Kanev

PhD Student, Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: anatoly.canev@yandex.ru

METAPHOR ARIA IN ITALIAN OPERA LIBRETTI OF LATE 17th – EARLY 18th CENTURIES

The article studies the language of arias in Italian opera libretti of late 17th – early 18th centuries written by different authors such as P. Metastasio, A. Zeno, P. Pariati, P. Rolli, S. Maffei, G. Frigimelica-Roberti, V. Grimani, N. F. Haym, A. Piovene etc. A connection between expression of typical affects, lexis and poetical metaphors used in arias is dealt with. Among various types of opera arias the author specially singles out comparison arias as they are widely spread. Among many poetical metaphors one can highlight the use of a ship in a storm as the most frequent metaphor. It symbolizes a man in a life full of sinly passions. All those metaphors imply the use of very specific vocabulary and serve the expression of affect in arias. They also correspond to the opera-seria musical representativeness.

Key words: the Italian language; history of the Italian language; opera-seria; libretto; metaphor; affect.

Введение

Оперные либретто в итальянской литературе занимают особое место и являются ее немаловажной составляющей. В отличие от либретто на других языках, итальянские рассматриваются в качестве полноценных литературных произведений, а язык либретто — как элемент общепоэтического языка. Изучение текстов итальянской оперы важно и для понимания международной роли итальянского, который получил распространение в европейской культуре во многом благодаря оперному искусству.

Наша статья посвящена структуре и языку текстов оперы-сериа конца XVII – первой половины XVIII века, при этом особое внимание уделяется такому структурному элементу, как арии-метафоры, или арии-сравнения. В трактатах XVIII в. и современной музыковедческой литературе понятия ария-сравнение и ария-метафора не разделяются и являются взаимозаменяемыми синонимами в обозначении определенного типа арии, которые так же будут именоваться и в данной работе.

До настоящего времени тексты итальянской оперы XVIII в. остаются малоизученными и недооцененным, хотя в Сеттеченто литературные достоинства оперы часто не уступали музыкальным. Научные публикации на русском языке с лингвистическим анализом этих либретто практически отсутствуют. Что касается итальянских работ, то они, в основном, посвящены языку опер XIX в. и адресованы широкому кругу читателей. Из огромного количества либретто эпохи Сеттеченто хорошо изучены лишь те, которые вышли из-под пера П. Метастазио. Между тем изучение оперных текстов XVIII в. приобретает особую актуальность ввиду необыкновенно возросшего за последние десятилетия интереса к опере эпохи барокко и классицизма. Оперы Г. Ф. Генделя, А. Вивальди, Н. Порпоры, Л. Винчи, Й. Хассе и других композиторов ставятся по всему миру, что требует научного осмысления их литературной составляющей, ее роли и специфики.

Ария как выражение аффекта

Итальянская музыкальная драма (опера) зародилась в конце XVI в. как явление прежде всего литературное. В первые десятилетия своего существования опера была искусством элитарным и предназначалась для узкого круга интеллектуалов и аристократов, но к XVIII в. она

стала частью массовой культуры, а к двадцатым годам XVIII в. был создан новый тип музыкальной драмы – опера-сериа.

Эмоциональной доминантой оперы-сериа становится ария, функция которой – выражение определенного аффекта, эмоциональное переживание и осмысление сложившейся в ходе драматического действия ситуации. Само понятие аффект, применительно к музыкальному творчеству, а затем и музыкально-эстетическая концепция, называемая теорией аффектов, появились в Европе вследствие распространения в первой половине XVII в. рационализма в философии. Основа данной концепции – в трактатах Рене Декарта «Музыкальный компендиум» («Musicae compendium», 1650) и «Страсти души» («Les passions de l'âme», 1649), где предпринята попытка рационалистически обосновать аффективную природу музыки. Идеи Декарта были осмыслены и поддержаны в разных странах Европы. Согласно данной теории, цель и назначение музыки – изображение различных аффектов (сверхсильных эмоций), а также их пробуждение в слушателе. Такое понимание аффекта и его воздействия на слушателя отражено также в работах современных лингвистов. Е. М. Вольф определяет аффекты как «эмоции очень сильной степени интенсивности, когда субъект теряет контроль над их проявлениями» [Вольф 1996, с. 160]. В. Н. Телия отмечает, что «существуют два типа психологической оценки, связанной с эмоциональной сферой человека. Одна из них описывает чувства, а другая побуждает испытать некоторое чувствоотношение по поводу обозначаемого посредством стимулирующего воздействия на реципиента образного или равноценного ему представления обозначаемого» [Телия 1996, с. 34]. Оба этих определения могут быть применимы к текстам арий оперы-сериа.

В итальянском оперном искусстве XVIII в. теория аффектов сильнейшим образом влияла на выбор не только музыкальных, но и языковых выразительных средств, так как музыка и поэзия должны были образовывать нечто целое. В первую очередь это касалось использования метафор, разнообразных приемов звуковой организации поэтического текста и выбора лексики. Важнейшую роль в процессе восприятия оперы играет эмотивная оценка происходящего на сцене. «Эмотивная оценка всегда добавляется к рациональной, как бы наслаивается на нее, но за счет создания дополнительного эмоционального стимула, а таковым в языковых выражениях может быть только ассоциация

с образным прочтением дескрипции (или обращение к специальным морфологическим или фонетическим средствам)» [Телия 1996, с. 34].

Арии-метафоры

Особый интерес в оперном наследии представляют метафоры, многочисленность которых обусловлена (помимо специфических требований жанра) тем гедонистическим отношением к искусству, которое преобладало в XVIII в. Целью искусства в целом и оперного искусства, в частности было наслаждение в самом высшем смысле этого слова. В этом контексте особую актуальность приобретают слова Цицерона о метафоре: «Вначале одежду придумали, чтобы предохранять себя от холода, затем стали надевать, чтобы украсить и облагородить тело; также и метафора, порожденная недостатком, получила развитие ради наслаждения» [цит. по: Гак 1988, с. 11]. Метафоры и метафорические выражения идеально подходят для выражения аффектов: «Как правило, выражения, обозначающие проявления аффектов носят метафорический характер» [Вольф 1996, с. 161].

Арии, основанные на метафорических образах, — это так называемые арии-сравнения, или арии-метафоры. Часть из них принадлежит героической образной сфере — многочисленные картины войны, охоты, моря, а часть — лирической — сравнения с различными птицами, ветерками (zeffiretti) или волнами (onde). Помимо вышеназванных предметов поющий персонаж может сравнивать себя (или, реже, другого) с:

- царем, пастухом pastore (ария Il pastor se torna aprile, Metastasio, Semiramide riconosciuta II, 6) [Metastasio URL];
- воином на поле брани guerriero (ария Qual guerriero in campo armato, Lalli, Idaspe, I, 16) [Library of congress URL];
- рыбаком pescator (ария È ver che all'amo intorno, Metastasio, Alessandro nell'Indie, II, 11) [Metastasio URL];
- кормчим nocchiero (ария Tutto fa nocchiero esperto, Zeno, Ifigenia in Aulide, II, 7) [Libretti d'opera URL];
- или путешественником на корабле во время бури passegiero (ария Passegger, che su la sponda, Metastasio, Semiramide, II 13) [Metastasio URL].

Очень часто используются сравнения героя с различными животными. В языке и литературе «названия животных при перенесении на людей обычно обозначают их внешний вид или черту характера (лошадь,

медведь, осел и т. п.)» [Гак 1988, с. 18]. Немного реже человек сравнивается с животным, когда столь же хорошо выполняет какое-либо действие (работает как вол, поет как соловей). В ариях производится сравнение с совершаемым животным действием, которое, как правило, воспринимается героем метафорически. Раненый олень убегает от дротика охотника, ища целебную траву (ария Cervo in bosco, Frugoni, Il Medo I, 12) [Il Medo URL] — герой странствует по свету; конь несется галопом, почуяв близость постоялого двора (Quel destrier, che all'albergo è vicino, Metastasio, Olimpiade, I, 3) [Metastasio URL] — герой в нетерпении ждет бракосочетания; влюбленный соловей поет (Quel'usignolo che innamorato, Zeno, Merope II, 4) [Libretti d'opera URL] — поет и герой.

«Морские» арии

Часто в ариях-сравнениях используется образ корабля (nave, naviglio или legno – букв. 'дерево' (материал), в итальянской поэзии использовалось по метонимии в значении «корабль») или лодки (navicella), терпящих бедствие (глагол naufragare) в бушующем море (mar turbato). Морская волна (onda) шумит (freme), ее гонят два ветра (agitata da due venti). Герой или разум героя уподобляется кормчему (nocchiero), который боится крушения. Наглядным примером может послужить ария Костанцы из оперы А. Дзено и К. Гольдони с музыкой А. Вивальди «Гризельда»:

Agitata da due venti / freme l'onda in mar turbato / e 'l nocchiero spaventato / già s'aspetta naufragar. / Dal dovere, e dall'amore / combattuto questo core / non resiste; par, che ceda, / e cominci a disperar (Zeno, Goldoni, Griselda, II, 2) [Libretti d'opera URL]. — «Волнуемая двумя ветрами, шумит волна в бушующем море, и испуганный кормчий уже ждет крушения. Это сердце, разрываясь между долгом и любовью, не выдерживает, кажется, уступает и начинает отчаиваться» 1.

Приведенный пример – типичная ария-сравнение, во второй строфе которой прямо обозначен конфликт любви и долга, являющийся истолкованием образа двух ветров. Состояние психологической раздвоенности, когда герой находится перед драматическим выбором между страстью (amore) и долгом (dovere) является одним из наиболее распространенных эмоциональных состояний. Выражается оно

 $^{^{1}}$ Этот и все последующие переводы арий авт. – K. A.

в противопоставлении двух образов в арии, или в одном образе, содержащем два контрастных начала.

Образ двух ветров устойчиво встречается в ариях XVII–XVIII вв.:

- в опере на текст Н. Минато «Падение Элио Сейяно» (1667) ария Son nocchiero fra due scogli (Minato, La caduta di Elio Seiano, III, 2) [Libretti d'opera URL];
- в либретто Дж. Росси и А. Хилла «Ринальдо» (1711) ария È un incendio fra due venti (Rossi, Hill, Rinaldo, III, 4) [Libretti d'opera URL];
- в опере на текст А. Сальви «Геракл на Фермодонте» (1723) ария *Da due venti un mar turbato* (*Salvi, Ercole sul Termodonte, II, I*) [Salvi URL].

Помимо указанных слов регулярно используются существительные scoglio 'скала, риф', sponda 'берег или борт судна', procella или tempesta 'буря', torrente 'поток', stella 'звезда', nembo 'туча', porto 'порт, пристань', cielo 'небо', sorte 'судьба', speme 'надежда', а также причастие combattuto 'боримый'. Волны могут быть гибельными, роковыми funeste, гордыми orgogliose. Буря tempesta бывает роковой fatale, пагубной funesta, ужасной orrida. По причине ограниченности и повторяемости лексики можно выделить отдельный тип арий, называемых морскими.

К концу XVII в. морские арии стали всё более востребованными. Образ бури очень хорошо подходил для виртуозной вокальной партии, где трудноисполнимые пассажи почти осязаемо изображали волны. В первой трети XVIII в. редкая опера обходилась без морской арии. Обычно таких арий в опере было одна или две, в некоторых текстах три (либретто А. Дзено «Теуццон»; А. Дзено, К. Гольдони «Гризельда») или даже четыре (К. Фругони «Медей»). В оригинальных либретто Метастазио морские арии не слишком часты. Как и во многих других аспектах, Метастазио здесь очень умерен: одна (оперы «Китайский герой», «Деметрий», «Ахилл на Скиросе», «Фемистокл», «Зенобия»), максимум две арии (оперы «Олимпиада», «Узнанная Семирамида», «Аэций», «Артаксеркс», «Александр в Индии», «Сирой, царь Персии», «Адриан в Сирии», «Милосердие Тита»). При адаптации либретто Метастазио другие авторы добавляли в них морские арии. Так, Н. Хайм написал для оперы «Сирой» с музыкой Г. Ф. Генделя арию L'aura non sempre spira a favore (Metastasio, Haym, Siroe II, 9) [Libretti d'opera URL].

Арии «с фуриями»

Метафорический образ «корабль в бушующем море» был далеко не единственным типовым выражением аффекта. Несколько реже, но все же регулярно, встречается образ фурий из преисподней. Ария «с фуриями» – еще один тип арии, выделяемый в итальянской опере. Эта метафора использовалась для выражения аффектов гнева, ярости, мести, а также для характеристики отрицательных персонажей: злая волшебница, маг, сарацинский воин и т. д. В ариях «с фуриями» часто используются глаголы класса «гнев», максимального по признаку интенсивности четвертого подкласса — «беситься, свирепеть, приходить в ярость» (по классификации Е. М. Вольф) [Вольф 1996, с. 160]. В большинстве случаев, когда герой испытывает приступ гнева «фурии терзают его сердце» (ho mille furie nel cor), или же он добровольно призывает их разжечь ярость в его душе для совершения мести. См., к примеру, арии [Libretti d'opera URL]:

Crude furie degl'orridi abissi (*Minato, Stampiglia, anonimo, Serse, III, 11*); Furie terribili! (*Hill, Rossi, Rinaldo, I, 5*); Svegliatevi nel core, furie d'un'alma offesa (*Haym, Giulio Cesare in Egitto, I, 4*); Furie superbe di mostro orrendo (*Zeno, Merope, I, 3*).

«Птичьи» арии

Некоторые метафорические образы не соотносятся с какимто одним аффектом, например птица (augello или уменьшительно augelletto). Обратим внимание на форму слова: используется не собственно итальянская форма uccello, а заимствованный из окситанского языка поэтизм augello. Очень часто авторы используют образ соловья (usignolo, или в более архаичной форме, rosignolo), как правило, влюбленного (innamorato), который поет (canta) или изъясняется (spiega) о жестокости (crudeltà) судьбы (sorte или fato), утраченной свободе (perduta libertà) и / или вынужденном рабстве servitù или carcere 'тюрьма'). См., к примеру, арии [Libretti d'opera URL]:

Quel'usignolo che innamorato (*Zeno, Merope, II, 4*); Lieto così tal volta (*Metastasio, anonimo Adriano in Siria, I, 16*); Usignolo lascia il duolo (*Braccioli, Orlando furioso, II, 12*); Nel suo carcere ristretto (*Zeno, Teuzzone, II, 12*); Nasconde l'usignolo in alti rami il nido (*Rolli, Deidamia, I, 5*); Andrò ramingo e solo (*Morelli, Zeno, Salustia, I, 9*); Quando spieghi i tuoi tormenti (*anonimo, Orlando, II, 1*); Spera un'eco mi risponde? (*Lalli, Tigrane, III, 13*)

Помимо образа соловья, часто встречается образ ласточки (rondinella), тоскующей по своему гнезду (nido amico). См. арии:

La rondinella amante (*Zeno, Goldoni, Griselda, II, 1*) [Libretti d'opera URL]; Rondinella, a cui rapita (*Metastasio, Semiramide riconosciuta, I, 15*) [Metastasio URL].

Идея свободы является ключевой в «птичьих» ариях. Одно из самых часто употребительных слов — $libert\grave{a}$ 'свобода'. В других случаях образ птички используется просто для создания пасторального окружения, иногда вместе с ветерками (zeffiretti), ручейками (ruscelli) или источником (fonte), см.: ария Альмирены Augelletti che cantate из оперы «Ринальдо» (Hill, Rossi, Rinaldo, I, δ), арии Леокасты Augelletti garruletti, amoroso il vostro canto из оперы «Джустино» (Berengan, Pariati Giustino, III, δ) [Libretti d'opera URL].

Выбор образов диктовался жанром, но значение имел и индивидуальный вкус автора. Так, Метастазио написал большое количество «птичьих арий», где фигурирует ласточка (rondinella) и птичка (augeletti), но ни разу не использовал образ соловья (usignolo или rosignolo). Однако при переработке его либретто другими авторами, «соловьиные» арии туда охотно вставляли. Одной из причин распространения «птичьих» арий было то, что они позволяли сочинять невероятной трудности вокальные партии, перенасыщенные трелями и пассажами, имитировавшими пение соловья.

Заключение

Итак, мы видим, что центром и эмоциональной доминантой оперысериа была ария, с помощью которой автор текста и композитор выражали тот или иной аффект. Различные аффекты чередовались и распределялись между героями по принципу контраста *chiaroscuro* (светотени), что неизбежно отражалось на драматургии и структуре либретто. Постоянное использование метафорических образов объясняется, с одной стороны, погоней за звукоизобразительным эффектом (имитация в пении морской бури или пения птиц), с другой — стремлением автора выразить аффект через подходящий, хоть и типовой, поэтический образ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольф Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. М.: Ияз РАН, 1996. С. 137–166.
- *Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специальное // Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
- *Луцкер П. В., Сусидко И. П.* Итальянская опера XVIII века. Ч. 2: Эпоха Метастазио. М. : Классика XXI, 2004. 768 с.
- *Телия В. Н.* О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam E. M. Вольф. М.: 1996. С. 31–38.
- Bonomi I. Il docile idioma. L'italiano lingua per musica. Roma : Bulzoni, 1998. 320 p.
- Bonomi I., Buroni E. La lingua dell'opera lirica. Bologna: Mulino, 2017. 250 p.
- Coletti V. Da Monteverdi a Puccini. Introduzione all'opera italiana. Torino: Einaudi, 2003. 183 p.
- Il Medo. Milano, 1747. URL: books.google.ru/books?id=q4S8ML8Gt00C&pg =PA6&dq=il+medo&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjPu7rQ6OzYAhVHKVA KHSwJCXIQ6AEIMTAB#v=onepage&q=il%20medo&f=false (дата обращения: 01.08.2019).
- Library of congress. URL: www.loc.gov (дата обращения: 01.08.2019).
- Libretti d'opera. URL : www.librettodopera.it/public/ (дата обращения: 01.08.2019).
- *Metastasio P*. Drammi per musica. URL: www.progettometastasio.it/public/_(дата обращения: 01.08.2019).
- Migliorini B. Storia della lingua italiana. Milano, 1994. 761 p.
- Salvi A. Ercole sul Termodonte. URL: www.flaminioonline.it/Guide/Vivaldi/Vivaldi-Ercole710-testo.html (дата обращения: 01.08.2019).

REFERENCES

- Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika. Opisanie jemocional'nyh sostojanij // Funkcional'naja semantika: ocenka, jekspressivnost', modal'nost'. In memoriam E. M. Vol'f. M.: Ijaz RAN, 1996. S. 137–166.
- Gak V. G. Metafora: universal'noe i special'noe // Metafora v jazyke i tekste / pod red. V. N. Telija. M.: Nauka, 1988. S. 11–26.
- Lucker P. V., Susidko I. P. Ital'janskaja opera XVIII veka. Ch. 2: Jepoha Metastazio. M.: Klassika XXI, 2004. 768 c.
- Telija V. N. O razlichii racional'noj i jemotivnoj (jemocional'noj) ocenki // Funkcional'naja semantika: ocenka, jekspressivnost', modal'nost'. In memoriam E. M. Vol'f. M.: 1996. S. 31–38.

- Bonomi I. Il docile idioma. L'italiano lingua per musica. Roma : Bulzoni, 1998. 320 p.
- Bonomi I., Buroni E. La lingua dell'opera lirica. Bologna: Mulino, 2017. 250 p.
- Coletti V. Da Monteverdi a Puccini. Introduzione all'opera italiana. Torino: Einaudi, 2003. 183 p.
- II Medo. Milano, 1747. URL: books.google.ru/books?id=q4S8ML8Gt00C&pg =PA6&dq=il+medo&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjPu7rQ6OzYAhVHK VAKHSwJCXIQ6AEIMTAB#v=onepage&q=il%20medo&f=false (data obrashhenija: 01.08.2019).
- Library of congress. URL: www.loc.gov (data obrashhenija: 01.08.2019).
- Libretti d'opera. URL : www.librettodopera.it/public/ (data obrashhenija: 01.08.2019).
- *Metastasio P.* Drammi per musica. URL: www.progettometastasio.it/public/ (data obrashhenija: 01.08.2019).
- Migliorini B. Storia della lingua italiana. Milano, 1994. 761 p.
- Salvi A. Ercole sul Termodonte. URL: www.flaminioonline.it/Guide/Vivaldi/Vivaldi-Ercole710-testo.html (data obrashhenija: 01.08.2019).

УДК 811+81'34

Т. С. Мозоль, Е. С. Кудинова

Мозоль Т. С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: yoondanhee@gmail.com

Кудинова Е. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка как второго переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: e.kudinova@linquanet.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕМИННОСТИ В КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Основной целью данной статьи является изучение стереотипов феминности, репрезентованных в современных метафорах корейского языка. Результаты анализа позволяют говорить о том, что в современных корейских метафорах отражаются ценности патриархального андроцентричного общества: женщины и их деятельность представляются с точки зрения их отношения и места в жизни мужчин. Женщины представляют собой зависимый объект, практически лишенный агентивности.

Ключевые слова: гендер; гендерный стереотип; феминность; метафора.

T. S. Mozol, E. S. Kudinova

Mozol T. S., PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: yoondanhee@gmail.com
Kudinova E. S., PhD (Philology), Associate Professor, Department of English
as a Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: e.kudinova@linguanet.ru

REPRESENTATION OF FEMININITY IN KOREAN LINGUACULTURE

The main aim of the present study is to elucidate an understanding of the concept of 'woman' and analyze ways in which female stereotypes are expressed in modern Korean metaphors. The results of the analysis suggest that metaphorical expressions and culture codes from Korean proverbs are widely used in the modern language. The study also proved the existence of an explicit androcentric phenomenon in Korean proverbs and metaphors about women. Women are perceived as a dependent object that practically lacks agentivity.

Key words: gender; gender stereotype; femininity; metaphor.

Введение

Пол человека представляет собой одну из ключевых характеристик, определяющих социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире. Гендер представляет собой культурно и социально обусловленное понятие, он имеет институционализированный и ритуализированный характер. Все языки помимо того, что отражают антропоцентричный взгляд на мир, еще и передают в большей степени мужскую перспективу этого взгляда, т. е. являются андроцентричными в силу исторических особенностей развития человечества. Разным языкам в силу исторических и культурных особенностей присуща разная степень андроцентричности [Кириллина 2000, с. 7, 108].

Согласно исследованию социолога Г. Хофстеде, южнокорейское общество принадлежит к феминному типу (индекс маскулинности 39 из 100) (Hofsede Insights URL). В маскулинном обществе мужчинам и женщинам приписываются разные эмоциональные роли: мужчины должны быть решительными, жесткими, ориентированными на материальное благополучие, а женщины – скромными, мягкими и заботливыми. В феминных обществах мужские и женские роли во многом совпадают: мужчины и женщины скромны, покладисты, заботливы [Hofstede 1998, с. 16–17, 175]. Отталкиваясь от идеи о том, что язык является отражением культуры и его непосредственной частью, исследуем, как в современном корейском языке отражены представления о гендерных ролях и их корреляцию с результатами исследования Г. Хофстеде.

В последнее время в южнокорейском обществе большое внимание уделяется проблеме равноправия полов, в том числе в языке. В данной работе анализируются метафоры о женщинах в современных текстах корейского языка, проводится их сравнение с метафорами паремий с целью выявить, изменились ли культурные коды, заложенные в языковом материале под влиянием современных идей о гендерном равенстве.

Изучение метафоры, с точки зрения когнитивной лингвистики, позволяет лучше изучить понятийную систему человека, которая упорядочивается и определяется метафорически. С целью рассмотрения особенностей концептуализации феминности было проанализировано около 10 тыс. контекстов употребления слова «женщина» в современных текстах Корейского национального корпуса Сечжон

и корпуса Sketch Engine за последние 20 лет, из них были отобраны и систематизированы контексты метафорического употребления слова «женшина».

Основные типы метафор о женщинах

Выделим основные типы метафор о женщинах, обнаруженных в корпусе современных текстов.

Предметная метафора

1. Женщина – это вещь.

Женщина воспринимается как вещь, предмет или товар, который можно купить и продать (사다, 사들이다, 팔아 넘기다), поставить (조달 하다, 알선하다), обменять (바꾸다), передать (넘기다) и принять (인계 받다) выбрать (고르다, 선택하다), доставать (구하다), подбирать (물색하다), потерять (잃다, 빼앗기다), выбросить (버리다, 내버리다), оторвать от себя (떼 버리다), заполучить (확보하다, 얻다, 획득하다), отобрать (빼앗다), отдать (여자를 주다), украсть (가로채다, 훔치다, 약탈하다), схватить (붙잡다, 움켜쥐다, 꽉 잡아 붙들다), держать в руках (손아귀에 넣다), обладать, иметь (가지다, 소유하다, 차지하다), монополизировать (독차지하다, 독점하다), делиться (나누다, 공유하다), пользоваться, обращаться (이용하다, 활용하다, 쓰다, 다루다), снимать с котировки (상페너), надевать, прикреплять (끼다, 달다) и пр. Приведем несколько примеров:

내가 여자를 자주 바꾸는 거야 – «Я часто меняю женщин».

북한에서 여자를 모아서 넘기는 사람, 두만강이나 압록강변에서 인계 받는 사람, 중국 땅 한 곳에 가둬 두고 흥정하고 팔아 넘기는 사람… — «Люди, собирающие и поставляющие женщин из Северной Кореи; люди, принимающие у них женщин на берегах реки Туманган или Амноккан; люди, содержащие женщин в заключении в Китае, ведущие торг и продающие их…».

사랑하는 여자를 소유하고 독점하기 위해 결혼한 덕훈은… – «Токхун, который женился ради того, чтобы обладать и в одиночку владеть (букв. 'монополизировать') любимую женщину».

사랑보다는 출세에 도움이 되는 여자를 고른다. – «Выбирает женщин не по любви, а из соображений полезности для карьеры».

나이가 30이 넘은 노처녀를 상폐녀라고 부른다. – Старую деву за тридцать называют женщиной, снятой с котировки.

2. Женщина – это еда (пищевая метафора).

Женщину можно съесть (먹다), попробовать на вкус (맛보다), проглотить (삼키다), выплюнуть (뱉다), женщину можно выпить (마시다), ее можно жаждать (갈망하다). Женщина может уподобляться рождественскому торту (여자는 크리스마스 케이크), который теряет рыночную стоимость после 25 декабря, так и женщина после 25 лет теряет привлекательность. Кроме того, были обнаружены такие неологизмы, как 된장녀 (женщина-соевая паста — женщина, которая любит дорогие бренды, но при этом не имеет денег для их покупки), 김치녀 (женщина-кимчи — женщина, которая старается получить экономическую выгоду от мужчин), 간장녀 (женщина-соевый соус — экономная женщина), в которых женщины также уподобляются пищевым продуктам.

여자를 쓰면 뱉고, 달면 삼켜도 되는 것으로... – «Если женщина горька, ее можно выплюнуть, если сладка – проглотить...».

당신 같은 여자를 마시고 싶어서 가죠. – «Я иду, поскольку хочу испить таких женщин, как ты».

여자는 크리스마스 케이크다. – «Женщина – это рождественский торт».

Природоморфная метафора

1. Женщина – это животное (зоометафора).

Женщину можно поймать на удочку (낚다) и, соответственно, женщина, может попасться на удочку (걸려들다); женщину можно поймать и съесть (잡아먹다), преследовать (쫓다), упустить, словно добычу (놓치다), взять живьем (사로잡다), на нее можно охотиться (사냥). Женщина может уподобляться разным животным: лисе (여우), медведю (곱), змее (꽃뱀).

집요하게 쫓던 여자를 사로잡았건만… – «Захватил женщину, которую упорно преследовал...».

그 여자를 놓칠 수 없다. – «Я не могу упустить эту женщину».

세상에 있는 여자란 여잔 다 잡아먹고 싶어. – «Я хочу поймать и познать (букв. 'съесть') всех женщин на свете».

다시 여자 사냥을 나서게 됐다. – «Он снова вышел на охоту на женщин».

2. Женщина – это цветок (фитометафора).

Красивые женщины уподобляются цветам (꽃처럼 아름답다). Кроме того, были обнаружены такие выражения, как 꽃나이 (расцвет женской молодости, букв. — цветочный возраст), 꺾이다 (потерять привлекательность, букв. — быть сорванным). С другой стороны, некрасивые женщины уподобляются тыквам (호박) или цветкам тыквы (호박꽃).

함박꽃 같던 그 여자··· – «Похожая на пион женщина».

출판사에서 근무하는 여자들도 다들 호박들이야. – «Все женщины, работающие в издательстве, похожи на тыкву».

여자 나이 25이면 꺾였다. — «После 25 лет женщина теряет привлекательность (словно сорванный цветок)».

3. Женщина – это природная стихия.

Женщина может уподобляться воде. Так, выражение 물 좋다 (букв. 'хорошая вода') означает, что в ночном клубе, баре и т. п. много красивых девушек (реже может употребляться по отношению к молодым людям), в женщине можно утонуть (여자에게 빠지다), т. е. влюбиться.

대학가 주변 중에 어디가 물이 좋나요? — «Где поблизости с университетской улочкой есть хорошее заведение, где много красивых девушек (букв. 'заведение с хорошей водой')?»

길천호가 술과 여자에 빠져서 실력이 녹슨 탓이라고 한다. – «Говорят, что Ким Чонхо растерял все свои навыки из-за того, что увлекся алкоголем и женщинами ($\delta y \kappa g$. 'утонул в алкоголе и женщинах')».

Милитарная метафора

Женщина — это объект завоевания, за который нужно бороться: женщину можно завоевать (정복하다), захватить (점령하다), атаковать (공략하다). С другой стороны, женщина сама может привносить разрушения: некрасивая женщина уподобляется бомбе (폭탄녀).

새로운 여자를 정복했다. Завоевал новую женщину.

마음에 둔 여자를 공략하는 일이 어렵지만은 않았을 터였다. – «Атаковать понравившуюся женщину не представило особого труда».

소개팅서 만난 '폭탄녀' 퇴치법 있다. – «Существует способ избавиться от дурнушки (букв. 'бомбы'), встреченной на свидании вслепую».

Морбиальная метафора

Женщина может быть причиной психического расстройства: она может сводить с ума и лишать рассудка (여자에게 미치다, 넋을 빼놓다).

남자가 한 여자에게 넋을 빼놓고 있는 상태… – «Мужчина сведен с ума одной женщиной...».

나카이가 예쁜 여자에게 미쳤기 때문에… – «Накаи лишился рассудка из-за красавицы...».

Этностереотипы в современных метафорах

Обобщенный опыт многих поколений, превращенный в этностереотипы, закрепляется в коллективной памяти. Наиболее ярко национальный культурный код актуализируется в пословицах и поговорках. Согласно анализу, проведенному Т. С. Мозоль [Мозоль 2019], корейские паремии, репрезентующие стереотипную картину мира, как правило, передают обобщенный образ женщины преимущественно с отрицательной стороны. В корейских паремиях представлен андроцентричный взгляд на гендерные отношения: женщины и их деятельность представляются с точки зрения их места в жизни мужчин. В корейских пословицах, как правило, используются следующие способы метафоризации образа женщины:

- 1) реификация (женщина часто воспринимается не как самостоятельный человек, а как неодушевленный предмет, вещь, у которой есть свой хозяин;
- 2) зоометафора (женщина уподобляется животным, чаще всего домашним, которых нужно приручать);
- 3) фитометафора (в корейских паремиях женщина уподобляется цветку, часто не из-за своей красоты, а как объект обладания, который можно сорвать и присвоить);

- 4) пищевая метафора (женщина уподобляется еде, что подчеркивает ее роль в качестве источника удовольствия);
- 5) физическая метафора (женщины уподобляются воде, что подчеркивает их опасность, а плохую жену вместе с водой и огнем относят к трем бедствиям).

Основываясь на результатах анализа паремий и современных метафор, можно утверждать, что культурные коды, заложенные в корейских паремиях, продолжают существовать в метафорических выражениях современного языка [Мозоль 2019].

Как отмечает Ли Хеён, принижение роли женщины наблюдается в Корее и по сей день, в связи с чем гендерные асимметрии, зафиксированные в паремиях корейского языка, нельзя рассматривать как временное явление. Это достаточно прочно укоренившиеся в подсознании корейцев культурные стереотипы, которые продолжают существовать в той или иной форме и в наши дни [이 해영 2009, с. 212].

По результатам опроса, проведенного Корейским фондом развития СМИ в 2018 г., среди 1000 респондентов в возрасте от 20 до 50 лет, большинство опрошенных (85,8 % женщин и 75,6 % мужчин) считают, что корейский язык изобилует дискриминационными выражениями по половому признаку [Chosun Ilbo URL]. Такой же точки зрения придерживается и известный корейский филолог Мин Хёнсик, который утверждает, что современный корейский язык по-прежнему содержит большое количество выражений, транслирующих андроцентричный взгляд [민형식 2001, с. 308–310].

Современные метафоры о женщинах также подтверждают данную точку зрения. Корейские метафоры представляют женщин несамостоятельными, зависимыми от действий хозяина предметами, объектами эстетического удовольствия (уподобление цветам), женщина — это объект охоты (ее можно ловить, захватывать, упускать) и боевых действий (атака, завоевание) для мужчин. Обнаруженная морбиальная метафора, в которой женщина вызывает душевные расстройства у мужчин, перекликается с корейскими паремиями, изображающими женщин в качестве источника бед и зла.

Заключение

Анализ, выполненный в рамках данного исследования, не является исчерпывающим и всеобъемлющим и посвящен рассмотрению

лишь определенного среза языкового материала. Однако, несмотря на невозможность охватить весь существующий языковой материал в рамках одного исследования, можно сделать следующие выводы о репрезентации женственности в корейском языке.

Основываясь на изученном в ходе исследования языковом материале, можно утверждать, что по данным языка корейское общество в большей степени относится к маскулинным, нежели к феминным, в отличие от данных исследования Г. Хофстеде.

Корейские метафоры о женщинах, как правило, андроцентричны, в них отражается идея превосходства мужчин над женщинами, т. е. актуализируются культурные коды, свойственные корейским пословицам и поговоркам. Таким образом, можно утверждать, что большинство этностереотипов о женщинах, выраженных в корейских паремиях, продолжают существовать в корейском языке в современных метафорах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации : дис. . . . д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.
- *Мозоль Т. С.* Отражение гендерных стереотипов в паремиях корейского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (818). С. 81–97.
- *Chosun Ilbo*. URL: news.chosun.com/site/data/html_dir/2018/08/01/2018080100059.html.
- Hofstede Insights. Country comparison. URL: www.hofstede-insights.com/country-comparison/south-korea/.
- Hofstede G. and Associates. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. 256 p. (Cross-Cultural Psychology).
- 민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001. 이혜영 한국어와 일본어의 젠더표현 연구. 서울: 한국학술정보. 2009.

REFERENCES

- Kirilina A. V. Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2000. 369 s.
- *Mozol' T. S.* Otrazhenie gendernyh stereotipov v paremijah korejskogo jazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 2 (818). S. 81–97.

- Chosun Ilbo. URL: news.chosun.com/site/data/html_dir/2018/08/01/2018080100059.html.
- Hofstede Insights. Country comparison. URL: www.hofstede-insights.com/country-comparison/south-korea/.
- Hofstede G. and Associates. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. 256 p. (Cross-Cultural Psychology).
- 민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001. 이혜영 한국어와 일본어의 젠더표현 연구. 서울: 한국학술정보. 2009.

УДК 81'37

Ф. И. Панков, М. С. Соколова

Панков Ф. И., доктор филологических наук, доцент профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: pankovf@mail.ru

Соколова М. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: bellamaria@inbox.ru

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС МЕСТОИМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена вопросу целесообразности выделения категориального класса местоименных глаголов в грамматической системе русского и итальянского языков. Цель работы – на основе выявления особенностей функционирования глаголов с местоименной семантикой обосновать необходимость выделения такого универсального явления, как «местоглаголие», не только в диалектах, но и в просторечии, и в литературном языке. В статье на основе сопоставительного анализа исследуется семантика и грамматика подобных лексем.

Ключевые слова: категориальный класс слов; местоименный глагол; verbo vicario; verbo supporto; русский язык; итальянский язык.

F. I. Pankov, M. S. Sokolova

Pankov F. I., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; e-mail: pankovf@mail.ru

Sokolova M. S., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Romance Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; e-mail: bellamaria@inbox.ru

THE CATEGORIAL CLASS OF PRONOMINAL VERBS IN RUSSIAN AND ITALIAN: PROBLEM STATEMENT AND COMPARATIVE ANALYSIS

The article is devoted to a rather controversial issue, such as the expediency of the categorial class of pronominal verbs in the grammatical system of Russian and Italian. The aim of the work is to substantiate the necessity of identifying this universal lexical and grammatical phenomenon not only in dialects, but also in the vernacular and in the literary language, which is to be achieved by way of specifying

the features of verbs with pronominal semantics. The article offers a comparative analysis of the meaning and grammar of such lexemes.

Key words: categorial class of words; pronominal verb; verbo vicario; verbo supporto; the Russian language; the Italian language.

Введение

Как известно, в грамматических описаниях различных языков предлагаются те или иные классификации частей речи. Несмотря на множество разнообразных концепций и теорий, большинство из них разграничивают самостоятельные и служебные слова. В рамках всех самостоятельных частей речи, на наш взгляд, различаются знаменательные и местоименные категориальные классы слов (далее – ККС [Панков 2009]). Логично предположить, что и среди глаголов как самостоятельной части речи могут быть выделены знаменательные и местоименные лексемы [Панков 2017]. В этом случае можно согласиться с теми лингвистами, которые рассматривают местоимение как хотя и малую, но полноценную систему частей речи: «Местоимение (нужно отвлечься от этимологического значения термина) представляет собой особую надстроечную категорию, соотнесенную со всей системой частей речи (знаменательных) русского языка» [Лекант 2007, с. 22] (разрядка наша. – Прим. авт.).

Постановка проблемы

Не все лингвисты признают существование местоименных глаголов. Однако причина отрицания очевидного явления часто носит не собственно языковой, а сугубо терминологический характер. Действительно, в традиционной грамматике они не выделяются уже хотя бы потому, что глагол не является именем. По той же причине в число местоимений традиционно не включают местоименные наречия, относя их к классу не местоимений, а наречий. В научной литературе, в которой поднимается вопрос о статусе местоглаголия, обычно подчеркивается ограниченность сферы его употребления: либо речь идет об активном его функционировании лишь в диалектах, например в архангельских народных говорах [Федюнева 2011; Закревская 2013], либо к местоименным в литературном языке относят лишь так называемый аналитический глагол что делать в составе вопросительных предложений [Виноградов 1972, с. 262; Панов 1999, с. 173, 174].

С этим трудно согласиться, так как анализ конкретного материала русского и итальянского языков позволяет усомниться в справедливости каждой из двух высказанных точек зрения. Рассмотрим русские и итальянские местоименные глаголы последовательно.

Русское местоглаголие

В рамках русского местоглаголия выделим глаголы ∂ елать / $c\partial$ елать ¹, образующие видовую пару, другие дейктические глаголы, десемантизированные глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов, глаголы с местоименными корнями, просторечную и обсценную глагольную лексику, а также слово *нет*.

1. Глаголы «делать» / «сделать»

В русском языке функционируют как минимум три лексикосемантических варианта (ЛСВ) глаголов делать / сделать - знаменательный ЛСВ делать / сделать, ('производить / произвести, изготавливать / изготовить, создавать / создать', ср. англ. to make, ит. fare), местоименный ЛСВ делать / сделать, (ср. англ. to do, ит. fare), а также глагол-экспликатор делать / сделать, в составе описательных предикатов типа делать / сделать остановку (= останавливаться / остановиться). В ответ на вопрос Что Иван сейчас делает? или Что Иван сейчас делал / сделал? со знаменательным ЛСВ делать / сделать, нужно употребить существительное: кормушку, скворечник, макет танка или самолета и т. д., а в ответ на вопрос с местоименным ЛСВ делать / сделать, следует использовать глагол: мастерит или мастерил / смастерил кормушку или скворечник, строит или строил / построил модель танка или самолета, рисует или рисовал / нарисовал что-то, работает или работал / [?]поработал, отдыхает или отдыхал / [?]отдохнул и т. д. При этом в первом случае в ответе вполне можно использовать слова делать /

 $^{^1}$ Через косую черту (слэш) в тексте статьи на материале русского языка даются глаголы сначала несовершенного, а потом совершенного вида: $denamb \ / \ cdenamb$. Прочерк до или после слэша означает отсутствие глагола соответствующего вида: $ha6nodamb \ / -$. Цифра в нижнем индексе означает условный номер того или иного лексико-семантического варианта анализируемого слова: $denamb_1$, $cdenamb_2$. Вопросительный знак в верхнем индексе (7) свидетельствует о сомнительной корректности, а звездочка (*) – о невозможности употребления лексемы.

сделать (**делает** или **делал** / **сделал** скворечник), а во втором случае это невозможно (***делает** отдыхает или ***делал** отдыхал / ***сделал** отдохнул).

Все специальные (частные) вопросы выражаются местоименными словами: *кто, что, какой, чей, где, куда* и т. д. Поэтому логично, что и частный вопрос *Что делать* / *сделать*? также включает местоименные слова *что* и *делать* / *сделать*.

Безусловно, не любой глагол-антецедент можно заменить словами *делать* / *сделать* аналогично тому, как существительные замещаются личными местоимениями *он, она, оно*. См., например, (1a, 2a), ср. некорректность (1b, 2b):

- 1. a. Иван *болеет*.
 - b. *Иван *делает*.
- 2. а. Олег лежит на диване. Он плохо себя чувствует.
 - b. *Олег *делает* на диване. Он плохо (себя) *делает*.

Однако, на наш взгляд, возможность или невозможность замены знаменательного слова на местоименное не является универсальным операциональным методом верификации местоименных ККС. Существуют некоторые ограничения на его (метода) использование. В частности, следует учитывать, что местоименными ЛСВ глаголов делать / сделать в первую очередь замещаются полнознаменательные акциональные глаголы-антецеденты, причем, как правило, непереходные (переходными являются глаголы, реализующие ЛСВ делать / сделать). Такого рода ограничения возможны и в использовании других, «обычных», местоимений. Так, не всегда возможно замещение существительного-антецедента личным местоимением, однако местоимение из-за этого не перестает им быть (3а, 4а, 5а, 6а, 7а), ср. некорректность (3b, 4b, 5b, 6b, 7b) или (3c, 4c, 5c, 6c, 7c) и даже (7d):

- 3. а. Иван написал коротенькую записку.
 - b. *Иван написал коротенькую *ее*.
 - с. *Он написал коротенькую ее.
- 4. а. Семинар будет во вторник.
 - b. *Семинар будет в *него*.
 - с. *Он будет в *него*.

- 5. а. Моя начальница была в обмороке.
 - b. *Моя начальница была *в нем*.
 - с. *Моя *она* была в *нем*.
- 6. а. Девушка маленького роста расплакалась.
 - b. *Девушка маленького *его* расплакалась.
 - с. *Она маленького его расплакалась.
- 7. а. В Африку студенты поехали из любопытства.
 - b. *B Африку студенты поехали из него.
 - с. *В нее студенты поехали из него.
 - d. *В *нее* они поехали из *него*.

У местоимений, естественно, имеются грамматические особенности по сравнению с соответствующими знаменательными словами, что дает основания выделять местоимения, в том числе и глагольные, в отдельные, отличные от знаменательных, ККС.

Вряд ли возможно согласиться с тем, что местоименную функцию выполняет не глагол *делать*, а целое сочетание слов *что делать*. Как известно, выделяют несколько функций местоименных слов: дейктическую (указание на условия и участников речевого акта); заместительную, включающую анафорическую (отсылка к сказанному ранее) и катафорическую (соотнесенность с тем, что будет сказано позже), квантитативную, или кванторную (обозначение количества), и некоторые другие [Панков 2009].

Местоименные глаголы выполняют, в частности, заместительную функцию. Системное описание класса глаголов-заместителей пока отсутствует, однако понятие местоименного глагола, выраженное различными терминами, в традиционной русистике используется. Так, В. В. Виноградов ссылался на А. И. Зарецкого, который находил в русском языке «суррогат глагольного местоимения»: «Описательное глагольное местоимение *что делать*? Что это выражение, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответе на этот вопрос слово *делать* не повторяется и не подразумевается, например: *Что ты делаешь? — Читаю*, а не *делаю чтение* или *делаю читать*» [цит. по: Виноградов 1972, с. 262]. Вслед за А. И. Зарецким, В. В. Виноградов считал *что делать* неделимым местоимением.

Выделяют местоименные глаголы в татарском и монгольском языках наряду с местоименными существительными, прилагательными и

наречиями: «ср. татарск. *ниту* 'делать что-то', монгольск. *ингэх, тэгех* 'делать так', *аях* 'что делать' [Крылов 1989, с. 12].

М. В. Панов приводит точку зрения В. Д. Аракина относительно целесообразности выделения местоименных глаголов. Вслед за А. И. Зарецким и В. В. Виноградовым, В. Д. Аракин считает единым, неделимым, местоглаголием сочетание слов *что делать* / *что сделать* и называет его глагольным фразеологизмом: *Ты что делаешь?* – Да вот видишь – лежу, отдыхаю: «В этих диалогах две реплики грамматически параллельны: вопрос — целостное слово — местоименный глагол, без дополнения (*что делаешь*), и ответ — целостное слово, глагол (*думаю*)» [Панов 1999, с. 174].

Однако в этом случае мы будем вынуждены признать «местоглаголиями» и другие сочетания слов делать / сделать с разнообразными распространителями типа что-нибудь делать / сделать, что-то делать / сделать, что-либо делать / сделать, кое-что делать / сделать, это делать / сделать, то делать / сделать, делать / сделать так, делать / сделать иначе и др. аналогичные: Не сиди сложа руки, сделай хоть что-нибудь! И здесь мы солидарны с точкой зрения Н. А. Янко-Триницкой, которая представлена в [Панов 1999, с. 174].

Перейдем к другим группам глаголов, «претендующих» на звание местоименных.

2. Дейктические глаголы

Класс так называемых дейктических глаголов, «по своему смысловому назначению совпадающих с местоимениями», выделяет Н. Ю. Шведова [Шведова 1998, с. 42]. Дейктические глаголы она делит на две группы: свободные (ядерные, со свободной сочетаемостью) и связанные (неядерные). В систему местоименных слов по своим функциям, синтаксическому «поведению» и парадигматике, помимо делать / сделать, входят прежде всего свободные дейктические глаголы: поступать / поступить, происходить / произойти, делаться / сделаться и др., застывшая глагольная форма сделано, а также сочетание иметь место. Вокруг каждого ядерного глагола формируется группа неядерных. Например, вокруг осуществить ('сделать что-то, заранее предполагаемое') образуется группа: ввести (порядки), выполнить (обещанное), применить (меры).

3. Десемантизированные глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов

Элементы местоименной семантики несут также десемантизированные глаголы-экспликаторы (термин Т. В. Шмелевой) в составе описательных предикатов, имеющих однословные корреляты, например: оказывать / оказать (помощь), ср. помогать / помочь; производить / произвести (посадку), ср. сажать / посадить; одерживать / одержать (победу), ср. побеждать / победить; совершать / совершить (открытие), ср. открывать / открыть что-то; задавать / задать (вопрос), ср. спрашивать / спросить; давать / дать (ответ), ср. отвечать / ответить; заниматься / заняться (работой), ср. работать / -; вести / провести (наблюдение), ср. наблюдать / пронаблюдать; подвергать / подвергнуть (допросу), ср. допрашивать / *допросить*; *испытывать* / *испытать* (голод), ср. голодать / – и др. Сюда же отнесем и ЛСВ глаголов делать / сделать з: делать / сделать (ошибки), ср. ошибаться / ошибиться, делать / сделать (расчеты), ср. рассчитывать / рассчитать, делать / сделать (наблюдения), ср. наблюдать / -, делать / сделать (остановку), ср. останавливаться / остановиться и др. Десемантизация глаголов-экспликаторов означает «шаг» от знаменательной семантики к местоименной.

4. Глаголы с местоименными корнями

Иногда к местоименным глаголам относят только диалектизмы. Так, Г. В. Федюнева считает местоглаголиями только диалектные лексемы типа *тоговотать*, *стогокаться*, определяя данный класс слов как «глаголы, имеющие первичные дейктические корни». Однако автор не соглашается с Н. Ю. Шведовой в вопросе о выделении дейктических глаголов: по ее мнению, нельзя относить лексемы к составу дейктической системы на основании исключительно местоименной семантики. Г. В. Федюнева считает, что собственно местоглаголиями можно считать только те лексемы, которые образованы исключительно от местоимений. Местоглаголии, по ее мнению, в русском литературном языке не получили широкого распространения, но являются, в первую очередь, явлениями диалектов, поэтому часто остаются фактом лишь устной речи. Диалектолог акцентирует внимание на функциях местоименных глаголов: они используются только в случае затруднения

выбора говорящим нужного слова. Таким образом, коммуникативная задача, по ее мнению, здесь оказывается важнее номинативной [Федюнева 2011, с. 89–96]. В. А. Закревская добавляет к местоименным еще несколько глагольных лексем типа *тогогать, тогоделать* и др. из архангельских народных говоров [Закревская 2013].

Наши наблюдения показали, что глаголы с местоименными корнями содержатся не только в диалектах. В частности, к категориальному классу местоглаголий можно отнести просторечные глаголы, включая возвратные, этовать(ся), тогосить (тавосить) и мотивированные ими приставочные лексемы типа доэтовать(ся), заэтовать(ся), отэтовать(ся), переэтовать(ся), поэтовать(ся), приэтовать, разэтовать, сэтовать, утовотовать и другие аналогичные. Рунет наполнен примерами с подобными лексическими единицами (8–12):

- 8. **Этовать** употребляется в случае ненахождения либо незнания подходящего по смыслу глагола. Вот немного утрированный, но реальный пример: «Это надо туда **этовать**, чтобы оно не **этовало**».
- 9. Кстати, я употребляю, скорее, этовать, чем тавосить.
- 10. И вообще, иногда легче сказать *отвовать*, нежели, например, открыть, оторвать и т. д.
- 11. Жалко их, но сами до такой жизни доэтовались.
- 12. Меня разэтовал до слез «Властелин колец».

Нередко такие лексические единицы выступают в качестве глаголов-эвфемизмов (13–14):

- 13. Моя подружка называет секс поэтоваться.
- 14. Он успевает и песенку спеть, и девок на ходу отэтовать.

Этимологически и словообразовательно к глаголам с местоименными корнями примыкают лексемы, выполняющие полноценные семантические функции, типа *почемукать*, *чевокать*, *тыкать*, *выкать*, *потакать* и др. аналогичные.

5. Просторечная и обсценная лексика

По-видимому, к глагольной лексике с местоименными корнями примыкает и просторечная лексика, включая обсценную, выполняющая

функцию глагольных заместителей: фигачить, хреначить, херачить, ху...чить, тавонить, тавокать, а также мотивированные ими приставочные лексемы: зафигачить, вхреначить, захреначить, захерачить, вху...чить, заху...чить, раставонить, раставокать, утавонить, утавокать и др. аналогичные.

6. Лексема «нет»

Слово нет реализует несколько (по крайней мере, три) ЛСВ, отличающихся категориальным статусом. ЛСВ нет, — частица: Скажите, это Куинджи? — Нет, не Куинджи, это Айвазовский. Антонимом для ЛСВ нет, является частица да: Да, это Куинджи. ЛСВ нет, — безличный глагол: У вас есть свободное время? — Увы, у меня совсем нет времени. Антонимом для нет, служит глагол есть: Да, у меня есть время. ЛСВ нет, — это местоименный глагол, способный выполнять анафорическую функцию. Мы согласны с Национальным корпусом русского языка, который также слово нет относит к местоименным глаголам в примерах типа Он ушел, а я нет. Действительно, экспликация смысла подтверждает сказанное: Он ушел, а я не ушел. Добавим лишь, что лексема нет замещает не просто глаголы, а глаголы с отрицанием: Все отправились в лагерь, а мы нет (не отправились).

Возможно, элементы местоименной семантики имеются и у глаголов *делать* / *сделать* в составе фразеологических единиц типа *делать* / *сделать* большие глаза, *делать* / *сделать* вид и др.

Теперь рассмотрим итальянские корреляты русского местоглаголия.

Итальянское местоглаголие

Лингвистическая терминологическая традиция, сложившаяся в Италии и некоторых других европейских странах, несколько отличается от русской. В итальянском языке коррелятами русских местоименных глаголов являются verbo vicario (глагол-замена) и verbo supporto (глагол-опора). Отдельно в работе коснемся функций категориальной (частеречной) принадлежности слова no — нет.

1. Verbo vicario

Своим названием *verbo vicario* 'глагол-замена', 'глагол-заместитель' обязан той функции, которую выполняет в предложении: он замещает глаголы-антецеденты, употребленные ранее в контексте,

с целью избежать повтора. Другими словами, мы имеем дело с анафорической местоименной функцией, когда глагол не называет, а лишь указывает, соотносит элементы высказывания. Сравним примеры (15–16) с глаголом *fare* (рус. *делать* / *сделать*):

- 15. Tutti i commensali proruppero in esclamazioni, e in elogi del vino; fuor che il dottore, il quale, col capo alzato, con gli occhi fissi, con le labbra strette, esprimeva molto più che non *avrebbe potuto far* con parole [Мапzoni 1985, с. 88]. «У всех сотрапезников вырвались восклицания и похвалы вину, за исключением доктора, который, подняв голову, уставился глазами в одну точку и многозначительно сжал губы, выражая этим гораздо больше, *чем мог бы сказать* (*досл.* 'сделать') словами».
- 16. Che fai? *Sto facendo* un compito. «Что ты делаешь? Я *делаю* задание».

Если в примере (15) глагол *fare* выполняет анафорическую функцию, отсылая к предшествующему контексту и замещая глагол *esprimere* — выражать, то в примере (16) он является знаменательным глаголом. Приведем еще примеры анафорического употребления глагола *fare* (примеры взяты из Толкового словаря Треккани [Treccani URL]):

- 17. Hai finito di vestirti? Già *fatto*. «Ты закончил одеваться? *Да* (*досл.* '**сделано**')».
- 18. Scrisse la lettera, e quand'ebbe fatto l'imbucò. «Он написал письмо, и, как только это сделал, отправил его».
- 19. Glielo vorrei proporre ma non so come *fare*. «Я хотела бы ему это предложить, но не знаю, как это *сделать*».
- 20. Disse male di tutti com'era solito *fare*. «Он плохо обо всех отозвался, что ему было свойственно (*досл.* 'что он обычно и делал')».

В итальянском разговорном языке существуют устойчивые конструкции, в которых глагол *fare*, помимо анафорической функции, выполняет еще и усилительную функцию, являясь своего рода плеоназмом:

21. Il continuo fumare che *fa*, finirà per intossicarlo. – «Его постоянное злоупотребление сигаретами приведет, в конце концов, к интоксикации организма (*досл.* 'постоянное курение, которое он делает')». Заместительную местоименную функцию выполняет глагол fare в устойчивых выделительных конструкциях типа non fa che piangere (рус. только и делает, что плачет), non fa altro che piovere (рус. целыми днями (целый день) льет дождь, досл. 'только и делает, что пьет дождь'). Заместительную функцию глагола fare, скорее, следует назвать катафорической, поскольку он отсылает к следующему за ним контексту. Рассмотрим примеры употребления этих конструкций:

- 22. Il resto di quel giorno, non *fece* altro che mulinare, far disegni sull'avvenire, e sospirar l'indomani [Manzoni 1985, с. 472]. «Весь остаток дня она только и *делала*, что мечтала, строила планы на будущее и страстно ждала следующего дня».
- 23. Si chiudono in camera, prendono il tè, fumano la pipa (anche Alberto si è messo a fumacchiarla, da un po' di tempo in qua), e parlano, parlano, beati loro, non *fanno* che parlare [Bassani 1999, с. 72]. «Они закрываются в комнате, пьют чай, курят трубку (Альберто в последнее время тоже начал покуривать трубку) и разговаривают, разговаривают, счастливцы, только и *делают*, что разговаривают».

В качестве антецедента глагола-замены могут выступать не любые глагольные лексемы. Так, реализация данной функции невозможна со статальными (стативными) глаголами:

24. *Chiara sapeva a memoria la ricetta, e Luca *faceva* lo stesso. — «*Кьяра знала наизусть рецепт, Лука это *делал* тоже».

Анафорическую функцию *verbo vicario* как *глагола-замены* можно понимать шире, т. е. не только как установление кореферентности с одним из глаголов, употребленных в предшествующем контексте, но и как замена, для которой не требуется выраженный антецедент. Он (антецедент) может быть восстановлен, с большей или меньшей степенью очевидности, благодаря нашим знаниям о мире и о языке. В результате данной замены *глагол-заместитель* может перенимать не только семантику антецедента, но и его управление. Помимо глагола *fare*, рассмотренного выше, в этой функции часто употребляются так называемые перцептивные глаголы, или глаголы восприятия. Рассмотрим пример, приведенный в статье Д. Ненчони [Nencioni 2000, с. 13–14], с перцептивным глаголом *vedere* – «видеть»:

25. *Vedi di* far presto. – *Постарайся* не опоздать (*досл.* 'смотри не опоздай').

В приведенном выше примере глагол vedere заменяет глагол cercare — стараться, пытаться. О том, что глагол vedere функционирует в качестве замены, говорит, во-первых, нехарактерная для знаменательного глагола vedere семантика: 'попытка не опоздать' не имеет ничего общего с визуальным восприятием (более того, глагол vedere в итальянском языке, как и видеть в русском, не употребляется в повелительном наклонении), во-вторых, нетипичное для vedere управление. Глагол vedere является переходным (прямопереходным), т. е. глаголом, требующим после себя прямого дополнения без предлога (vedere un film — посмотреть фильм), а функционируя как глаголзамена, становится косвенно-переходным глаголом по модели антецедента: vedere di fare qc = cercare di fare qc

Необходимо отличать функционирование глагола в качестве глагола-замены и употребление глагола в метафорическом контексте, на что указывает Д. Ненчони [Nencioni 2000, с. 13–14]. Сравним примеры (26–27):

- 26. *Guardava*, come *a una salvezza sfuggente, le navi* che uscivano dal porto. «Он смотрел, как на призрачное спасение, на корабли, покидавшие порт».
- 27. Non *vedo* via di uscita. «Я не вижу выхода».

В предложении (26) перцептивный глагол guardare 'смотреть' употребляется сразу в двух функциях: как знаменательный прямопереходный глагол в конструкции guardare le navi 'смотреть на корабли' и как глагол-замена косвенно-переходному глаголу mirare 'рассматривать, стремиться' в предложной конструкции guardava, come a una salvezza sfuggente = mirare, come a una salvezza sfuggente (досл. 'рассматривать в качестве призрачного спасения, стремиться как к призрачному спасению'). В примере (27) знаменательный глагол vedere употребляется в метафорическом смысле 'не видеть решения проблемы'.

2. Verbo supporto

Термином *verbo supporto* 'глагол-опора' обозначаются в большей или меньшей степени десемантизированные глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов, имеющих однословные

корреляты, например: *fare una domanda* (досл. 'делать вопрос'), ср. *domandare* — спрашивать / спросить; *prendere* congedo (досл. 'брать прощание'), ср. *congedarsi* — прощаться / попрощаться; *avere una speranza* (досл. 'иметь надежду'), ср. *sperare* — надеяться / понадеяться; *dare un consiglio* (досл. 'давать совет'), ср. *consigliare* — советовать / посоветовать; *essere in dubbio* (досл. 'быть в сомнении'), ср. *dubitare* — сомневаться / усомниться; *mettere spavento* (досл. 'класть испуг'), ср. *spaventare* — пугать / испугать. Экспликаторы в итальянском языке, как и в русском, тоже, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве местоименных глаголов, так как они являются «опорой» семантики существительного, входящего в состав описательного предиката.

В качестве экспликаторов употребляются глаголы наиболее общей, «размытой» семантики, в то время как основная лексическая нагрузка ложится на существительное-девербатив, обычно пропозитивное, в составе описательного предиката. Как видно из примеров, частотными «глаголами-опорами» в итальянском языке являются лексемы *fare* делать, prendere – брать, avere – иметь, essere – быть, mettere – класть, ставить. Однако полной десемантизации глаголов-экспликаторов всё же не происходит. В основном глаголы-экспликаторы передают аспектуальные характеристики действия, например: глагол prendere в описательном предикате prendere uno spavento – испугаться (досл. 'взять страх') передает инхоативный характер действия, так же как и в предикате prendere il volo – взлетать (досл. 'взять полет'); глаголы avere и essere в описательных предикатах avere sonno – хотеть спать (досл. 'иметь сон'), essere in pensiero – беспокоиться (досл. 'быть в размышлении') подчеркивают статальный (стативный) характер действия. А вот глаголы-экспликаторы fare и mettere способны передавать каузативное значение, например: fare furore – произвести фурор (досл. 'делать фурор'), fare paura – напугать (досл. 'делать страх'), mettere paura – напугать (досл. 'класть страх'), mettere in allarme – встревожить (досл. 'помещать в тревожное состояние').

Безусловно, степень десемантизации глаголов-экспликаторов разная и зависит как от самого «глагола-опоры», так и от имени в составе описательного предиката. Так, существительное *barba* — борода, входящее в состав описательного предиката *fare la barba* — брить / побрить (*досл.* 'делать / сделать бороду', однословный коррелят

sbarbare), не является девербативом и, как следствие, не может заключать в себе глагольной семантики, которая передается глаголом fare. Здесь, с нашей точки зрения, наблюдается большая фразеологическая «спаянность» элементов, о чем свидетельствует невозможность модификации данной конструкции (*fare una barba – добавление неопределенного артикля, *fare una bella barba – добавление неопределенного артикля и прилагательного), образования определительного придаточного с именным компонентом в качестве антецедента (*la barba che ho fatto – досл. 'борода, которую я сделал'), пассивизации, т. е. употребления в составе страдательного оборота (*la barba è stata fatta – досл. 'борода была сделана') и выноса именного компонента влево при сегментации, т. е. в качестве сегмента в конструкции «именительный темы» (* $la\ barba,\ l'ho\ fatta-\partial ocn.$ 'борода, я ее сделал'). При этом мы не можем причислить данный тип конструкций к фразеологически связанным единствам, так как значение предиката определяется значением входящих в него компонентов. Применительно к описательным предикатам с глаголом-экспликатором возможно говорить о большей или меньшей степени их лексикализации. Так, степень лексикализации компонентов описательного предиката fare una domanda - спрашивать / спросить - гораздо ниже, о чем свидетельствует возможность совершения всех вышеуказанных операций: fare una bella domanda – задавать / задать интересный вопрос (добавление неопределенного артикля и прилагательного), fare la domanda – задавать / задать конкретный вопрос (добавление определенного артикля), la domanda che ho fatto – вопрос, который я задал(а) (определительное придаточное с именным компонентом в качестве антецедента), la domanda è stata fatta – вопрос был задан (пассивизация), la domanda, l'ho fatta – вопрос, я его задала (вынос именного компонента влево при сегментации).

С точки зрения формы в итальянском языке описательные предикаты с глаголом-экспликатором имеют следующую структуру: «глагол-экспликатор + существительное с артиклем или без, иногда с предлогом», т. е. построены аналогично русской модели V+N: $fare\ colpo-$ ударять / ударить (docn. 'делать / сделать удар'), $fare\ una\ vincita-$ выигрывать / выиграть (docn. 'делать / сделать выигрыш'), $avere\ il\ timore-$ бояться / - (docn. 'иметь / - страх'), $avere\ in\ odio-$ ненавидеть / - (docn. 'иметь / - ненависть').

3. Лексема «по»

В итальянской лингвистической традиции лексема по, являясь коррелятом нет в значении, схожем с приведенным выше примером на русском языке (Он ушел, а я **нет**, ср. ит. Lui è andato via, е io **no**), определяется как наречие (см. словари Треккани [Treccani URL], Сабатини, Колетти [Sabatini, Coletti URL], Круска [Vocabolario degli Accademici della Crusca URL]). В отнесении отрицания по к этому категориальному классу для итальянской лингвистики нет ничего странного, так как наречие в традиционных классификациях воспринимается как часть речи, «где находят место абсолютно несхожие между собой лексемы лишь по той причине, что они не попадают под определение других частей речи» [Donati 2002, с. 47]. Однако есть основания не согласиться с традиционным мнением. Во-первых, налицо анафорическая функция лексемы по, свойственная местоимениям. Во-вторых, если эксплицировать пропозицию io no, получится io non sono andato via – а я не ушел. Следовательно, логично отнести данный ЛСВ no, по аналогии с русским нет, к местоименным глаголам. Отметим, что лексема по полифункциональна, в частности может служить дискурсивным маркером несогласия в несобственно-прямой речи, на что указывает Е. С. Борисова [Борисова 2018, с. 82].

Выводы

Подведем итоги. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что категориальный класс местоименных глаголов — реальный феномен грамматической системы как русского, так и итальянского языков. Это дает основания сделать предположение о его универсальном или фреквентальном характере. Местоглаголие функционирует и в кодифицированном литературном языке, и в диалектах, и в просторечии. В рамках русского местоглаголия выделены глаголы делать / сделать, образующие видовую пару, другие дейктические глаголы типа поступать / поступить, происходить / произойти, делаться / сделаться и др., застывшая глагольная форма сделано, сочетание иметь место, десемантизированные глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов типа оказывать / оказать (помощь), вести / провести (наблюдения), совершать / совершить (ошибку), глаголы с местоименными корнями типа этовать, просторечная и обсценная глагольная лексика типа тогосить, а также слово нет. В итальянском

языке коррелятами русских местоименных глаголов являются verbo vicario (глагол-замена), verbo supporto (глагол-опора), а также слово по - нет. По-видимому, категориальный класс местоименных глаголов в обоих языках характеризуется полевой устроенностью с ядром, приядерной зоной, ближней и дальней периферией. Ядром можно считать местоименный ЛСВ глаголов делать, / fare,, приядерной зоной - глаголы с местоименными корнями типа этовать в русском языке, а также единицы обсценной лексики, которые в итальянском языке в качестве местоименных глаголов не представлены. Ближняя периферия – лексемы нет / по, а дальняя – глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов (делать ошибку / fare uno sbaglio). Возможно, элементы местоименной семантики имеются и у глаголов делать / fare в составе фразеологических единиц типа делать вид / far finta. Местоимение же в целом представляет собой не часть речи, а полноценную, хотя и малую, систему самостоятельных (не служебных) ККС, включающую заместители не только собственно имен, но и наречий, и глаголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Е. С. Дискурсивные маркеры несобственно-прямой речи (на примере итальянских текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 801 (9). 2018. С. 78–90.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. С. 262.
- Закревская В. А. «Местоглаголие» в архангельских говорах. Семантика и прагматика языковых единиц. Тюмень: Титул, 2013. С. 34–37.
- Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: межвузовский сб. науч. тр. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5–13.
- *Панков Ф. И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: дис. . . . д-ра филол. наук. М. : МГУ, 2009. С. 67–91.
- Панков Ф. И. Местоименный глагол как категориальный класс слов // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина) : тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб. : Нестор-История, 2017. С. 111–112.
- *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М. : Наука, 1999. С. 173–174.

- Федюнева Г. В. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 89–96.
- *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. С. 42.
- Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino : Giulio Einaudi editore, 1999. 158 p.
- Donati C. Sintassi elementare. Roma: Carocci, 2002. 200 p.
- Manzoni A. I promessi sposi. Milano: Mondadori, 1985. 707 p.
- Nencioni G. Risposta al quesito del signor Renzo Cattaneo di Novaggio (Svizzera) sull'esistenza di aggettivi vicari in italiano // La Crusca per voi Ottobre 2000. № 21. Р. 13–14. URL : is.gd/mbCbjf (дата обращения: 02.08.2019).
- Sabatini F., Coletti V. Dizionario della lingua italiana. URL : is.gd/vNp1KF (дата обращения: 02.08.2019).
- *Treccani*. Dizionario della Lingua Italiana. URL : is.gd/TT16e7 (дата обращения: 02.08.2019), UTR : is.gd/F95FZM (дата обращения: 02.08.2019).
- Vocabolario degli Accademici della Crusca. URL : is.gd/d5Picv (дата обращения: 02.08.2019).

REFERENCES

- Borisova E. S. Diskursivnye markery nesobstvenno-prjamoj rechi (na primere ital'janskih tekstov) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp. 801 (9). 2018. S. 78–90.
- *Vinogradov V. V.* Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). 2-e izd. M.: Vysshaja shkola, 1972. S. 262.
- *Zakrevskaja V. A.* «Mestoglagolie» v arhangel'skih govorah. Semantika i pragmatika jazykovyh edinic. Tjumen': Titul, 2013. S. 34–37.
- *Krylov S. A.* O semantike mestoimennyh slov i vyrazhenij // Russkie mestoimenija: semantika i grammatika : mezhvuzovskij sb. nauch. tr. Vladimir : VGPI, 1989. S. 5–13.
- Pankov F. I. Funkcional'no-kommunikativnaja grammatika russkogo narechija: dis. . . . d-ra filol. nauk. M. : MGU, 2009. S. 67–91.
- Pankov F. I. Mestoimennyj glagol kak kategorial'nyj klass slov // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Russkij glagol» (k 50-letiju vyhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina): tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 15–17 nojabrja 2017 g.). SPb.: Nestor-Istorija, 2017. S. 111–112.
- Panov M. V. Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka. M.: Nauka, 1999. S. 173–174.
- Fedjuneva G. V. O statuse mestoglagolija v jazyke // Voprosy jazykoznanija. 2011. № 2. S. 89–96.
- Shvedova N. Ju. Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. M.: Azbukovnik, 1998. S. 42.

- Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino : Giulio Einaudi editore, 1999. Pp. 158.
- Donati C. Sintassi elementare. Roma: Carocci, 2002. Pp. 200.
- Manzoni A. I promessi sposi. Milano: Mondadori, 1985. Pp. 707.
- Nencioni G. Risposta al quesito del signor Renzo Cattaneo di Novaggio (Svizzera) sull'esistenza di aggettivi vicari in italiano // La Crusca per voi Ottobre 2000. № 21. P. 13–14. URL : is.gd/mbCbjf (data obrashhenija: 02.08.2019).
- Sabatini F., Coletti V. Dizionario della lingua italiana. URL : is.gd/vNp1KF (data obrashhenija: 02.08.2019).
- *Treccani*. Dizionario della Lingua Italiana. URL : is.gd/TT16e7 (data obrashhenija: 02.08.2019), UTR : is.gd/F95FZM (data obrashhenija: 02.08.2019).
- Vocabolario degli Accademici della Crusca. URL: is.gd/d5Picv (data obrashhenija: 02.08.2019).

УДК 811.131.1'282.2

М. А. Смирнова

кандидат филологических наук, доцент 35-й кафедры (романских языков) факультета иностранных языков ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ; e-mail: fiveoclocktea@qmail.com

ТРИЕСТИНСКИЙ ДИАЛЕКТ: ЛИНГВА ФРАНКА МЕЖДУ РОМАНСКИМ, ГЕРМАНСКИМ И СЛАВЯНСКИМ МИРОМ

Триестинский диалект итальянского языка, распространенный в муниципалитете города Триеста области Венеция-Джулия (Италия), а также на территории бывшего Австрийского Приморья в форме истро-венетского койне, принадлежит к колониальной группе венетских диалектов. Статус этого языкового образования, его лингвистическая аффилиация (от терджестино – диалекта фриульского типа – к венетским) менялись на протяжении веков, равно как и культурный контекст его существования. Ситуация естественного полилингвизма в регионе, где сосуществуют четыре официальных языка, привела к обогащению триестинского диалекта немецкими, словенскими и фриульскими элементами на всех языковых уровнях, придав ему черты лингва франка, обслуживавшей один из важнейших портов Адриатического побережья. В статье прослеживаются этапы формирования триестинского диалекта, его основные лингвистические особенности, с акцентом на лексический состав, в частности области и способы заимствования, а также перспективы развития.

Ключевые слова: романские языки; итальянский язык; итальянские диалекты; фриульский язык; языковые контакты; интерференция; социолингвистика; диалектология.

M. A. Smirnova

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Romance Languages, Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail: fiveoclocktea@gmail.com

THE TRIESTINE DIALECT: A LINGUA FRANCA IN BETWEEN THE ROMANCE, GERMAN AND SLAVIC WORLD

The Triestine dialect of the Italian language, spread in the Municipality of Trieste in the province of Venezia Giulia, as well as along the former territory of the Austro-Hungarian Empire in Istria in the form of the Istro-Venetian koiné, belongs to the group of the so called colonial Venete dialects. The status of this idiom, as well as its linguistic affiliation (from Friulan to Venete) and its cultural context have been changing during the past centuries. The situation of natural plurilinguism in the region, where the four official languages coexist, has led to the enrichment of the

Triestine dialect with German, Slovenian and Friulian elements at all language levels, giving it the features of the lingua franca, that served one of the most important ports of on the Adriatic coast. The article deals with the stages of development of the Triestine dialect, its linguistic characteristics, with a special attention on lexical borrowing, and perspectives.

Key words: Romance languages; the Italian language; Italian dialects; the Friulian language; language contacts; interference; sociolinguistics; dialectology.

Ввеление

Город Триест является административным центром автономного региона Фриули-Венеция-Джулия, отличающегося особым лингвистическим многообразием. На территории составляющих его областей Фриули и Венеция-Джулия четыре официальных языка: итальянский (одновременно являющийся и единственным государственным), фриульский, словенский и немецкий. При этом под итальянским языком предлагается понимать как литературную норму, так называемый *italiano standard*, так и его диалекты. Регион входит в область распространения венетских диалектов, принадлежащих группе северных итальянских диалектов, в их колониальной разновидности [Романские языки 2001, с. 106].

Каждый регион Италии уникален в своем лингвистическом развитии. На территории всей республики фиксируется итальянскодиалектальная диглоссия (с дальнейшей фрагментацией на говоры и наречия), однако некоторые регионы, среди которых первым является Фриули-Венеция-Джулия, накладывают на сложившуюся диглоссную ситуацию полилингвизм, а если точнее, квадрилингвизм, равного которому сложно найти на современной карте Европы.

Область Венеция-Джулия

Для понимания культурного и, в частности, лингвистического своеобразия Триеста необходимо обратиться к его истории. Первые письменные свидетельства о создании римской колонии Tergeste датируются 178 г. н. э., когда Триест, бывшая территория расселения прото-венетских племен, входит в латинскую среду.

В 1202 г. венецианский дож Энрико Дандоло силой захватывает город и подчиняет его Венеции. При поддержке аквилейских патриархов город ведет несколько кровопролитных войн против венецианского

господства, и в 1382 г. Триест просит протектората у австрийского герцога Леопольда. Последствия этого шага окажутся решающими для дальнейшего исторического, культурного и лингвистического развития всей области.

В 1719 г. Триест становится первым порто-франко на территории Австрийского Приморья. Именно это событие положило начало периоду длительного благоденствия и привлекло в город множество иноземцев, «оставивших следы» в истории диалекта. Период правления императрицы Марии Терезии (1717–1780) особенно важен и с точки зрения формирования языка, когда триестинский диалект вытесняет «колониальный» венецианский и становится койне для межнационального общения.

Во второй половине XIX в. на волне движения Рисорджименто в Триесте начинается борьба за освобождение от австрийского господства, которая завершается в конце Первой мировой войны с распадом Австро-Венгерской империи. Область Венеция-Джулия со столицей Триест отходит Италии 3 ноября 1918 г. по Сен-Жерменскому договору, после более шестивекового австрийского правления.

После окончания Второй мировой войны Триест получает статус Свободной территории (Парижский трактат 1947 г.). Наконец, Лондонский меморандум 1954 г. административно закрепляет «зону А» Триеста за Итальянской Республикой, в то время как «зона Б» остается в югославской юрисдикции. Окончательная граница между Италией и Югославией была определена положениями Озимского договора, подписанного 10 ноября 1975 г. в итальянском городе Озимо.

Конституционным законом № 1 от 31 января 1963 г. образована автономная область с особым статусом Фриули-Венеция-Джулия, административным центром которой и становится Триест.

Лингвистическая ситуация в области Венеция-Джулия

Термин «Венеция-Джулия» предложил в статье миланской газеты L'Alleanza 1863 г. лингвист из Гориции Грациадио Исайя Асколи, подразделивший регион Венеция на три части (ricerca.gelocal.it/ilpiccolo/archivio/ilpiccolo/2010/11/26/NZ_26_APRE.html): собственно Венето, тридентинскую Венецию (ныне регион Трентино-Альто-Адидже / Южный Тироль) и юлийскую Венецию с Фриули, полагая естественным пределом Восточной Италии Юлийские Альпы.

В дискуссии о статусе лингва франка в Альпийско-Адриатической зоне принимали в разное время такие ученые, как Бидвелл [Bidwell 1967], Фолена [Folena 1968–1970], Кортелаццо [Cortelazzo 1977], Метцельтин [Metzeltin 1990] и многие другие. Бидвелл высказал гипотезу о так называемом колониальном венецианском диалекте, распространенном на территории Австрийского Приморья, которую разделяют не все лингвисты. Так, Кортелаццо предпочитает говорить о «региональном итальянском» [Cortelazzo 1977, с. 525]. Вопрос о терминологическом определении лингва франка до сих пор остается открытым, однако ученые сходятся во мнении, что речь идет в данном случае об «итальянском языке с неизбежными далматовенетскими «вкраплениями», на котором в той или иной степени говорило автохтонное население побережья и островов Далмации» [Vianello 1955, с. 68]¹.

Под «лингва франка» мы, вслед за В. А. Виноградовым, будем понимать «функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов» [Виноградов 1990, с. 267]. Следует уточнить, что «лингва франка обычно функционирует в устной форме. В качестве лингва франка может использоваться язык одного из народов данного региона, нейтральный язык, не являющийся родным ни для одной из использующих его этнических групп, или пиджин на базе местного или европейского языка» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с. 104].

Канепари считает триестинский диалект «доминирующим иррадиатором итальянских диалектов, на котором основываются истрианский, юлианский и далматский говоры» [Саперагі 1984, с. 88].

Этот тезис подтверждает также и Кьярони, который указывает на то, что после 1866 г. Триест смещает Венецию в качестве административного, торгового и культурного центра [Chiaroni 1985, с. 146].

Говоря о типе билингвизма в рассматриваемой области, большинство лингвистов признает его функциональным, или пассивным, [Havranek 1964, с. 180], который пришел на смену совершенному билингвизму, распространенному вплоть до 1945 г.

«Размытию» билингвизма способствовало не только изменение государственных границ Австрийского Приморья, но и фашистская

 $^{^{1}}$ Здесь и далее перевод авт. – $M. \, C.$

языковая политика, насильственными методами насаждавшая итальянский пуризм.

Говоря о современном триестинском диалекте, лингвисты считают его «наследником» терджестино — мертвого венетского диалекта с фриульским субстратом [Gačič 2002, с. 88]. Терджестино дошел до нас в литературном памятнике «Dialoghi piacevoli in dialetto vernacolo triestino», составленном Γ. Маинати в 1828 г. Последний носитель терджестино, Джузеппе де Юрко, скончался в 1889 г.

Помимо терджестино стоит упомянуть о еще одной венетской разновидности фриульского языка — бизиакко. Этот идиом и сегодня бытует в лагунной зоне (города Градо, Марано, Линьяно, Оресера, Фазана, Паренцо и Монтоны), а также городах бывшей «зоны Б» свободной территории Триеста (Каподистрия, Изола, Умаго, Пирано и др.).

Основываясь на фонетических характеристиках триестинского диалекта, исследователи помещают его в ряд венетских говоров, образовавшихся в XVIII в. [Devoto, Giacomelli 1972, с. 60]. При этом базовая лексика, согласно Пеллегрини, содержит редкие семантические слои, неизвестные остальным венетским диалектам [Pellegrini 1987, с. 6].

Характерным для Триеста является повсеместное употребление диалекта. Это своего рода знак отличия города, который, находясь на пересечении культур, стремится сохранить свою самобытность. Согласно статистическим данным на 2017 г., 94% населения Триеста владеет триестинским диалектом, из них 82.3% использует его в качестве языка ежедневного общения (www.istat.it/it/files//2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf). Эти данные подтверждают, например, свидетельства триестинцев о собственном лингвистическом узусе (bora.la/2017/05/11/alla-ricerca-della-lingua-triestina/):

Mi el triestin lo parlo sempre, solo per educazion rispondo in talian, co xé el caso. Contentemose de parlar, de cantar, de conosserlo sempre de piú e mejo, sto nostro dialeto e insegnemolo ai nostri fioi, tanto l'italian lo imparerà a scola, come gavemo fato tanti, e mi iero anche brava! — «Я всегда говорю по-триестински, а по-итальянски отвечаю только из вежливости, если есть необходимость. Давайте будем говорить, петь, стараться узнать наш диалект всё лучше и больше, и научим наших детей, тем более что итальянский они и так выучат в школе, как это делали многие из нас, а я вообще была отличницей!»

К. Минка в статье «Trieste Nazione' and its geographies of absence» выдвинул тезис о «мифе о городе-космополите» и концепцию «нации Триеста» — идеале многонационального города, который настолько захватывает фантазию местных жителей, что они начинают идентифицировать себя с ней [Міпса 2009]. Культурный плюрализм предполагает не только терпимость к многообразию, но и уважение к чужим ценностям. Когда речь идет о городе-космополите, утверждает философ Т. Тодоров, эти ценности строятся на добровольном сотрудничестве в рамках открытого общества, которое формирует свой генетический код не по факту рождения, а на основании идеологического гражданства [Тоdorov 2007, с. 93].

Лингвистические характеристики триестинского диалекта

Лингвистические особенности триестинского диалекта связаны как с ареалом распространения, входящим в зону венетских диалектов, так и с влиянием суб-, ад- и суперстрата, о чем подробнее речь пойдет далее. Как и любой другой диалект большого города, триестинский не является полностью гомогенным, а представляет собой разнородную структуру. Выделяют три типа диалекта:

- 1) il triestino schietto patoco / el triestin patoco o triestin in cicara («чистый, настоящий») триестинский диалект, на котором говорит старшее поколение и который еще сохраняется в некоторых старинных семьях. Это диалект поэтической и народно-песенной традиции;
- 2) іl negron / el triestìn negròn триестинский «грубиянов с Сан-Джакомо» (bulli di San Giacomo); диалект низших слоев общества, грузчиков, портовых работников и маргиналов. Демаркационной чертой между первым и вторым типами является образование причастий прошедшего времени: в то время как «настоящий триестинский» предпочитает формы на -ado/-udo/-ido: savudo, podudo, podudo (от глаг. sapere, potere, volere), сниженный вариант диалекта нейтрализует спряжения в пользу единой формы -esto: sapesto, podesto, volesto [Магсаto 2001, с. 55];
- 3) il triestino annacquato / el triestìn slavazzado «размытый триестинский», который в некотором смысле приближается к истровенетскому койне. На нем говорит бо́льшая часть городского населения. Этот вариант очень распространен также и в северной Истрии (Муджа, Каподистрия), во Фриули (Монфальконе, Гориция, Удине),

в Градо и среди двуязычного населения, в том числе и за пределами Италии.

В последние годы становится всё более активным движение за признание триестинского диалекта языком. Например, на форуме, посвященном указанной инициативе, пользователь под псевдонимом Arlon пишет (bora.la/2017/05/11/alla-ricerca-della-lingua-triestina/):

Una xe el tempo de ogi, che con alta tecnologia, chatbot, riconosimento vocal, e cussì 'vanti, se basa ormai quasi totalmente su un riconosimento formal de una parlada, con un suo codice ISO. Xe una question per bon de sopravivenza, int'el medio termine: come che el triestin scrito se ga svilupado per sai de lori, piasi o meno, su internet, cusì el pol eser disfado... E un'altra roba xe la question come che la xe in pratica a Trieste: el triestin xe doprado, ogi, de quasi tuti... tanto che in giro ghe xe pien de lingue tecnicamente riconosude che xe ormai parlade de una picia minoranza, specialmente fra le gallo-italiche. Gavemo za visto el trend: basta molar per una generazion, e una lingua debole xe andada. Per sempre o poco via. Un strumento de più no fazesi mal¹.

«С одной стороны, сегодня повсеместно распространены высокие технологии, чат-боты, программы распознавания голоса и так далее, которые практически полностью основываются на формальном признании языка с собственным кодом ISO. Это вопрос выживания в прямом смысле слова: письменный вариант триестинского развился именно благодаря Интернету, нравится это некоторым или нет, но точно также он может и распасться <...>. Другой вопрос, как это на деле происходит в Триесте: на триестинском диалекте сегодня говорят почти все <...>. Вокруг полно языков, которые технически признаны таковыми и на которых говорит какое-нибудь крошечное меньшинство, особенно в галло-итальянской группе. Мы уже наблюдали этот тренд: достаточно не заниматься языком в течение одного поколения, и слабый язык исчезает навсегда. И вернуть его назад не получится».

Отметим, что проблема нормализации диалекта стоит достаточно остро, что осознается самими носителями, равно как и проблемы функционирования законодательно признанных диалектов и языков (говоря о галло-итальянской группе, автор, скорее всего, отсылает к пьемонтскому диалекту, который признан языком согласно статуту региона). Отдельно стоит отметить, что триестинский диалект

¹ Авторская орфография и пунктуация сохранены.

обладает достаточным количеством выразительных средств и гибкостью, чтобы адаптироваться к потребностям современного дискурса.

Ладинский субстрат и адстрат

Под ладинским субстратом и адстратом будем понимать, с одной стороны, реликтовые формы терджестино, а с другой — заимствования из современного фриульского языка. Фриульский язык существенно повлиял на фонетику триестинского диалекта, обусловив появление некоторых особенностей, не свойственных другим венетским диалектам. В частности, в безударном вокализме — продвижение вперед и закрытие /е, о/ в конце артикуляции, бо́льшее распространение апокопы; в консонантизме — отсутствие лениции интервокального /d/, отсутствие бокового фрикативного /l/, так называемого elle evanescente в абсолютном начале слова и интервокальной позиции между гласными среднего и заднего ряда, наличие аффрикат /ts, dz/ (ср. венецианск. фрикативные /s, z/), а также сохранение латинских групп согласных PL, BL, CL, GL: bleda sf. (pena), clocia sf. (наседка), glesia sf. (церковь).

Наблюдается также воздействие на некоторые морфосинтаксические структуры, особенно в области глагольного спряжения. Так, формы 3-го л. ед. ч. оканчиваются на -i (el senti, el credi), ср. венецианск. el sente, el crede. Об образовании условного периода подробнее будет сказано ниже, поскольку фриульское влияние коррелирует со словенским адстратом. Результатом фриульского влияния считают также отсутствие в триестинском диалекте вопросительного спряжения с клитикой, характерного для венетских диалектов: cosa te ga? cosa te fa? против венецианского cosa gastu? cosa fastu? [Pellegrini 1960].

В области словообразования следует отметить суффиксы -at, -az, -et, -uz, -iz, -ul, продуктивные не только для ладинских основ:

brusadìz sm. (головешка) < brusâ v. friul. (гореть), caziùl ms. (поварешка) < cazàr v. triest. (вставлять, пихать), chibìz ms. (человек, который подсматривает за играющими в карты; шпион) < chibizar v. triest. (подсматривать, шпионить) и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в определенный период интерференция между фриульским языком и триестинским диалектом (особенно на стадии терджестино) была весьма активной,

однако на сегодняшний день установить, идет ли речь о реликте ладинского субстрата или современном заимствовании из адстрата, довольно сложно. Не последнюю роль в этом играет исторический антагонизм между жителями Триеста и представителями фриульского меньшинства, который сохраняется по сей день. Триестинский диалект, будучи престижной формой диалекта, ориентированной, с точки зрения статуса, в первую очередь на немецкий язык по горизонтали и словенский по вертикали, ограничивал влияние конкурирующего романского, равно как окружающих венетских говоров.

Славянский адстрат

Говоря о славянском адстрате, следует различать так называемые prestiti sloveni (заимствования из словенского языка) и prestiti slavi («славянские» заимствования, собирательный термин для слов протославянского и сербохорватского происхождения). Временами установить путь вхождения лексемы в язык бывает непросто, например: zima sf. (мороз, пронизывающий холод) в предложении Che zima che xe ogi! (Какой сегодня мороз!), предположительно, является заимствованием из сербохорватского zima (холод), а не из словенского zima (зима) [Doria 1987]. В дальнейшем лексема была переосмыслена в рамках фразеологического оборота Te son una zima (Ты очень умный), возможно, потому, что ясный ум представляется холодным (ср. «холодная голова»).

Сербохорватского происхождения являются также композиты с суффиксом - $i\check{c}$ (также: -ic, -ici, -ich), такие как **bonculovič** sm. (обжора, сладкоежка), **macacovič** sm. (глупец, дурачок) [Skubic 1988]. На примере первого композита можно проанализировать продуктивную модель словообразования «прилагательное + существительное + суффикс» (ср. ит. buongustaio), полностью оформленную в соответствии с фонетикой диалекта (стяжение дифтонга uo > o в венетских диалектах).

В рамках статьи представляется проблематичным раскрыть тему разграничения славянского / словенского влияния, поэтому ограничимся его постановкой, приглашая исследователей к дальнейшему освещению проблемы, и рассмотрим подробнее словенское влияние на триестинский диалект.

Считается, что словенский адстрат оказал наибольшее влияние в области морфологии и синтаксиса. Так, именно с ним связывают отсутствие согласования времени: *mi credevo* (*imperf*.) *che 'l*

vien (presente) — я думал, что он приедет. К явлениям этого порядка лингвисты относят также тенденцию к выравниванию возвратной клитики se (себя) в 1-м и 2-м лицах ед. и мн. числа и употребление имперфекта условного наклонения в обеих частях условного периода второго типа: se mi volesi, lezesi (если бы я хотел, я бы читал), ср. ит. se volessi, leggerei. Интересно, что в условном периоде ирреальности триестинский диалект следует за моделью фриульского языка, который, в свою очередь, предпочитает использовать сослагательное наклонение: se mi vorio, legerio, ср. ит. se avessi voluto, avrei letto [Heinemann, Melchior 2015, с. 304].

К словенским заимствованиям относится, в основном, лексика из профессиональной сферы, отображающая в том числе социолинг-вистическую ситуацию в эпоху вхождения в триестинский диалект. Приведем несколько примеров:

 $pe\check{c}$ sm. / $pe\check{c}a$ sf. (пекарь) < PEK slov.; ж. р. образован по итальянской модели (ср. словенск. pekovka); соvač sm. (кузнец) < KOVAC slov.; mlecherza sf. (молочница) < MLEKARICA slov.; pesterna sf. (кормилица) < PESTERNA slov. и др.

Последний пример интересен тем, что является одной из немногих продуктивных основ словенского происхождения, средствами которой образован глагол *pesternar* (*следить*, *ухаживать за ребенком*). Отметим также, что все глагольные заимствования и дериваты от заимствованных основ оформляются по первому спряжению, наиболее открытому для вхождения новых единиц благодаря регулярности своей парадигмы.

Отдельную группу лексики формируют предметы быта (в первую очередь, кухонная утварь) и названия традиционных блюд: slonz / lonz sm. (кастрюля) < LONEC slov. (с усилительной приставкой s-) с дальнейшим семантическим сдвигом «большое количество»:

El mar xe *un slonz* de acqua con drento i pesi. – «Море – это куча воды с рыбами внутри».

potiza / putiza sf. (ореховый рулет) < POTICA *slov.*; *clobaza / sclobaza sf.* (колбаса) < KLOBASA *slov.*; *smetana sf.* (сметана) < SMETANA *slov.* и др.

Заимствованиями являются также некоторые анимонимы:

 $\it raza \it sf. (yткa) < RACA \it slov.; \it sabalzaba \it sf. (лягушка) < ZABA \it slov.$

Ср. также фриульск. save:

El bevi come una saba. – «Он пьет как лошадь».

Словенское PISCANEC (блоха) > pischianz sm. в результате метафорического переноса стало обозначать «грубый, глупый, неотесанный».

Многие немецкие заимствования также были интегрированы с помощью словенских словообразовательных формантов, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе. Подводя итоги, заметим, что бо́льшая часть вошедших в триестинский диалект лексем — это существительные, маркированные по оси диастратии как принадлежащие узусу низших слоев населения, а также некоторые продуктивные адъективные суффиксы. Лингвистическое наследие, представленное словенскими заимствованиями, свидетельствует об историческом вертикальном итальянско-словенском билингвизме на территории города Триеста.

Немецкий адстрат

В отличие от словенского языка, заполнявшего в основном лакуны в средне-низких пластах лексики, связанных с бытом и сельским хозяйством, немецкий на протяжении многих веков был для триестинского диалекта культурным ориентиром. Сферы заимствования включают всю гамму семантических полей:

- кулинария:
 - *crafen* sm. (пончик) < KRAPFEN ted., *sgnapa* sf. (шнапс) < SCHNAPS *ted.*, *cuguluf* sm. (мраморный кекс круглой формы с дыркой посерединке) < KUGELHUPF *ted.*;
- названия профессий, обслуживающих быт большого города:
 - *cucer sm.* (извозчик) < KUTSCHER *ted.*, *traiber sm.* (погонщик) < TREIBER *ted.*, *clanfer sm.* (водопроводчик) < KLEMPNER *ted.* –
 - в последнем примере заметим также сохранение группы СL, обусловленное влиянием фриульского языка;
- военная лексика:
 - **befel** sm. (приказ) < BEFEHL ted., **krixmarine** sf. (военный флот) < KRIEGSMARINE ted., **lipizano** sm. (лошадь липицианской породы) < LIPIZIANER ted.;

• общеупотребительная лексика:

 $\it wiz \ sm. \ ($ шутка $) < WITZ \ \it ted., \ \it sluc \ \it ms. \ ($ глоток $) < SCHLUCK \ \it ted., \ \it toch \ \it sm. \ ($ плавание, ныряние $) < TAUCHEN \ \it ted.;$

• заимствования из разных частей речи:

un bich pron. (немного) < EIN BISSCHEN *ted.*, *malzait*! *interiez*. (приятного аппетита) < MAHLZEIT! *ted. bav.* и др.

Некоторые немецкие заимствования вошли в триестинский диалект при посредничестве словенского языка с помощью словообразовательных суффиксов -ez / -za, выражающих семантическую роль агенса, например:

bub-ez sm. (мальчик, ученик) < BUBE ted. (Ср.: El xe el bubez de un murador. — Он помощник каменщика.); **chelner-za** sf. (официантка) < KELNER-IN ted.;

также с дальнейшим переносом значения: *staier-za* (традиционный альпийский танец) < STEIERMARK (австрийская земля Штирия).

В заключение в качестве иллюстрации лингвистического богатства триестинского диалекта приведем несколько цитат из романа «Maldobrie» писателей Лино Карпинтери и Мариано Фарагуны [Carpinteri, Faraguna 1965] – сборнике юмористических историй, действие которых происходит на территории Австрийского Приморья в последние годы эпохи расцвета Триеста в качестве порто-франко. Примечателен язык, на котором написано произведение: герои изъясняются на истро-венетском – койне Австрийского Приморья на основе «размытого» триестинского диалекта, «впитавшего» славянские, немецкие, а также турецкие, арабские и иные элементы. Приведенные отрывки, на наш взгляд, как и весь роман в целом, представляют собой уникальный объект для дальнейшего лингвистического и литературоведческого анализа, поскольку являются не только ярким примером таких феноменов, как переключение кодов (code switching) и языковых сдвигов (language shift), связанных с многовековой историей полилингвизма в указанном регионе, но и свидетельствуют об удивительной экспрессивности диалекта. Отдельно отметим сквозящую в репликах героев ностальгию по имперскому прошлому, о котором они вспоминают с теплотой и легкой грустью:

- Gavè mai zercado vu el cùguluf che fazeva Barba Nane?
- Mia povera nona fazeva sempre cùguluf.
- Indiferente, Cùguluf come quel de Barba Nane no go mai magnà. <...> su lista iera sempre notado «Kugelhupf Martha Washington», che anzi qualche passeger diseva: «Cossa ga fato Marta Washington sto cùguluf? Un rider!» [op. cit., c. 22]

Pensè che Francesco Ferdinando gaveva dà proprio ordine, befèl, che ogni regimento doveva gaver quatro lipizzani per ogni evenienza... [op. cit., c. 207]

- Tedesco, sì. Ma no austriaco. Germanico. Che però i parla tedesco. E come che el se senta! 'sto Unteroffizier, 'sto sotuficial, -soto i gnochi un sotouficial iera una roba incredibile-, el ghe fa come un inchino e el ghe disi: «Mahlzeit».
- Malzait.
- Sì, malzait. Che vol dir per tedesco «Bon apetito» [op. cit., c. 42].

Cossa no i impara più tedesco a scola, me disè? Pensarse siora Nina, che una volta el tedesco iera el passpertù, el vademecum. Chi iera un omo se no el saveva tedesco? [op. cit., c. 41]

- Вы когда-нибудь пробовали пирог, который готовила Барба Нане?
- Моя бедная бабушка всегда пекла такой пирог.
- Неважно, такого пирога, как у Барбы Нане, я никогда больше не ел. <...> в меню всегда было указано «Кугельхупф Марта Вашингтон», так что некоторые посетители спрашивали: «Что, этот пирог испекла Марта Вашингтон? Глупости!»

Подумать только, Франц-Фердинанд отдал приказ, чтобы в каждом полку было по четыре лошади липицианской породы, на всякий случай...

- Немецкий да. Но не австрийский. Германский. Хотя я говорю понемецки. И как он должен был себя почувствовать, этот унтер-офицер (ведь среди деревенских болванов унтер-офицер это невиданная вещь), когда я ему как бы поклонился и сказал: «Маhlzeit».
- Malzait.
- Да, malzait. Это по-немецки «Приятного аппетита».

Как это, они в школе больше не изучают немецкий, сказал я самому себе? Подумать только, синьора Нина, а ведь когда-то немецкий был passepartout (универсальным ключом), нашим карманным справочником! Кем был человек, не знавший немецкого?

Заключение

В картине диатопических вариантов итальянского языка триестинский диалект долгое время стоял отдельно. В попытке сохранить свою идентичность лингва франка имперского порта, он в равной степени пытался дистанцироваться как от близкородственных ему венетских диалектов, так и от фриульского языка, обладавшего низким социальным статусом, что в конце XVIII в. привело к смене лингвистической аффилиации. В то же время географическая близость к славяноязычным территориям и культурная гегемония немецкого языка способствовали обогащению триестинского диалекта лексическими заимствованиями и словообразовательными формантами.

В настоящее время перед триестинским диалектом стоит задача нормализации и кодификации устной и письменной форм с целью интегрировать его в современные электронные технологии и тем самым обеспечить сохранение диалекта.

Неизменным на протяжении веков остается лишь уникальный триестинский менталитет. Как пишет Анна-Мария Мори в своем романе «Nata in Istria», «...в иных регионах диалект представляет собой язык и выбор, который люди делают в своей частной жизни, в Триесте же это выбор общественный или даже политический» [Mori 2006]. Триестинский диалект хранит в себе лингвистическое и культурологическое богатство, которое может представлять интерес не только для специалистов в области итальянской диалектологии, но также историков, философов языка и многих других. Вопрос о полилингвизме на территории бывшего Австрийского Приморья остается открытым для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В. А. Лингва франка // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: СЭ, 1990. 685 с.
- Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
- Смирнова М. А. К проблеме исследования триестинского диалекта // Романская филология: сборник статей. К юбилею кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. М. А. Косарик, О. Ю. Школьниковой. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 105–122.

- Языки мира: Романские языки / под ред. И. И. Челышевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. М.: Academia, 2001. 720 с.
- Alla ricerca della lingua triestina. URL : bora.la/2017/05/11/alla-ricerca-della-lingua-triestina/ (дата обращения: 20.09.2018).
- Bidwell C. E. Colonial Venetian and Serbo-croatian in the Eastern Adriatic // General linguistics. Pitsbourgh: The Pennsylvania University Press, 1969. Vol. VII. P. 13–30.
- Canepari L. Lingua italiana nel Veneto. Padova: CLEUP, 1984. 193 p.
- Carpinteri L., Faraguna M. Le Maldobrie. Trieste: La Citadella, 1965. 256 p.
- Chiaroni T. Come si parlava a Zara // Guida ai dialetti veneti. Padova : CLEUP, 1985. Vol. VII. P. 127–153.
- Cortelazzo M. Il contributo del veneziano e del greco alla lingua franca // Venezia: centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secolo XV–XVI). Aspetti e Prolemi, Atti del II Convegno internazionale di Storia della Civiltà veneziana. Firenze: Olschki, 1977. Vol. II. P. 523–535.
- Devoto G., Giacomelli G. I dialetti delle regioni d'Italia. Firenze : Sansoni, 1972. 222 p.
- Dialetto triestin novo. URL: triestestoria.altervista.org/dialetto/dialetto_triestino_moderno.html (дата обращения: 23.09.2018).
- Doria M. Grande dizionario del dialetto triestino. Storico, etimologico, fraseologico. Trieste : Il Meridiano, 1987. 1020 p.
- Folena G. Introduzione al veneziano «de là da mar» // Bollettino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo. Firenze : Olschki, 1968–1970. Vol. X–XII. P. 331–376.
- *Gačič J.* Stratificazioni adriatiche e il triestino // ANNALES, Series Historia et Sociologia. 2002. N 12, vol. I / ed. F. Bianco. P. 87–94.
- *Havranek B.* Problematika miješanja jezika // Zadarska revija. Zadar : Matica hrvatska, 1964. T. XXIX–XXX. P. 177–185.
- Heinemann S., Melchior L. Manuale di linguistica friulana. Berlin : De Gruyter, 2015. 616 p.
- L'idea del doppio nome per la regione venne avanzata da Graziadio Isaia Ascoli su «L'Alleanza» nel 1863. URL : ricerca.gelocal.it/ilpiccolo/archivio/ilpiccolo/2010/11/26/NZ 26 APRE.html (дата обращения: 27.09.2018).
- Marcato C. Friuli-Venezia Giulia // Profili linguistici delle regioni / a cura di A. A. Sobrero. Roma : Laterza Edizioni Scolastiche, 2001. 144 p.
- *Metzeltin M.* La marina austriaca e le sue lingue // Guida ai dialetti veneti. Padova : CLEUP, 1990. Vol. XII. P. 59–73.
- Minca C. Trieste Nazione' and its geographies of absence // Social & Cultural Geography. May 2009. N 3, vol. X. URL: www.academia.edu/682109/Trieste_Nazioneand its geographies of absence (дата обращения: 21.09.2018).
- Mori A. M. Nata in Istria. Milano: Rizzoli, 2006. 289 p.

- Pellegrini G. B. Introduzione al Grande dizionario del dialetto triestino // Doria M. Grande dizionario del dialetto triestino. Storico, etimologico, fraseologico. Trieste: Il Meridiano, 1987. P. 2–25.
- *Pellegrini G. B.* Tra lingua e dialetto in Italia // Studi Mediolatini e Volgari. Pisa : Pacini Editore, 1960. Vol. VIII. P. 137–153.
- Report ISTAT sull'uso dell'italiano, dei dialetti e di altre lingue in Italia. URL : www.istat.it/it/files//2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015. pdf (дата обращения: 15.09.2018).
- Skubic M. Ai margini di una pubblicazione importante: Mario Doria, Grande dizionario del dialetto triestino storico, etimologico, fraseologico, edizioni «Il Meridiano», Trieste 1987 // Linguistica. Ljubljana, 1988. Vol. XXVIII. P. 133–139.
- Tedesco e triestino. URL: lucio15.altervista.org/scambi/tedesco-6.htm (дата обращения: 24.09.2018).
- Todorov T. Lo spirito dell'illuminismo. Milano: Garzanti, 2007, 128 p.
- Vianello N. «Lingua franca» di Barberia e «Lingua franca» di Dalmazia // Lingua Nostra. Firenze : Sansoni, 1955. Vol. XVI. P. 67–69.

REFERENCES

- Vinogradov V. A. Lingva franka // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Jarcevoj. M.: SJe, 1990. 685 s.
- Slovar' sociolingvisticheskih terminov / pod red. V. Ju. Mihal'chenko. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2006. 312 s.
- Smirnova M. A. K probleme issledovanija triestinskogo dialekta // Romanskaja filologija : sbornik statej. K jubileju kafedry romanskogo jazykoznanija filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova / pod red. M. A. Kosarik, O. Ju. Shkol'nikovoj. M. : MAKS Press, 2005. S. 105–122.
- Jazyki mira: Romanskie jazyki / pod red. I. I. Chelyshevoj, B. P. Narumova, O. I. Romanovoj. M.: Academia, 2001. 720 c.
- Alla ricerca della lingua triestina. URL: bora.la/2017/05/11/alla-ricerca-della-lingua-triestina/ (data obrashhenija: 20.09.2018).
- Bidwell C. E. Colonial Venetian and Serbo-croatian in the Eastern Adriatic // General linguistics. Pitsbourgh: The Pennsylvania University Press, 1969. Vol. VII. P. 13–30.
- Canepari L. Lingua italiana nel Veneto. Padova: CLEUP, 1984. 193 p.
- Carpinteri L., Faraguna M. Le Maldobrie. Trieste : La Citadella, 1965. 256 p.
- Chiaroni T. Come si parlava a Zara // Guida ai dialetti veneti. Padova : CLEUP, 1985. Vol. VII. P. 127–153.
- Cortelazzo M. Il contributo del veneziano e del greco alla lingua franca // Venezia: centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secolo XV–XVI). Aspetti e

- Prolemi, Atti del II Convegno internazionale di Storia della Civiltà veneziana. Firenze: Olschki, 1977. Vol. II. P. 523–535.
- Devoto G., Giacomelli G. I dialetti delle regioni d'Italia. Firenze : Sansoni, 1972. 222 p.
- Dialetto triestin novo. URL: triestestoria.altervista.org/dialetto/dialetto_triestino_moderno.html (data obrashhenija: 23.09.2018).
- *Doria M.* Grande dizionario del dialetto triestino. Storico, etimologico, fraseologico. Trieste : Il Meridiano, 1987. 1020 p.
- Folena G. Introduzione al veneziano «de là da mar» // Bollettino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo. Firenze : Olschki, 1968–1970. Vol. X–XII. P. 331–376.
- *Gačič J.* Stratificazioni adriatiche e il triestino // ANNALES, Series Historia et Sociologia. 2002. N 12, vol. I / ed. F. Bianco. P. 87–94.
- *Havranek B.* Problematika miješanja jezika // Zadarska revija. Zadar : Matica hrvatska, 1964. T. XXIX–XXX. P. 177–185.
- Heinemann S., Melchior L. Manuale di linguistica friulana. Berlin : De Gruyter, 2015. 616 p.
- L'idea del doppio nome per la regione venne avanzata da Graziadio Isaia Ascoli su «L'Alleanza» nel 1863. URL : ricerca.gelocal.it/ilpiccolo/archivio/ilpiccolo/2010/11/26/NZ 26 APRE.html (data obrashhenija: 27.09.2018).
- Marcato C. Friuli-Venezia Giulia // Profili linguistici delle regioni / a cura di A. A. Sobrero. Roma: Laterza Edizioni Scolastiche, 2001. 144 p.
- *Metzeltin M.* La marina austriaca e le sue lingue // Guida ai dialetti veneti. Padova : CLEUP, 1990. Vol. XII. P. 59–73.
- Minca C. Trieste Nazione' and its geographies of absence // Social & Cultural Geography. May 2009. N 3, vol. X. URL: www.academia.edu/682109/Trieste_Nazioneand its geographies_of_absence (data obrashhenija: 21.09.2018).
- Mori A. M. Nata in Istria. Milano: Rizzoli, 2006. 289 p.
- Pellegrini G. B. Introduzione al Grande dizionario del dialetto triestino // Doria M. Grande dizionario del dialetto triestino. Storico, etimologico, fraseologico. Trieste: Il Meridiano, 1987. P. 2–25.
- *Pellegrini G. B.* Tra lingua e dialetto in Italia // Studi Mediolatini e Volgari. Pisa : Pacini Editore, 1960. Vol. VIII. P. 137–153.
- Report ISTAT sull'uso dell'italiano, dei dialetti e di altre lingue in Italia. URL: www.istat.it/it/files//2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015. pdf (data obrashhenija: 15.09.2018).
- Skubic M. Ai margini di una pubblicazione importante: Mario Doria, Grande dizionario del dialetto triestino storico, etimologico, fraseologico, edizioni «Il Meridiano», Trieste 1987 // Linguistica. Ljubljana, 1988. Vol. XXVIII. P. 133–139.

Tedesco e triestino. URL : lucio15.altervista.org/scambi/tedesco-6.htm (data obrashhenija: 24.09.2018).

Todorov T. Lo spirito dell'illuminismo. Milano: Garzanti, 2007. 128 p.

Vianello N. «Lingua franca» di Barberia e «Lingua franca» di Dalmazia // Lingua Nostra. Firenze : Sansoni, 1955. Vol. XVI. P. 67–69.

УДК 811.131.1+81'42+81-114.2

Т. Р. Титова

кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России; e-mail: tatianatitova5@mail.ru.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМЫ (на материале итальянского и русского языков)

Статья посвящена проблемам в русско-итальянской коммуникации, вызванным наличием межьязыковых омонимов, называемых также ложными друзьями переводчика. Изучающий итальянский язык часто использует похожие слова, будучи уверенным, что его поймут определенным образом, на самом же деле слушающий получает иную информацию, что приводит к коммуникативному сбою: частичному или полному искажению смысла. В статье приводятся пары межъязыковых омонимов, предлагаются варианты правильного перевода.

Ключевые слова: итальянский язык; ложные друзья переводчика; межъязыковые омонимы; межкультурная коммуникация.

T. R. Titova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Languages, MGIMO; e-mail: tatianatitova5@mail.ru

ITALIAN-RUSSIAN INTERLANGUAGE HOMONYMS

The article is devoted to problems in the Russian-Italian communication caused by the presence of interlanguage homonyms, called false friends of the translator. A person learning Italian, meeting a familiar sounding word, uses it without realizing that they are expressing a partial or completely different meaning. The article cites numerous pairs of similar interlanguage homonyms, as well as examples of their misuse, and offers suggestions for correct translation.

Key words: the Italian language; false friends of the translator; interlanguage homonyms; intercultural communication.

Введение

Явление межъязыковой омонимии справедливо вызывает большой интерес лингвистов. Омонимические пары [Ахманова 2005, с. 310] двух разных языков, полностью или в основном совпадающие по звучанию, но полностью или частично различающиеся по значению, становятся проблемой при изучении иностранного языка, а также при межкультурной коммуникации.

Задача данного исследования – выявление и анализ пар итальянскорусских омонимов с целью предотвращения ошибочного понимания и употребления этих языковых единиц в речи.

Актуальность настоящей статьи обусловлена особым интересом к изучению итальянского языка в России, большой востребованностью дедактического, учебного и справочного материала. Собранные и представленные примеры носят также лингвострановедческий характер, информируя о языковых реалиях и культуре Италии.

Понятие межъязыковых омонимов

Межъязыковые омонимы называют также ложными друзьями переводчиков (впервые термин был использован в 1928 г. М. Кёсслером и Ж. Дероккиньи [Maxime Kœssler, Jules Derocquigny]) или же переводческими псевдоэквивалентами [Грецова 2008]. Источники межъязыковой омонимии разнообразны, это может быть иное развитие заимствованного слова или изменение значения слова при заимствовании; в случае полисемии заимствование только одного значения; сужение или расширение семантического значения слов из межъязыковой омонимической пары; изменение коннотации слова при или после заимствовании; заимствование разных значений полисемантического слова третьего языка; просто случайные совпадения.

Межъязыковые омонимы как предмет исследования

В ситуации постинформационного общества, при беспрецедентном расширении возможностей распространения и получения информации и общения между людьми проблема возможного коммуникативного сбоя при ошибочном понимании и употреблении какого-либо слова встала особенно остро. Проблематика межъязыковой омонимии достаточно хорошо изучена для русского и некоторых других наиболее распространенных языков: русского и английского языков [Акуленко, Комиссарчик, Погорелова 1969], для русского и немецкого языков [Готлиб 1985], для русского и испанского языков [Канонич 2001], русского и французского [Грицанова 2008]. Что касается русского и итальянского языка, то подобные исследования, к сожалению, носят спорадический характер, ограничиваясь отдельными публикациями в интернет-блогах¹. Даже в ценном и интересном

 $^{^1\}mathrm{C}_{M.}$,например:skype-language.com/article/falsi-amici--lozhnye-druzya-v-italyanskom-yazyke; ok.ru/speakasap/topic/64519913600447.

Итальянско-русском лингвострановедческом словаре А. Канестри [Канестри 2012] или Итальянско-русском — русско-итальянском тематическом словаре [Матвеев, Шимкович 2009] межъязыковым омонимам не уделяется внимания. Таким образом, этот вопрос требует более тщательного и подробного исследования.

Особенности итальянско-русской омонимии

При изучении итальянского языка и сравнении его лексики с русским, обнаруживается, что у этих языков много общего. Наши языки действительно во многом похожи, хотя относятся к разным языковым группам (романской и славянской), и наши народы разделяет большое расстояние и разный исторический путь, который они прошли. Несомненно, нас объединяет принадлежность к семье индоевропейских языков, общие греческие, латинские и другие заимствования. Кроме того, современная глобализация принесла в наши языки большое количество общих слов и корней. Можно было бы написать пособие под названием «Итальянский язык? Вы его уже знаете», перечислив в нем слова, являющиеся общими для наших языков. Изучающие итальянский язык быстро адаптируются к удобной ситуации, когда множество слов знакомы, звучат одинаково. Но они не учитывают наличие слов-«обманщиков», имеющих другой смысл или другую коннотацию.

Коммуникативный сбой – проблема межкультурной коммуникации

По сути, это продолжение нашей работы «Культурный шок и коммуникативный сбой» [Титова 2009]. В ней мы приводили примеры моделей поведения, которые человеком иной культуры понимались и интерпретировались по-другому и приводили его в недоумение или даже возмущали и оскорбляли. В данном исследовании мы анализируем словоупотребление, приводящее к частичному или полному искажению информации.

Корпус омонимичных пар

В результате многолетней кропотливой работы был собран корпус русско-итальянских межъязыковых омонимов. Общий корпус примеров содержит около 300 единиц. При этом мы осознавали различия

в их происхождении: некоторые слова действительно имеют общую этимологию, но разную семантику, а у некоторых совпадение случайно. При сборе материала мы фиксировали все выявленные омонимические пары. В данной статье приводится 40 примеров. Вполне понятно, что этот корпус итало-русских омонимов неполный и может быть расширен.

- AFFETTO¹ это не «аффект, состояние аффекта», а «любовь, теплое чувство, приязнь к какому-либо человеку». Понятие «аффект», как состояние крайнего возбуждения человека, когда он плохо контролирует свои слова и поступки, по-итальянски *raptus*.
- АNEDDOTO забавная, необычная история. Прежде в русском языке это слово, вероятно, имело такое же значение: «Но дней минувших анекдоты, от Ромула до наших дней, хранил он в памяти своей» [Пушкин 2007, с. 30]. То, что мы называем анекдотом в современном значении, это barzelletta.
- AVANZO глагол «avanzare» означает движение вперед во всех производных «продвигать, выдвигать и т. п.». Но у этого у глагола есть и второе значение «оставаться невостребованным, неупотребленным». Поэтому avanzi della cena «остатки ужина». «Аванс» в бухгалтерском значении «anticipo». «Авансы» в значении «знаки внимания, заигрывание» французское слово avance, которое так же произносится и по-итальянски.
- ВІGLІЕТТО помимо очевидного значения билет, это еще и записка. Это может вызвать непонимание, ошибку в переводе. Так, в фильме Лукино Висконти (Luchino Visconti) «Невинный» (Innocente) 1976 г. есть эпизод, когда главная героиня хочет оставить мужа, жить отдельно от него и уезжает. Муж, придя домой, спрашивает прислугу: «Dov'è la signora?». Слуга отвечает: «La signora è partita. Le ha lasciato un biglietto». В синхронном переводе фильма мы слышим: «Синьора уехала. Она оставила Вам билет» (сейчас в закадровом переводе эта ошибка исправлена). Именно слово biglietto, а не carta употребляется в словосочетании «визитная карточка» biglietto da visita.

¹Здесь и далее дефиниции приводятся из толкового словаря Garzanti в переводе автора [Garzanti 1994].

- BRETELLE не бретельки, а подтяжки. *Бретельки* по-итальянски *spalline*; такое же слово используется для накладных плечиков.
- BUFFET (произносится «буффе́») форма подачи угощения, которую по-русски мы называем *шведский стол*. Буфет как шкаф для хранения посуды, это *credenza*, хотя и французское *buffet* тоже может использоваться.
- САRNEVALE так называется вся последняя неделя перед Великим Постом, что соответствует русской Масленице. Происходит от латинского выражения carne levare отказываться от мяса, поскольку именно с этой недели начинался период воздержания от продуктов животного происхождения. В России неделя Масленицы тоже называется мясопустной, поскольку в течение этой недели еще можно есть продукты животного происхождения, но мясо уже нельзя. Однако в русском языке слово карнавал часто употребляется синонимично слову маскарад, т. е. «костюмированный праздник», что соответствует итальянскому словосочетанию ballo in maschera. Но это неслучайно, поскольку в Италии эта неделя характеризуется именно костюмированными шествиями.
- CASA DI RIPOSO это не дом отдыха, а дом престарелых. Русскому понятию «дом отдыха» как комплексу, включающему гостиницу, расположенную, в основном, за городом, около моря или озера, имеющему большую территорию, полный пансион и анимационную программу, соответствует villaggio turistico, villaggio vacanze, resort. Это не очень распространенный в Италии вид отдыха (см. также SANATORIO).
- СЕСЕ судя по звучанию, это слово легло в основу русского названия чечевицы, но на самом деле так называется китайский горох или нут, а *чечевица* по-итальянски *le lenticchie*.
- CIRCOLO не циркуль, а *круг*. Циркуль по-итальянски *compasso*. Как видим, *compass* – это не *компас*, компас – *bussola*. Здесь мы имеем не омонимическую пару, а даже трио.
- COLLEGIO в Средние века так называлось учебное заведение, в котором подростки не только проходили обучение, но и проживали, т. е. это был пансион, интернат, приют. В наши дни

это название применяется для интернатов для детей сирот или трудных подростков. Для учебного заведения колледж употребляется именно английское слово college, произносимое в английском варианте, как и в русском языке. Итальянец испытает шок, если его русский коллега скажет, что послал своего ребенка в collegio.

- CONFERENZA помимо международного значения понятия «конференция», это слово означает также речь, выступление, доклад: «Potrebbe fare una conferenza davanti ai nostri studenti?» «Вы не могли бы выступить перед нашими студентами?». Русскому слову конференция соответствует итальянское convegno. Если же речь идет о международном мероприятии, в название которого входит английское слово Conference, итальянцы, чтобы сохранить единую лексику, тоже называют его словом conferenza (см. также ORGANIZZAZIONE).
- CONFETTI конфеты, но не в русском понимании. Это орешек миндаля, лесного ореха или фисташки в сахарной карамели или просто карамелька; эту конфетку обычно дарят гостям на свадьбе или по другому радостному поводу (рождение ребенка, окончание университета). Фраза «Quando mangiamo i confetti?» («Когда будем есть конфеты?») означает «Когда свадьба?». Раньше было принято бросать в толпу гостей на свадьбе серебряные монетки, затем их заменили конфетками. Сейчас конфеты красиво оформляют в свадебные подарочные композиции или чаще кладут в бонбоньерку. По традиции конфеток должно быть нечетное число, как правило, их пять. На свадьбе конфетки белые, при рождении ребенка, естественно, розовые или голубые, при получении диплома красные, на помолвке зеленые. Но здесь фантазия может подсказать разные варианты. Что касается конфет в русском значении этого слова, то шоколадные конфеты называются cioccolattini, а карамельки – caramelle. То, что мы называем конфетти (разноцветные круглые бумажки), называются как зернышки кориандра – coriandoli.
- СОТОLЕТТА происходит от слова *costole* «ребро», т. е. это отбивная на косточке. Такой вид мясной продукции называют

- также «натуральная котлета на ребрышке». Котлета как кушанье из мякоти мяса это *polpetta*, от слова *polpa (мякоть)*.
- CRAVATTA *галстук*. Происходит от названия Хорватии Croazia, поскольку так носили шарф хорватские рыцари в XVII в. Совпадение со словом *кровать* является случайным.
- DECOLLETE (произносится декольте́) туфли-лодочки. Русское слово *декольте* в значении глубокий вырез на женском платье это *scollatura*.
- DIPLOMATO человек, закончивший лицей или колледж (liceo, istituto), т. е. человек со средним специальным образованием. Профессия дипломат называется diplomatico.
- ESPERTO знаток своего дела, специалист. Эксперт, профессионально осуществляющий экспертизу, выдающий экспертное заключение (*perizia*), это *perito*.
- GIUBILEO слово означает Святой год, который празднуется каждые 25 лет: в нулевом, 25, 50 и 75 гг. каждого века. Сначала Святым годом был нулевой год перехода от века к веку (1300 год), затем некоторое время праздновали три Святых года в течение века раз в 33 года, по годам земной жизни Иисуса, а с 1450 г. установился четырехразовый интервал. Юбилеи празднуются и в другие годы, по решению Папы Римского. Так, в 2016 г. Папа Франциск объявил внеочередной юбилей. В течение этого года верующие должны совершить паломничество в Рим и посетить четыре великие папские базилики: Собор Святого Петра, Кафедральный собор Святого Иоанна на Латеранском холме, Собор Святого Павла за городскими стенами и Старейший собор Святой Марии¹. В этих храмах есть так называемая Святая дверь. Она 24 года заложена кирпичной кладкой, а в Рождество, накануне Юбилейного года, кладка снимается, и дверь открывается. В соборе Святого Петра Святую дверь открывает сам Папа Римский, трижды постучав в нее молотком. Двери открыты весь год и вновь замуровываются на праздник Крещения (у католиков 6 января).

 $^{^{\}rm I}$ Названия соборов даны в соответствии с [Официальный сайт Русской Православной Церкви в Италии URL].

Само слово *giubileo* происходит от еврейского $i\bar{o}b\bar{e}l$, это бараний рог, в который трубят (по традиции эфиопы), оглашая начало юбилейного Святого года. «Юбилей» в русском понимании — это *anniversario*.

IDIOTISMO (della pronuncia) – *особенности произношения*, обычно областные, диалектальные (idiotismi toscani). Идиотизм как психическое заболевание – это *idiozia*.

INSULTO – не инсульт, а оскорбление. Инсульт – это *ictus*.

INTELLIGENTE — по-итальянски умный. Русскому прилагательному интеллигентный трудно найти аналог в итальянском языке, поскольку это определение очень емкое и глубокое, в нем соединяются не только степень образованности человека, но и в первую очередь нравственные критерии. Не случайно понятие «интеллигенция» вошло в итальянский язык из русского без фонетических изменений (intellighenzia). Русскому слову интеллигентный может соответствовать итальянские colto, distinto.

МАGAZZINO — данное слово нас «обманывает» при попытке опереться и на русский язык, и на английский. По-итальянски это *склад*. Только во множественном числе слово приобретает значение, связанное с местом для торговли — универмаг. В настоящее время понятие «i grandi magazzini» активно замещается международным словосочетанием *centro commerciale*. В русском языке выражение *торговый центр* тоже вытеснило слово *универмаг*. Не совпадает итальянское MAGAZZINO и с английским значением *журнал*.

NORMALE – в русском языке прилагательное *нормальный* приобрело положительную коннотацию. Это связано с традиционной суеверностью русского менталитета: мы боимся сглазить, если говорим, что у нас «всё хорошо, отлично, прекрасно» и т. п., поэтому вместо этих определений мы предпочитаем более нейтральные – *ничего*, *нормально*. Так, слово *нормальный* стало практически эквивалентом прилагательного *хороший*. Особенно это заметно в молодежном сленге: *нормальный парень* = «хороший», *нормальная машина* = «красивая, дорогая».

В итальянском же языке прилагательное *normale* ближе к слову «норма, соответствующий норме», т. е. «обычный, обыкновенный». Так, итальянец может негативно отнестись к определению *normale*, которое русский, думая, что выражает похвалу, даст его дому, машине и т. д. Особенно слышна смысловая ошибка в распространенном диалоге, когда итальянец спрашивает: «Соте va?» (Как дела?), русский отвечает *Normale*, думая, что говорит: «Нормально, хорошо». На самом деле этот мини-диалог понимается итальянцем так: «Как дела? – Обыкновенный».

- РАССНЕТТО коробочка, небольшой сверток. Пластиковый пакет для покупок это *sacchetto* или *busta*.
- РАТЕNTЕ права на вождение транспортного средства. Патент на изобретение это *brevetto*.
- RECLAMO не реклама, а претензия, рекламация, иск. Что касается слова «реклама», то сначала оно пришло в итальянский язык из французского *la réclame*, но затем, по решению Академии итальянского языка (Accademia della Crusca), было предложено слово *pubblicità* (быть публичным), существовавшее в итальянском языке с XVII в. [Cortelazzo, Zolli 2000, с. 1282].
- REPLICA повтор (передачи, эпизода трансляции), а *реплика* в речи, ответное высказывание это *battuta*.
- RESINA не *резина*, а *смола*. Резина по-итальянски *gomma*. Обратим внимание на то, что в итальянском слове *rèsina*, ударение падает не на второй, а на первый слог, что тоже представляет определенную трудность.
- SALUTO приветствие, принятое при встрече и при расставании. А праздничный «салют» фейерверков – это *fuochi d'artificio*.
- SANATORIO—слово означает больничное учреждение, в основном в экологически чистой горной местности, для туберкулезных больных. Поскольку туберкулез в Европе был практически побежден, такие структуры исчезли или были перепрофилированы в 70-е гг. прошлого века. Российскому понятию «санаторий»

- как дому отдыха, где отдыхающие могут также получить некоторые профилактические медицинские услуги, нет аналога в итальянском языке, поскольку там нет подобных заведений. Если русский скажет итальянскому коллеге, что едет в санаторий, он вызовет сочувствие и тревогу. Это один из тех случаев, которые могут привести к сбою в коммуникации и настоящему культурному шоку.
- SCENARIO пейзаж, ландшафт, вид, картина, декорации. *Сценарий* как текст театральной пьесы *sceneggiatura*.
- SCENA не только подмостки, на которых происходит представление (*palcoscenico*), но и в первую очередь «сцена из спектакля, эпизод».
- SERIE многосерийный фильм, сериал, а серия в сериале это *puntata*, или *episodio*. В политическом лексиконе *serie* означает ряд: ряд стран, ряд мер *una serie di paesi, una serie di misure*.
- SIMPATICO данное определение относится не к внешности человека, как русское *симпатичный*, а к характеру: «он мне внушает симпатию». Русскому определению *симпатичный* в значении «привлекательный» соответствует прилагательное *carino*.
- SOGGETTO не сюжет, а субъект, тема. Сюжет по-итальянски *trama*.
- STATISTA видный государственный деятель. Итальянское слово происходит от слова stato «государство». «Статист» в значении «актер, исполняющий роли без слов, участник массовых сцен» comparsa.
- STIRARE случайная омонимия: это слово означает «гладить», а не «стирать».
- VALUTA в русском языке слово *валюта* обычно означает иностранную валюту. Чтобы назвать рубль валютой, надо добавить прилагательное *национальная валюта*. Итальянское слово ближе к понятию «деньги, платежное средство вообще». Чтобы передать русское значение слова, надо добавить прилагательное *иностранный valuta straniera*.

Заключение

В данной статье были представлены и проанализированы некоторые омонимичные пары на основе итальянского и русского языков. Это важная информация о факторах, которые искажают высказывание и приводят к коммуникативному сбою. Формат статьи не позволяет расширить объем примеров, тем не менее, вполне очевидно, что итальянский и русский языки имеют большой корпус межъязыковых омонимов, которые нуждаются в дальнейшем сборе и анализе. Данное исследование имеет большое практическое значение, так как в России постоянно растет интерес к итальянскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акуленко В. В., Комиссарчик С. Ю., Погорелова Р. В. Англо-русский и русскоанглийский словарь «ложных друзей переводчика» / под ред. В. В. Акуленко. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 102 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Готлиб К. Г. М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский). М.: Русский язык, 1985. 160 с.
- *Грецова С. В.* Переводческие псевдоэквиваленты в лексике французского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.
- Итальянско-русский русско-итальянский тематический словарь = Dizionario tematico italiano-russo russo-italiano. Около 12 000 слов и выражений / сост. С. А. Матвеев, А. Н. Шимкович; под общ. ред. А. Н. Шимкович. М.: АСТ МОСКВА: Восток Запад, 2009. 576 с.
- *Канестри А.* Итальянско-русский лингвострановедческий словарь. М.: Русская школа, 2012. 368 с.
- *Канонич С. И.* 300 ложных друзей переводчика: Испанско-русский словарьсправочник. М.: Менеджер, 2000. 102 с.
- *Ключникова Л. В., Степанова К. О.* Межъязыковые омонимы и способы их передачи на язык перевода // Культура и цивилизация, 2017. Т. 7. № 3А. С. 68–76.
- Официальный сайт Русской Православной Церкви в Италии. URL: ortodossia. org (дата обращения: 12.17.2019).
- Пушкин А. С. Евгений Онегин. Иллюстрированное энциклопедическое издание / под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева, Н. В. Бутромеевой. М.: БЕЛЫЙ ГОРОД, 2007. 496 с.: ил.

- *Титова Т. Р.* Культурный шок и коммуникативный сбой // Филологические науки в МГИМО : сборник науч. Трудов / отв. ред. Г. И. Гладков. 2009. № 37 (52). С. 70–85.
- Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 2000. 1856 p.
- Garzanti Il Grande Vocabolario Ganzanti della lingua italiana (undicesima edizione), Zanichelli. Bologna, 1994. 2256 p.

REFERENCES

- Akulenko V. V., Komissarchik S. Ju., Pogorelova R. V. Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' «lozhnyh druzej perevodchika» / pod red. V. V. Akulenko. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1969. 102 s.
- Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov. 2-e izd. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969. 608 s.
- Gotlib K. G. M. Slovar' «lozhnyh druzej perevodchika» (russko-nemeckij i nemecko-russkij). M.: Russkij jazyk, 1985. 160 s.
- *Grecova S. V.* Perevodcheskie psevdojekvivalenty v leksike francuzskogo i russkogo jazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 22 c.
- Ital'jansko-russkij russko-ital'janskij tematicheskij slovar' = Dizionario tematico italiano-russo russo-italiano. Okolo 12 000 slov i vyrazhenij / sost. S. A. Matveev, A. N. Shimkovich ; pod obshh. red. A. N. Shimkovich. M. : AST MOSKVA : Vostok Zapad, 2009. 576 s.
- Kanestri A. Ital'jansko-russkij lingvostranovedcheskij slovar'. M.: Russkaja shkola, 2012. 368 s.
- Kanonich S. I. 300 lozhnyh druzej perevodchika: Ispansko-russkij slovar'-spravochnik. M.: Menedzher, 2000. 102 s.
- Kljuchnikova L. V., Stepanova K. O. Mezh#jazykovye omonimy i sposoby ih peredachi na jazyk perevoda // Kul'tura i civilizacija, 2017. T. 7. № 3A. S. 68–76.
- Oficial'nyj sajt Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Italii. URL : ortodossia.org (data obrashhenija: 12.17.2019).
- Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Illjustrirovannoe jenciklopedicheskoe izdanie / pod red. V. P. Butromeeva, V. V. Butromeeva, N. V. Butromeevoj. M.: BELYJ GOROD, 2007. 496 s.: il.
- Titova T. R. Kul'turnyj shok i kommunikativnyj sboj // Filologicheskie nauki v MGIMO: sbornik nauch. Trudov / otv. red. G. I. Gladkov. 2009. № 37 (52). S. 70–85.
- Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 2000. 1856 p.
- Garzanti Il Grande Vocabolario Ganzanti della lingua italiana (undicesima edizione), Zanichelli. Bologna, 1994. 2256 p.

УДК 81-114.4

А. Л. Токарева

ассистент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ; e-mail: annsilver@mail.ru

ПЕРСОНИФИЦИРУЮЩИЕ И ПРЕДМЕТНЫЕ МЕТАФОРЫ ГНЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются количественные и качественные аспекты персонифицирующих и предметных метафор, описывающих переживание и проявление гнева в современной итальянской художественной прозе. Работа выполнена в рамках корпусного подхода при помощи методов анализа словарных дефиниций, семантического, компонентного и контекстуального анализа. Проведенное исследование показывает, что персонифицирующие и предметные метафоры гнева характеризуются заметными различиями не только в частотности употребления, но и в структуре, а также в отношении потенциала для появления авторской метафоры.

Ключевые слова: конвенциональная метафора; авторская метафора; персонифицирующая метафора; предметная метафора; метафоры гнева.

A. L. Tokareva

Teaching Assistant, Department of Romance Philology, Institute for Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University; e-mail: annsilver@mail.ru

PERSONIFYING AND OBJECT METAPHORS OF ANGER IN CONTEMPORARY ITALIAN FICTION

The article investigates qualitative and quantitative aspects of personifying and object metaphors describing anger in contemporary Italian fiction. The corpus-based research employs methods of definition analysis, semantic analysis, componential analysis and contextual analysis. The results show that personifying and object metaphors differ significantly not only in the frequency of occurrence but also in structure and potential for the author's metaphor creation.

Key words: conventional metaphor; the author's metaphor; personifying metaphor; object metaphor; anger metaphors.

Ввеление

Важность исследования метафорических выражений, описывающих эмоциональную сферу человека, обусловливает значительный интерес к ним со стороны лингвистов. Н. Д. Арутюнова, анализируя

в статье «Метафора в языке чувств» сферы-источники метафор, характерных для названий чувств, первой упоминает персонифицирующую метафору: «Говоря о психике, мы вообще склонны экстериоризировать ее составляющие ... представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим "я" в определенные — дружеские или враждебные, отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя» [Арутюнова 1999, с. 386]. Уделяя много внимания образам живых существ и стихий в языковом осмыслении эмоций, Н. Д. Арутюнова не рассматривает роль предметной метафоры в представлении эмоциональной сферы.

Первостепенная роль персонифицирующих метафор в «языке чувств» не подлежит сомнению. Однако Г. Н. Скляревская, рассматривая на материале субстантивной метафоры регулярные типы переносов, замечает: «Количественные показатели свидетельствуют о том, что наиболее интенсивно процессы метафоризации протекают в направлениях ПРЕДМЕТ \rightarrow ПСИХИЧЕСКИЙ МИР и ЖИВОТНОЕ \rightarrow ЧЕЛОВЕК» [Скляревская 1993, с. 95]. При этом переносы ЖИВОТНОЕ \rightarrow ПСИХИЧЕСКИЙ МИР и ЧЕЛОВЕК \rightarrow ПСИХИЧЕСКИЙ МИР признаются нерегулярными или представляющими индивидуальное языковое творчество [там же, с. 96].

Корпусный подход позволяет выявить частотность и особенности употребления языковых единиц в различных типах дискурса. Целью нашей работы является освещение системы метафорических выражений, принадлежащих метафорам ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУ-ЩЕСТВО и ГНЕВ — ЭТО ПРЕДМЕТ в итальянском языке, анализ их семантики и количественного распределения в современной итальянской художественной прозе.

Материалом исследования послужили метафорические выражения с лексемой *ira – гнев*, отобранные методом сплошной выборки из подкорпуса художественной литературы Корпуса итальянских письменных текстов CORIS / CODIS, а также составленного нами корпуса современной итальянской художественной прозы, включающего произведения 119 авторов. В общей сложности проанализировано 785 контекстов употребления слова *ira* в значении *гнев*, 408 из которых (52 %) содержат метафорические сочетания с этим словом.

Персонифицирующие метафоры гнева

Метафора ГНЕВ – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО представлена наибольшим числом употреблений (59 контекстов), самыми частотными являются сочетания scatenare l'ira (15), in preda all'ira (11), essere preso dall'ira (7).

Сочетание *scatenare l'ira* имеет два значения: каузация возникновения гнева и каузация проявления уже присутствующей эмоции. В большинстве случаев реализуется первое значение, в структуре «Evento X / Persona X scatena l'ira di Y»:

La nomina di Giarda, infatti, <u>scatenò l'ira</u> di Ranuccio II Farnese, Duca di Castro, il quale ci teneva ad essere consultato e er tale investitura [Корпус CORIS URL].

Для значения каузации проявления уже существующей эмоции отмечается и другая валентная схема. В контексте агенсом выступает экспериенсер, а не посторонний субъект или событие:

I soldati ... imbevuti di odio per il nemico ... <u>scatenavano la loro ira</u> e contemporaneamente obbedivano agli ordini distruggendo villaggi <...> [Dell'Oro 1988, c. 268].

Таким образом, сочетание *scatenare la propria ira* используется для указания на сознательный отказ экспериенсера от контроля над эмоцией.

Каузация переживания гнева описывается сочетанием destare l'ira (2), каузация повторного переживания эмоции – выражением risvegliare l'ira (2). Интересно, что, как показал дополнительный поиск, сочетания с однокоренными глаголами svegliare l'ira и ridestare l'ira устарели, их употребление приходится в основном на XVIII–XIX вв.

Проявление гнева, над которым субъект теряет контроль, описывается обычно пассивным сочетанием essere preso dall'ira (7) или, реже, выражением с рефлексивом sentirsi prendere dall'ira.

На переживание эмоции в рамках этой метафоры указывает частотное выражение *in preda all'ira* (11), обычно в функции обстоятельства образа действия с оттенком причинности. Глагольные сочетания в нашем корпусе представлены лишь редким выражением *l'ira alberga nel seno di qualcuno* и авторским сочетанием *l'ira che gli divorava il cuore* [Hamel 2002, с. 116]. В данном примере гнев описывается как

существо, наносящее вред экспериенсеру. В результате дополнительного поиска были зафиксированы также авторские выражения *l'ira divorava l'animo della principessa* и *l'ira gli divorava lo stomaco*.

Если ситуация «вызвать интенсивное чувство гнева или его проявление» описывается в рамках данной метафоры в основном сочетаниями с глаголом scatenare, то ситуация «уменьшить интенсивность гнева, прекратить его переживание» вербализуется менее частотными выражениями soffocare l'ira (2), dominare l'ira (2). Нечастое употребление этих сочетаний объясняется использованием неметафорических выражений placare l'ira (12), calmare l'ira (2), acquietare / quietare l'ira.

Смысл «интенсивность эмоции снижается» почти всегда выражается неметафорически: l'ira si placò (3), l'ira si calmò. Образное сочетание отмечено лишь в одном случае: l'ira si era sopita.

Интенсивное проявление гнева может описываться высокочастотным выражением *scatenare l'ira*. При этом зафиксировано лишь одно авторское сочетание *ira guizzava*, указывающие на внешнее проявление контролируемого гнева:

L'ira guizzava nei suoi occhi di mercurio [Rizzo 2003, c. 178].

В прямом значении глагол *guizzare* означает «изгибаться» и используется применительно к рыбам или, расширительно, существам типа змей, к пламени и т. п.

К выражениям, воплощающим метафору ГНЕВ – ЭТО ЧЕЛОВЕК (4 контекста употребления), нами были отнесены лишь те, которые однозначно указывают на перенос с человека на эмоцию. Для описания действий и высказываний, каузируемых гневом, используется сочетание dettato dall'ira (3). Авторское выражение richiami dell'ira расширяет метафорическую проекцию, представляя гнев как нечто не имеющее власти над субъектом:

E in un processo logico, quindi estraneo ai <u>richiami dell'ira</u> o del dolore, mi identificavo con la ferocia del kamikaze in borghese: dirigevo la mia barca verso il comodo porto del cinismo [Fallaci 1990, c. 101].

Метафора ГНЕВ – ЭТО ЖИВОТНОЕ представлена в нашем корпусе только одним сочетанием *l'ira domata*:

Il vecchio si alzò in piedi, gli occhi rimpiccioliti, le membra tremanti <u>per l'ira a stento domata [Evangelisti 2006</u>, c. 146].

Отдельно мы выделили метафору ГНЕВ — ЭТО ВРАГ (17 употреблений). В рамках данной метафоры частотно сочетание *sfidare l'ira di qualcuno* (5). В русском языке подобные выражения не представлены — гнев обычно концептуализируется как враг экспериенсера, а не другого лица. В итальянском языке наступление эмоции с импликацией ее негативного влияния на экспериенсера описывается выражениями *essere assalito dall'ira* (3), *essere invaso dall'ira* (2). Попытки контролировать гнев в рамках данной метафоры описываются сочетаниями *lottare* / *lotta contro l'ira* (2), *ricacciare l'ira*, *sconfiggere l'ira*. Потеря контроля над эмоцией описывается выражениями *cedere all'ira*, *essere sopraffatto dall'ira* (2). Последнее выражение в одном контексте использовано для описания смены эмониональных состояний:

L'ira di Pietro IV fu sopraffatta da un'ansia evidente [Evangelisti 2003, c. 219].

Н. Д. Арутюнова отмечает важное свойство метафорического представления эмоций: метафоры из различных сфер создают «некий сводный образ чувства, выявляемый в наборе противоречащих друг другу с точки зрения предметного мира предикатов. Создается подчиненный особой логике мир души» [Арутюнова 1999, с. 397]. В одном контексте достаточно свободно могут сочетаться метафорические выражения, восходящие к различным метафорам. Эта особенность отличает метафоры эмоций, в целом же «выводя наружу сущность предмета, метафора избегает плюрализма» [там же]. В нашем корпусе зафиксировано немало комбинаций метафор для описания гнева, обычно одной из них становится именно метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИ-ВОЕ СУЩЕСТВО. К примеру, в следующем контексте она сочетается с метафорой ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ:

<u>L'ira</u> di Eymerich <u>rifluì di colpo</u>, <u>vinta dalla curiosità</u> e da un certo stupore [Evangelisti 2003, c. 194].

Метафора ГНЕВ – ЭТО ПРЕДМЕТ (9 контекстов) включает выражения, указывающие на контроль над гневом – mettere da parte l'ira (1), каузацию проявления гнева в отношении экспериенсера – attirare l'ira di qualcuno su (2), raccogliere l'ira di qualcuno (1), сознательное проявление гнева с целью уменьшить его интенсивность – scaricare la propria ira su qualcuno (1). В рамках данной метафоры отмечено

несколько авторских метафорических выражений. В контексте происходит расширение метафорической проекции за счет введения нового метафорического следствия: твердое тело можно расколоть, поэтому у гнева могут быть осколки. Этот элемент сферы-источника, в языке не вовлекаемый в метафорическую проекцию, используется автором для описания повторяющегося переживания гнева:

Ci hanno visto, penso, mentre per un istante la marea ansante ci riprende e sento che mi si stacca qualcosa in fondo all'anima. Un'altra scheggia d'ira [CORIS / CODIS URL]

В контексте ...lui le risponde, le dice delle cose, ma dentro ha solo un grande desolato silenzio, e nello stomaco <u>una pietra d'ira</u> [CORIS / CODIS URL] гнев вследствие конкретизации исходной предметной метафоры уподобляется камню.

Наконец, в следующем примере с развернутой метафорой, осложненной сравнением, гнев уподобляется механизму:

Sascia ha frugato nel suo cuore e finalmente ha trovato qualcosa di meglio dello sgomento: ha trovato finalmente l'ira. <u>L'ira che</u> come una macchina idrovora <u>asciuga le espressioni dal suo viso, pompa via il sangue dalle vene, la trasfigura in un liscio pezzo di pietra [CORIS / CODIS URL].</u>

Интересный пример совмещения метафор ГНЕВ — ЭТО ПРЕД-МЕТ и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО представлен в следующем контексте:

L'ira del signor Smookie era una massa solida, scura, che vagava nell'atmosfera con l'aria di chi vuole vendetta sanguinosa. Ah, se mi sentiranno! Mi sentiranno eccome! — 'giorno, Tom! Il vecchio macellaio entrò allegramente nella tabaccheria che di allegro non aveva niente ... Il vecchio grembiule sporco di sangue già di prima mattina fece innervosire l'ira del signor Smookie. Stranamente, erano anni che lo vedeva così, sporco di sangue, ma non se n' era mai accorto <...>. L'ira crebbe ancora: perché oggi tutto mi da così fastidio? [CORIS / CODIS URL].

В первом предложении сильный художественный эффект создается благодаря внезапной смене метафор и синтаксическим позициям, в которых они реализуются. В первой клаузе (*L'ira del signor Smookie era una massa solida, scura*) метафора ГНЕВ — ЭТО ПРЕДМЕТ выражается в «классической» для метафоры, но в речи сравнительно

нечастой конструкции «подлежащее – именное сказуемое». Вспомогательный субъект помещается в позицию ремы, что делает метафорическое выражение центром высказывания и заставляет читателя ожидать развертывания исходной метафоры. Однако автор в придаточном предложении предицирует анафорическому местоимению, кореферентному антецеденту massa, глагол vagare - «бродить, блуждать», в прямом значении относящийся к живым существам и – расширительно – к предметам: nuvole che vagano per il cielo. Учитывая метафору в главном предложении, можно было бы принять второй оттенок значения, но далее следует con l'aria di chi vuole vendetta sanguinosa, решительно требующее одушевленного субъекта. Таким образом, создается «метафорический конфликт», привлекающий внимание читателя и создающий эффект остранения, важный в контексте повествования о болезненном душевном состоянии главного героя. Далее «побеждает» метафора гнева как живого существа, реализующаяся в оригинальном авторском выражении fece innervosire l'ira:

Il vecchio grembiule ... fece innervosire l'ira del signor Smookie.

Параллельные сочетания *ira scandalizzata*, *ira nervosa*, *ira furibonda* являются вполне конвенциональными, в их основе лежит метонимический перенос наименования: с носителя эмоций на одну из этих эмоций, которая становится «носителем» второй. Однако конструкции типа *fare innervosire l'ira* единичны, поскольку вследствие смены диатезы и явного перемещения эмоции в позицию экспериенсера, воспринимаются как весьма необычные.

Заключение

Исследование показало, что персонифицирующие метафоры гнева встречаются в итальянской художественной прозе в среднем в девять раз чаще, нежели предметные. Однако, несмотря на свою немногочисленность, предметные метафоры способны описывать различные аспекты ситуации переживания гнева, а также характеризуются сравнительно большей долей авторских метафорических выражений. Если в случае с персонифицирующими метафорами авторское новаторство лежит исключительно в сфере сочетаемости предикатных лексем (*l'ira guizzava negli occhi, l'ira che gli divorava il cuore, richiami dell'ira, fare innervosire l'ira*), то предметные метафоры чаще являются

субстантивными (una pietra d'ira, una scheggia d'ira, una massa solida), но могут быть и глагольными (l'ira che asciuga le espressioni dal suo viso). Авторские метафорические выражения, возводимые к метафоре ГНЕВ – ЭТО ПРЕДМЕТ, сильнее тяготеют к развернутости, нежели авторские персонифицирующие метафоры. Несмотря на относительную легкость и частотность сочетания метафор из различных сферисточников при описании эмоций, комбинация персонифицирующей и предметной метафоры – явление единичное, обладающее за счет закрепленной в культуре и языке оппозиции одушевленного и неодушевленного значительным художественным эффектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.

CORIS / CODIS : [корпус итальянских письменных текстов]. URL : corpora. dslo.unibo.it/coris ita.html (дата обращения: 11.06.2019).

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 152 с.

Dell'Oro E. Asmara addio. Pordenone: Edizioni dello Zibaldone, 1988. 319 p.

Evangelisti V. Il mistero dell'inquisitore Eymerich. Milano: Mondadori, 2003. 250 p.

Evangelisti V. Le catene di Eymerich. Milano: Mondadori, 2006. 277 p.

Fallaci O. Insciallah. Milano: Rizzoli, 1990. 794 p.

Hamel P. La congiura della libertà. Venezia: Marsilio, 2002. 194 p.

Rizzo E. Ethlinn. La dea nascosta. Palermo : Dario Flaccovio Editore, 2003. 669 p.

REFERENCES

Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. I–XV. 896 s.

CORIS / CODIS : [korpus ital'janskih pis'mennyh tekstov]. URL : corpora.dslo. unibo.it/coris ita.html (data obrashhenija: 11.06.2019).

Skljarevskaja G. N. Metafora v sisteme jazyka. SPb.: Nauka, 1993. 152 s.

Dell'Oro E. Asmara addio. Pordenone: Edizioni dello Zibaldone, 1988. 319 p.

Evangelisti V. Il mistero dell'inquisitore Eymerich. Milano : Mondadori, 2003. 250 p.

Evangelisti V. Le catene di Eymerich. Milano: Mondadori, 2006. 277 p.

Fallaci O. Insciallah. Milano: Rizzoli, 1990. 794 p.

Hamel P. La congiura della libertà. Venezia: Marsilio, 2002. 194 p.

Rizzo E. Ethlinn. La dea nascosta. Palermo: Dario Flaccovio Editore, 2003. 669 p.

УДК 811(063)

И.В. Хорькова

кандидат исторических наук, доцент кафедры классической филологии Московского государственного лингвистического университета; e-mail: stauross@yandex.ru

ЛАТИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Становление юриспруденции как науки относится ко времени древнеримской государственности. Не подвергается сомнению тот факт, что римское право, разработанное юристами и правоведами той эпохи, легло в основу всех правовых систем европейских государств. Этим объясняется изобилие латинской юридической терминологии в юридических сочинениях, и именно – их изучение ставится во главу угла курса латинского языка для студентов-юристов. В дореволюционной России после комплексной реформы судопроизводства 1861–1864 гг. латинская терминология действительно была необходимым элементом юридического образования.

Блестящий российский юрист С. И. Пороховщиков в своем не утратившем актуальности сочинении «Искусство речи на суде» приводит многочисленные цитаты из латинских правоведов. Большая их часть не переводится на русский язык. Аналогов произведению С. И. Пороховщикова по силе воздействия и безусловной пользе для начинающего юриста пока не создано, поэтому так важно понимание всех обращенных к аудитории высказываний великого предшественника.

Ключевые слова: латинская терминология; ораторское искусство; судебное красноречие; юриспруденция.

I. V. Khorkova

PhD (History), Assistant Professor, Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University; e-mail: stauross@yandex.ru

LATIN TERMINOLOGY AS A NECESSARY COMPONENT OF LAW

The formation of law as a science dates back to the time of ancient Roman statehood. There is no doubt that the Roman law, developed by lawyers and jurists of the era, formed the basis of all legal systems of European states. This explains the abundance of Latin legal terminology in legal writings, and it is their study that is put at the forefront of the Latin language course for law students. In pre-revolutionary Russia after the comprehensive reform of legal proceedings in 1861–1864 Latin terminology was indeed a necessary element of legal education.

The brilliant Russian lawyer S. I. Porokhovshchikov in his essay "Art of Speech in Court", that has not lost its relevance, provides numerous quotes from Latin jurists. Most of them are not translated into Russian. Any analogues to the work of

S. I. Porokhovshchikov in terms of impact and unconditional benefit for a novice lawyer have not yet been created, therefore it is so important to understand all the statements of the great predecessor addressed to the audience.

Key words: Latin terminology; oratory; judicial eloquence; law.

Введение

Становление юриспруденции как науки относится ко времени древнеримской государственности. Не вызывает сомнения тот факт, что римское право, разработанное юристами и правоведами той эпохи, легло в основу всех правовых систем европейских государств [Штаерман 1986, с. 210]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что латинскими терминами изобилуют юридические сочинения, и именно их изучение ставится во главу угла курса латинского языка для студентов-юристов.

Юридическая латинская терминология

Начнем с наиболее распространенных и общеизвестных. Слово «алиби» (alibi) всеми понимается как юридический термин, обозначающий наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о непричастности подозреваемого к инкриминируемому ему преступлению в силу того, что во время совершения преступления он находился в другом месте. Латинское слово *alibi* обозначает дословно «в другом месте». Однако, как показывает практика, не все студенты это знают.

Хорошо известное всем выражение «право вето», обозначающее полномочие лица заблокировать принятие решения в одностороннем порядке, происходит от латинского глагола *vetare*— *запрещать* и представляет собой форму первого лица единственного числа настоящего времени, т. е. дословно *veto*— «я запрещаю».

Статус кво (status quo) – это правовое положение, обозначающее возврат к исходному состоянию или сохранение его. В действительности латинское выражение звучит более полно status quo ante bellum и переводится как положение, которое было перед войной.

Часто употребляются в юридической и не только юридической литературе выражения де-факто (de facto) и де-юре (de jure), противопоставляемые друг другу как фактическое положение вещей и то, что предполагается юридически, по закону. В переводе с латыни, соответственно, «согласно факту», «согласно праву».

Наконец, выражение *человек или персона* «суи юрис» (sui juris) означает полностью правоспособное лицо. По-латыни *persona sui juris* дословно означает «человек своего права или в своем праве»; в Древнем Риме к этой категории относились только полноправные отны семейств.

Презумпция невиновности (praesumptio innocentiae) — один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, который состоит в том, что лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в суде. Латинское слово *praesumptio* означает преждевременное пользование, заблаговременное использование чего-либо.

Этот список можно было бы продолжить. Однако, помимо слов и выражений, полностью вошедших в юридическую науку в виде терминов, существует еще целый пласт переведенных с латыни юридических устойчивых оборотов, выработанных римскими правоведами. К их числу относятся такие широко распространенные в юриспруденции и уголовном праве выражения, как:

```
corpus juris civilis – свод гражданского права;
jus publicum / privatum – общественное / частное право;
sententia absolutaria – оправдательный приговор;
dolus malus – злой умысел;
civiliter mortuus – гражданская смерть (досл. 'граждански мертвый');
locus delicti – место преступления;
corpus delicti – состав преступления;
crimen grave – тяжкое преступление;
bona fide – добровольно, добросовестно;
in prima instantia – в первой инстанции;
cui prodest – кому выгодно;
reo absente – в отсутствие ответчика;
reicere judicem – отвести судью;
onus probandi – бремя доказательства;
ultima ratio – последний довод;
sine provocatione – без права обжалования.
```

Подчеркнем, что именно римские юристы определили все эти понятия, включая их словарную форму. Сегодня кажется странным, что они могли бы звучать иначе, например, не «злой умысел», а «дурной умысел»; не «отвести судью», а «ниспровергнуть судью», не «тяжкое преступление», а «значительное преступление» и т. д.

Наконец, третий пласт составляют крылатые выражения, значительное количество которых касается именно юридических реалий. Приведем только некоторые из них, которые знакомы каждому юристу:

Dura lex, sed lex.

Суров закон, но это закон.

Fiat justitia, pereat mundus.

Пусть свершится правосудие, даже если погибнет мир.

In propria causa nemo judex.

Никто не судья в собственном деле.

Inter arma silent leges.

Среди оружия законы молчат.

Summum jus – summa injuria.

Высшее право есть высшая несправедливость.

Mendax in uno, mendax in omnibus.

Солгавший в одном, лжет во всем.

Par in parem imperium non habet.

Равный не имеет власти над равным.

Salus populi – suprema lex.

Благо народа – высший закон.

Nemo debet bis puniri pro uno delicto.

Никто не должен быть наказан дважды за одно преступление.

Pacta sunt servanda.

Обязательства следует выполнять.

Legem brevem esse oportet.

Закон должен быть краток.

Юридическая латинская терминология в дореволюционной России

Вся латинская терминология, о которой мы говорили до сих пор, — это лишь азы и начала, которые должны быть известны любому юристу и правоведу, хотя de facto в наше время это далеко не так. Однако в дореволюционной России, особенно после комплексной реформы судопроизводства 1861–1864 гг., когда пышным цветом расцвело

судебное красноречие, латинская терминология действительно была необходимым элементом юридического образования. Показательным примером этого служат многочисленные юридические труды известных правоведов, особенно адвокатов этой исторической эпохи, таких как А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, С. А. Андреевский, П. С. Пороховщиков. Нам хотелось бы подробнее остановиться на сочинении П. С. Пороховщикова «Искусство речи на суде».

Несколько слов об авторе труда. Петр Сергеевич Пороховщиков (1867–1954) был учеником всемирно известного российского юриста и правоведа Анатолия Кони, что, безусловно, сказалось на его деятельности. Еще до революции 1917 г. он эмигрировал в США, где в звании приват-доцента, а затем профессора преподавал на кафедре романских языков университета Оглеторп в штате Джорджия. Его перу принадлежат несколько выдающихся сочинений по юриспруденции и уголовной защите, в числе которых книга «Искусство речи на суде», изданная под псевдонимом П. Сергеич в 1910 г. в Санкт-Петербурге. Почему именно на этом сочинении мэтра мы решили остановиться? Ответ прост: аналогичного по силе воздействия и безусловной пользе для начинающего юриста произведения по юридической риторике до сих пор нет. Этот труд трижды переиздавался в России – в 1960, 1988 и 1999 гг.

Хочется обратить внимание на то, как много латинских слов, выражений и цитат из знаменитых римских юристов приводит автор. Причем в первом издании 1910 г. бо́льшая их часть не переводится на русский язык. Прежде всего это названия глав и подразделов, названия риторических понятий, тропов и фигур: concessio (допущение, уступка); sermocinatio (введение чужой речи); gradatio (фигура усиления), similitudo (единообразие, однообразие), significatio (логическое ударение), exclamatio (восклицание), divisio (разделение), disjunctio (противопоставление), distributio (распределение), exhortatio (одобрение); meditatio (обдумывание); dispositio (размещение); argumenta communia, argumenta ambigua — обоюдоострые доводы; retorquere argumentum (использовать довод своего противника против него самого) [Сергеич 1910, с. 63, 67, 70, 71, 84, 176, 243, 266].

Далее можно выделить группу латинских терминов, приведенных П. С. Пороховщиковым на латинском же языке, связанных с юриди-

 $^{^1}$ У П. С. Пороховщикова дается выражение restorsio argumentum, не использовавшееся в классической латыни.

ческими понятиями: alibi (алиби); probatio (доказательство) и refutatio (опровержение) как элементы судебного спора; обычные вопросы, выясняемые в ходе следствия: quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando? (кто, что, где, с чьей помощью, по какой причине, каким образом, когда?)¹; argumentum ad rem (доказательство по существу дела, вещественный довод), argumentum ad hominem (довод к человеку, переход на личности) [Сергеич 1910, с. 221, 222, 240, 241, 248, 258, 294].

Следующий латинский пласт в сочинении П. С. Пороховщикова — это известные крылатые выражения и поговорки, такие как [Сергеич 1910, с. 14, 18, 137, 154, 373]:

Aquae et ignis interdictio.

Запрет пользоваться водой и огнем (досл.), т. е. изгнание из Отечества.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Платон нам друг, но истина дороже.

Testimonium paupertatis.

Свидетельство о бедности.

Ex nihilo nihil fit.

Из ничего ничего не получится.

Do ut des.

Я даю, чтобы ты дал.

Captatio benevolentiae.

Снискание расположения, заискивание.

 $\rm \, \, M$, наконец, последний и самый значительный блок составляют цитаты из знаменитых латинских авторов, более всего — из произведений Цицерона и Квинтилиана 2 .

Марк Туллий Цицерон, известный древнеримский политик и оратор, цитируется П. С. Пороховщиковым более десяти раз. Например:

Rem dicendo subjiciet oculis [Ciceros 1869, c. 102].

Пусть оратор своей речью представит дело образно.

 $^{^{1}}$ Следует отметить, что у П. С. Пороховщикова эти вопросы переведены неточно и не в той последовательности, нежели в латинском варианте, а именно: кто, что, где, когда, с какой целью, каким способом, с какими соучастниками?

 $^{^{2}}$ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) – древнеримский политический деятель, известный оратор, философ. Марк Фабий Квинтилиан (35–96 гг. н. э.) – римский ритор, автор самого популярного учебника по красноречию.

Videte, ne insueti rerum majorum videamini, si vos parva res sicuti magna delectate [Сергеич 1910, с. 75] – Берегитесь показаться чуждыми великого, если будете радоваться малому.

Inter ingenium quidem et diligentiam perpaullulum loci reliquum est arti. Ars demonstrat tantum, ubi queras, atque ubi sit illud, quod studeas invenire; reliqua sunt in cura, attentione animi, cogitatione, vigilantia, adsiduitate, labore [Ciceronis 1902, c. 124]. — Между дарованием и усердием совсем немного места остается искусству. Искусство указывает только, где искать и где находится то, что ты стремишься найти; остальное достигается старанием, вниманием, обдумыванием, бдительностью, настойчивостью, трудом.

Cum colligo argumenta causarum, non tam ea numerare soleo, quam expendere [Ciceronis 1902, с. 170] — Я, по крайней мере, при подборе до-казательств для дел приучился не столько их подсчитывать, сколько взвешивать.

Multo plus proficit is qui inflammat judicem, quam ille qui docet. — 3на-чительно больше выигрывает тот, кто воспламеняет судью, чем тот, кто поучает [Сергеич 1910, с. 51, 75, 111, 248, 301].

Самое большое количество цитат приходится на знаменитый трактат Цицерона «De oratore» (Об ораторе).

Другим часто цитируемым автором в сочинении П. С. Пороховщикова является Марк Фабий Квинтилиан, знаменитый ритор, теоретик судебного красноречия. Мы находим более десяти отрывков из трудов этого автора [Quintiliani 1977, с. 190, 314]. Еще раз отметим, что большинство отрывков приводится без перевода [Сергеич 1910, с. 12, 37, 47–48, 238, 243–244, 259, 261]. Предполагается, что читающий без затруднения переведет их самостоятельно.

Заключение

Итак, подведем итог нашему небольшому исследованию. Автор с легкостью и профессионализмом оперирует латинскими терминами и цитатами. Они не вызывают у П. С. Пороховщикова никаких сложностей в понимании и уместности применения. Справедливости ради следует сказать, что цитаты из английских, немецких, французских и древнегреческих произведений также приводятся автором на языке оригинала часто без перевода. Безусловно, книга рассчитана на читателя, имеющего хорошее образование.

Современное юридическое образование призвано возродить прекрасные традиции дореволюционной школы, чему немало способствует изучение латинского языка, римского права, а также исторических реалий, связанных с древнеримской юридической культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сергеич П. Искусство речи на суде. СПб., 1910. 389 с.

Штаерман Е. М. Римское право // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 210–247.

Ciceros. Orator / Er. von Jahn O. Berlin, 1869. 180 S.

Ciceronis M. T. Rhetorica / ed. by A. S. Wilkins. Oxonii, 1902. V. 1. 269 c.

Quintiliani M. F. Institutionis oratoriae / ed. by H. E. Butler. Cambridge. 1977. 556 p.

REFERENCES

Sergeich P. Iskusstvo rechi na sude. SPb., 1910. 389 s.

Shtaerman E. M. Rimskoe pravo // Kul'tura Drevnego Rima. M., 1985. T. 1. S. 210–247.

Ciceros. Orator / Er. von Jahn O. Berlin, 1869. 180 S.

Ciceronis M. T. Rhetorica / ed. by A. S. Wilkins. Oxonii, 1902. V. 1. 269 c.

Quintiliani M. F. Institutionis oratoriae / ed. by H. E. Butler. Cambridge. 1977. 556 p.

УДК 811.131+81'44+81'27

И.И.Челышева

доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН; e-mail: chelysheva@iling-ran.ru

ЯЗЫК ИТАЛИИ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОГО ЛИНГВИСТА1

Языковая реальность Италии относительно малоизвестна за пределами круга лингвистов, специализирующихся в итальянистике или в романском языкознании. В статье рассматриваются аспекты лингвистической картины Италии, которые, по мнению автора, представляют особый интерес для российских лингвистов. К ним относится, во-первых, типологическое разнообразие языков и диалектов Италии, которое, благодаря обилию материалов, может быть проанализировано как в синхронии, так и в диахронии. В качестве иллюстрации вариативности структур в итальянских диалектах дается обзор способов образования множественного числа имен. Во-вторых, исключительно интересна и итальянская социолингвистическая ситуация, которая всегда отличалась многокомпонентностью и сложностью, а в настоящее время переживает серьезные изменения, связанные со становлением так называемого *italiano standard*, или *neo-standard*.

Ключевые слова: романское языкознание; итальянский язык; диалекты Италии; лингвистическая типология; социолингвистика.

I. I. Chelysheva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail chelysheva@iling-ran.ru

LANGUAGE OF ITALY: A VIEW OF A RUSSIAN LINGUIST

The linguistic reality in Italy is relatively unknown outside the circle of Italianists and Romance languages philologists. The present article deals with the issues of particular interest for the Russian linguists. Among these are, in the first place, the typological variety of languages and dialects in Italy, which can be viewed in both synchronic and diachronic terms due to the abundance of language data. As an illustration of the variability of structures in Italian dialects, an overview of ways to express nominal plural is given. Also, the sociolinguistic situation in Italy, being typically distinguished by its complexity, is at present undergoing serious changes related to the formation and diffusion of the so called *italiano standard* or *neo-standard*.

Key words: Romance linguistics; the Italian language; dialects of Italy; linguistic typology; sociolinguistics.

¹ Статья написана в рамках проекта «Основы итальянистики», поддержанного грантом РФФИ 17- 04-50136-ОГН ОГН-АФ.

Введение

Культура Италии, ее история и литература, изобразительное искусство и музыка, обладают особой притягательной силой. Итальянский язык, выступая и как средство освоения культурного богатства Италии, и как один из авторитетных языков Европы, всегда был востребован, а, следовательно, активно преподавался и изучался по всему миру. Вместе с тем следует признать, что языковая реальность Италии остается относительно малоизвестной за пределами круга лингвистовитальянистов. Даже обобщающие исследования, посвященные романским языкам, достаточно ограниченно используют материал идиомов Апеннинского полуострова. Причем это наблюдение касается не только российского языкознания, но и лингвистики целом.

В статье мы коснемся только некоторых аспектов формирования и функционирования языка Италии, которые, на наш взгляд, могут представлять особый интерес для российских лингвистов. Выбор именно этих аспектов в какой-то мере субъективен и опирается на имеющийся у автора многолетний опыт работы в Институте языкознания РАН, а также опыт университетского преподавателя, читающего такие теоретические курсы, как «История итальянского языка», «Сравнительная грамматика романских языков» и «Итальянская диалектология».

Начнем с того, что языковой материал Италии очень интересен в типологическом плане, однако в обобщающих работах по лингвистической типологии примеры, почерпнутые из языков и диалектов Апеннинского полуострова, можно встретить довольно редко, гораздо реже, чем примеры из некоторых экзотических или исчезающих языков. Языки и диалекты Италии нечасто служат материалом и для исследований сравнительно-исторического плана. Работая над томом «Романские языки», входящим в энциклопедическую серию «Языки мира» [Романские языки 2001], автор этой статьи и его коллеги столкнулись с тем, что для специалистов-типологов, которые не были романистами, оказывались непривычными термины «венетский» или «умбрский» применительно к диалектам Италии: эти термины воспринимались ими, прежде всего, как обозначения древних языков античных племен венетов и умбров. Автор статьи и его коллеги получили указание заменить «венетский диалект» на «венецианский». Разумеется, разъяснение ситуации помогло снять это недопонимание, но сам факт восприятия таких терминов в русскоязычной научной среде весьма показателен.

Также оказались необходимы разъяснения, почему для итальяниста (и тем более для итальянца) не вполне приемлема формулировка «диалекты итальянского языка», а предпочтительна «диалекты Италии», или «итальянские диалекты». В Италии традиционно термин «язык» подразумевает общеитальянский литературный язык, сформировавшийся на основе флорентийского наречия тосканского диалекта и утвердившийся как общий литературный язык, прежде всего, в письменной форме в течение XVI в. Пришлось обосновывать и необходимость написания в типологически ориентированном издании, каким является энциклопедия «Языки мира», отдельной статьи, посвященной диалектам Италии [Челышева 2001]. Между тем для диалектов французского языка вполне достаточно оказалось раздела в статье «Французский язык». Но структуры диалектов Италии, в отличие от французских, не могут быть описаны как некоторая совокупность отклонений от форм литературного языка. В лингвистическом плане они образуют самостоятельные системы, выводимые из латинских и народнолатинских структур. Обращение к формам итальянского языка, разумеется, возможно, но лишь в сравнительно-сопоставительном плане.

Часто российские лингвисты, привыкшие работать с устными, функционально ограниченными, а иногда и реликтовыми, диалектами, с трудом воспринимают тот факт, что идиом, который в Италии традиционно именуется «dialetto», может иметь многолетнюю текстовую историю, литературу, словарь и грамматику, как, например, венепианский.

Диалекты Италии как объект типологического описания

Анализ типологического разнообразия наречий Италии осложняется и тем, что лингвистическая реальность Апеннинского полуострова не вписывается в иерархизированные построения типа «язык – диалект – говор». Такая ситуация создает и терминологические сложности: например, в зависимости от задач исследования можно говорить о тосканском диалекте, а можно – о тосканских диалектах. Есть диалекты, значение которых выходит далеко за пределы зоны их изначального распространения, например, неаполитанский или венецианский. Они входят в диалектную группу венетских или кампанских диалектов, но занимают в них особое место благодаря своей исключительной исторической, культурной и литературной значимости.

Кроме того, лингвистическая типология обычно опирается на материал, представленный в исследованиях, посвященных отдельным языковым образованиям конкретных языковых единиц. Между тем описание структурных черт идиомов и представление их ареального распределения в рамках итальянской диалектологии нередко характеризуются большой свободой формулировок и пишутся как бы для посвященных, по принципу sapienti sat. В результате типологам довольно трудно выбрать единицу описания и четко определить, какие структурные черты являются основными и второстепенными, обязательными или варьирующимися.

Мы заметили, что итальянские диалектологи постоянно прибегают к образным выражениям для описания структурных характеристик идиомов. Распространение той или иной черты может быть описано как *а macchia di leopardo* 'леопардовыми пятнами', а ситуация с гласными фонемами охарактеризована как *più sfumata* 'более расплывчатая' (впрочем, русский перевод известного в живописи термина *sfumato* не вполне передает заложенную в итальянском термине градиентность — признак возрастает, но постепенно). Следует признать, что здесь сложность описания адекватна сложности описываемого предмета исследования, и для того, кто ориентируется в ситуации, такие метафоры понятны.

Даже специалисты по итальянской диалектологии признают, что последовательная классификация на основании единообразных критериев (а именно такая классификация необходима для построения классификации типологической) может оказаться труднодостижимой. Например, исследуя сицилийские изоглоссы Дж. Руффино приходит к неутешительному выводу: «Le parlate siciliane sono, in definitivo, non classificabili 'Сицилийские говоры определенно не поддаются классификации' [Ruffino 1984, с. 222]. Исключительную сложность описания языковой реальности Неаполя констатируют Н. Де Блази и Ф. Фанчулло: «Napoli è una realtà linguistica a sé che, non per caso, ha sempre scoraggiato sistematiche analisi dialettologiche» 'Неаполь – это некая особая лингвистическая реальность, которая совсем не случайно всегда сопротивлялась попыткам систематического диалектологического анализа' [I dialetti italiani 2002, с. 672]. Заметим, что по-итальянски цитата звучит выразительнее: на русский трудно перевести в этом контексте глагол scoraggiare 'повергать в уныние', 'обескураживать'.

Чтобы продемонстрировать структурное разнообразие идиомов Апеннинского полуострова, обратимся к такой достаточно прозрачной части морфологической системы, как способы образования множественного числа имен. Здесь даже при поверхностном рассмотрении можно обнаружить типологически очень различные построения. Перечислим основные, отдавая себе отчет в том, что это перечисление неполно и упрощенно, а ареальная «привязка» форм сделана в самом общем виде (источники [Челышева 2001; I dialetti d'Italia 2002; Lo Porcaro 2003; Rohlfs 1968; Sornicola 2010]):

1. Образование форм числа по итальянскому типу с помощью флексий, объединяющих род и число, причем флексии достаточно разнообразны по форме:

```
ед. ч. muro 'стена' – мн. ч. muri (литературный итальянский); но: ед. ч. pumu 'яблоко' – мн. ч. puma (Сицилия).
```

2. Образование множественного числа с помощью флексий с противопоставлением чисел по роду:

```
ед. ч. braccio 'рука' м. р. – мн. ч. braccia ж. р. (литературный итальянский).
```

3. Отсутствие флексий в обоих числах и передача противопоставления с помощью детерминативов. Отметим, что в разных ареалах в эту группу попадают потомки разных латинских склонений и, соответственно, формы с разным исходом:

```
ед. ч. pan 'хлеб' – мн. ч. pan (Ломбардия);
ед. ч. nivi 'снег' – мн. ч. nivi (Сицилия);
ед. ч. capra 'коза' – мн. ч. capra (Луниджана, Тоскана);
ед. ч. suoru 'сестра' – мн. ч. suoru (Калабрия).
```

4. Наличие флексии в единственном числе и ее отсутствие во множественном, в том числе с эпентезой гласного в корень в формах множественного числа:

```
ед. ч. done 'женщина' – мн. ч. don (Ломбардия).
```

5. Отсутствие флексии и эпентеза гласного в корень в формах множественного числа:

```
ед. ч. serva 'служанка' – мн. ч. seruv (Романья).
```

6. Противопоставление единственного и множественного числа по разным гласным корня в результате метафорического влияния и замолкания конечных гласных:

```
ед. ч. mes 'месяц' – мн. ч. mis (Венето); ед. ч. lèg 'озеро' – мн. ч. lég (Романья).
```

7. Образование множественного числа с помощью специальных суффиксов, присоединение которых может приводить к чередованиям в исходе корня:

```
ед. ч. iarve 'дерево' – мн. ч. iarvele (Пьемонт); ед. ч. ava 'бабушка' – мн. ч. avan (Ломбардия); ед. ч. loku 'место' – мн. ч. lokira (Сицилия); ед. ч. ossu 'кость' – мн. ч. ossora (Калабрия); ед. ч. capo 'голова' – мн. ч. cabbre (Апулия).
```

8. Образование множественного числа посредством смены суффиксов:

```
ед. ч. polesin 'цыпленок' – мн. ч. polesitt (Милан).
```

9. Изменение во множественном числе конечного согласного, в основном, в направлении его палатализации или вокализации:

```
ед. ч. an 'год' – мн. ч. agn [aŋ];
ед. ч. dét 'зуб' – мн. ч. décc [detʃ] (Бергамо, Ломбардия);
ед. ч. cavel 'волос' – мн. ч. cavei (Милан);
ед. ч. pel 'волос' – мн. ч. pjwo (Пьемонт).
```

Для специалистов по романскому языкознанию в этом далеко не полном перечне очевидны аналогии с образованием множественного числа в румынском, окситанском, французском, фриульском, ладинском. Однако есть и уникальные формы, для которых трудно подобрать что-то подобное за пределами Италии:

```
ед. ч. sorə 'сестра' – мн. ч. srurə;
ед. ч. vo 'бык' – мн. ч. vuvə;
ед. ч. akə 'иголка' – мн. ч. aggrə (Апулия);
ед. ч. pa 'нога' – мн. ч. pi (Романья).
```

Ситуация с формами множественного числа осложняется тем, что они трансформируются при оформлении имени некоторыми детерминативами, вызывающими к жизни изменения типа сандхи на стыке

слов. В неаполитанском определенный артикль женского рода множественного числа вызывает удвоение начальной согласной слова; в результате формы числа различаются простой и удвоенной согласной: ед. ч. е femmənə 'женщина', но мн. ч. е ffemmənə (Неаполь). Если слово начинается с согласной, имеющей позиционные аллофоны, они также становятся показателем числа: ед. ч. о ritə 'палец' — мн. ч. е detta 'пальцы' (Неаполь). В неаполитанском [d] в интервокальном положении переходит в [r]; ср. форму Maronna 'Мадонна'. Однако артикль множественного числа женского рода приводит в действие процесс rafforzamento sintattico 'синтаксического усиления' последующей согласной, и [d] сохраняется.

Разные способы образования множественного числа могут существовать в структуре одного идиома, причем не всегда для их дистрибуции есть этимологическое объяснение, поскольку могут действовать и аналогия, и семантические факторы. Так, в сицилийском (один из северо-восточных говоров) для слов мужского рода, имеющих признак одушевленности, практически нет форм множественного числа с флексией -а, только с флексией -i; среди неодушевленных существительных есть как формы множественного числа на -i, так и формы на -a [Sornicola 2010]. Р. Сорникола, занимавшаяся этой проблематикой, отмечает высокую степень нерегулярности и «хаотичность» в образовании форм числа [Sornicola 2010, с. 554].

Если обратиться к диахронии, то разнообразие форм множественного числа возрастает. Так, в тосканских текстах XIII—XIV вв. встречались формы с суффиксом -ora во множественном числе: campora 'поля', pratora 'луга', luogora 'места', ныне не сохранившиеся в Тоскане. Интересно, что, по нашим наблюдениям, существительные с такими формами множественного числа часто обозначали некое пространство, и можно говорить об определенной семантической специализации флексии -a.

Особую ценность итальянскому лингвистическому материалу придает тот факт, что в нем отражены и экстралингвистические факторы, а именно — влияние исторических обстоятельств, культурной парадигмы, религиозных воззрений. Приведем пример, связанный со структурой безличных предложений в диалектах Италии. В итальянском языке в безличном предложении грамматический субъект не выражен; это касается и метеорологических глаголов: *Piove* 'Идет

дождь'. Обязательность выражения субъекта (как во французском языке) является заметной структурной характеристикой северных, галлоитальянских диалектов: *El pioeuf* 'Идет дождь' (Милан). Однако на севере Апулии, в диалекте, относящемся к южной диалектной группе, зафиксированы интересные формы для этого выражения: *Së kristë kjovë* 'если пойдет дождь', где субъект выражен именем *kristë* 'Христос' [I dialetti Italiani 2002, с. 637]. В засушливой Апулии (латинское название этой области, *Apluvia*, даже получило псевдоэтимологическое толкование «земля без дождя») вполне объяснима грамматикализация теонима как субъекта при этом метеорологическом глаголе.

Таким образом, даже ограниченное количество приведенных примеров показывает, насколько различны диалекты Италии в типологическом плане, как далеко разошлись они с точки зрений уровня аналитизма и флективности. Следует отметить, что в итальянской лингвистике в последние десятилетия существенно возросло количество исследований, цель которых — структурно-типологическая классификация наречий Италии с обращением к тем инструментам и процедурам анализа, которые были выработаны общей лингвистической типологией на материале языков разных семей. Это дает основание надеяться, что материал языков и диалектов Италии получит в лингвистических кругах ту известность, которую он заслуживает.

Современные изменения в языковой ситуации Италии

Перейдем ко второму аспекту, в рамках которого итальянская языковая реальность приобретает особый интерес для российской лингвистики: это современные изменения в языковой ситуации и основательные сдвиги в языковом узусе, которые переживает Италия.

Существенно сокращается сфера использования диалектов. Это не значит, что диалекты исчезают как компонент языковой ситуации. Они остаются одним из важных элементов региональной идентификации итальянцев, в том числе и самоидентификации. Итальянская повседневная реальность представляет лингвисту самые разнообразные ситуации взаимодействия различных языковых регистров, а традиции итальянской социолингвистики заключаются в их очень подробном описании.

Завершающийся в настоящее время в Италии процесс формирования единого устного языка (*italiano standard*, *italiano neostandard*)

отражает уникальный опыт существования и развития итальянского литературного языка, который может быть востребован в социолингвистических исследованиях, имеющих в российской лингвистике богатую традицию. За несколько последних десятилетий русский язык пережил существенную демократизацию узуса, и оценка происходящих изменений оказывается весьма неоднозначной. На материале итальянского языка есть немало работ, где проанализированы самые недавние изменения и выстроены определенные перспективы развития итальянского языка, например [Renzi 2012]. Обращение к итальянскому материалу позволяет расширить понимание процессов взаимодействия языка и общества, преодолеть упрощенный взгляд на проблему язык vs. диалект и уточнить критерии определения языковой нормы в общетеоретическом плане.

Итальянские лингвисты по большей части оценивают происходящие в языке изменения разумно и взвешенно. В качестве иллюстрации приведем цитату М. Л. Альтьери Бьяджи, в которой говорится о ситуации с вытеснением конъюнктива индикативом в ряде контекстов, например, в дополнительных придаточных (credo che hai raggione 'думаю, ты прав' вместо credo che tu abbia raggione) что, вообще-то, противоречит нормативной грамматике итальянского языка. М. Л. Альтери Бьяджи в книге, предназначенной для старших школьников, пишет:

Se ... dopo aver studiato il congiuntivo, e sapendolo usare, voi deciderete di "farne a meno", di sostituirlo con altri modi, questa sarà una scelta vostra. Ciò che importa, in lingua, non è scegliere il modo più elegante, più raffinato, ma poter scegliere, adeguando le scelte alle situazioni communicative. – «Если, изучив конъюнктив и умея его использовать, вы решите "обойтись без него", заменить это наклонение другими, это будет ваш выбор. Для языка имеет значение не выбор более изящного, более изысканного наклонения, а возможность выбирать, адекватно соотнося свой выбор с коммуникативными ситуациями» [Altieri Biagi 1987, с. 770].

Следует сказать, что по-итальянски из-за многозначности слова modo — это и 'наклонение', и 'способ, манера' цитата выглядит более универсальной, чем ее перевод на русский.

Заключение

Мы не будем затрагивать в данной статье такой важнейший аспект, как история литературного языка и диалектов Италии: эта тема

заслуживает отдельного рассмотрения. История итальянского языка хорошо документирована, и взаимосвязь между развитием общества, культуры и языка прослеживается иногда очень выразительно. Типологию формирования литературных языков итальянский дополняет яркой иллюстрацией как литературный язык, сформировавшийся «по праву шедевра», на основании языка великих произведений литературы. Это, конечно, не исключает и другие критерии, на основании которых именно флорентийский вариант тосканского стал основой литературного языка. Тосканский диалект по многим характеристикам ближе к латыни, чем другие диалекты; те, кто привык писать на латыни, должны были это оценить.

В заключение отметим, что языки и диалекты Италии при их внимательном исследовании и вдумчивом изучении могут стать источником интереснейших обобщений общелингвистического характера и расширить наши представления о закономерностях развития и изменения языка в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Челышева И. И.* Диалекты Италии // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 90–146.
- Altieri Biagi L. M. La grammatica dal testo: grammatica italiana e testi per le scuole medie superiori. Milano: Mursia, 1987. 911 p.
- I dialetti italiani. Storia, struttura, uso / Cortelazzo M., Marcato C., De Blasi N., Clivio G.P. (edd.). Torino: UTET, 2002. 1148 p.
- Loporcaro M. Profilo linguistico dei dialetti italiani. Roma-Bari : Laterza, 2003. 268 p.
- Renzi L. Come cambia la lingua. L'italiano in movimento. Bologna : Mulino, 2012. 200 p.
- Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 2: Morfologia. Torino : Einaudi, 1968. 395 p.
- Ruffino G. Isoglosse siciliane // Tre millenni di storia linguistica di Sicilia. Atti del Convegno (Palermo, 25–27 marzo 1983). Pisa : Giardini, 1984. P. 161–224.
- Sornicola R. I dialetti italiani meridionali e la sorte del neutro: alcune riflessioni su una varietà siciliana // Iliescu M., Siller-Runggaldier H. M., Danler P. (éd. par). Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes (Innsbruck 3–8 septembre 2007). T. II. Berlin New York: De Gruyter, 2010. P. 547–556. URL: wpage.unina.it/sornicol/Articoli/sorteneutro.pdf.

REFERENCES

- Chelysheva I. I. Dialekty Italii // Yazyki mira. Romanskie yazyki. M.: Academia, 2001. S. 90–146.
- Altieri Biagi L. M. La grammatica dal testo: grammatica italiana e testi per le scuole medie superiori. Milano: Mursia, 1987. 911 p.
- I dialetti italiani. Storia, struttura, uso / Cortelazzo M., Marcato C., De Blasi N., Clivio G.P. (edd.). Torino: UTET, 2002. 1148 p.
- Loporcaro M. Profilo linguistico dei dialetti italiani. Roma-Bari : Laterza, 2003. 268 p.
- Renzi L. Come cambia la lingua. L'italiano in movimento. Bologna : Mulino, 2012. 200 p.
- Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 2: Morfologia. Torino : Einaudi, 1968. 395 p.
- Ruffino G. Isoglosse siciliane // Tre millenni di storia linguistica di Sicilia. Atti del Convegno (Palermo, 25–27 marzo 1983). Pisa : Giardini, 1984. P. 161–224.
- Sornicola R. I dialetti italiani meridionali e la sorte del neutro: alcune riflessioni su una varietà siciliana // Iliescu M., Siller-Runggaldier H. M., Danler P. (éd. par). Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes (Innsbruck 3–8 septembre 2007). T. II. Berlin New York: De Gruyter, 2010. P. 547–556. URL: wpage.unina.it/sornicol/Articoli/sorteneutro.pdf.

УДК 81'246

О. Ю. Школьникова

доктор филологических наук, профессор кафедры романского языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: chkolnikova@mail.ru

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОНЯТИЯ «СТЫД», «СОВЕСТЬ» И «СОЗНАНИЕ» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его итальянского перевода)

Статья посвящена лексической репрезентации понятий «стыд», «совесть» и «сознание» в русском и итальянском языках в синхроническом и диахроническом аспекте и рассмотрению функционирования лексемы «coscienza» в итальянском переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Предпринята попытка историко-лингвистического обоснования того факта, что понятия «совесть» и «сознание» в русском языке существуют независимо друг от друга, а в итальянском инкорпорируются одно в другое.

Ключевые слова: сравнительная семантика; художественный перевод; этические понятия; концепт «совесть»; Delitto e castigo.

O. Yu. Shkolnikova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Department of Romance Languages, Lomonosov Moscow State University; e-mail: chkolnikova@mail.ru

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF "SHAME" AND "CONSCIENCE" AND THE PROBLEM OF THEIR LEXICAL REPRESENTATION IN RUSSIAN AND ITALIAN

(based on the novel by F. M. Dostoevsky «Crime and Punishment»)

The paper examines lexical means of representing the concepts "shame" and "conscience" in the Russian and Italian languages in synchronic and diachronic aspects and considers the functioning of the lexeme «coscienza» in the Italian translation of the novel by F. M. Dostoevsky «Crime and Punishment». The problem consists in the impossibility to translate into Italian the semantic opposition expressed by the Russian words «sovest'» and «soznanije» representing the philosophical basis of the novel «Crime and Punishment» by F. M. Dostoevsky because of the absence of the suitable tokens.

Key words: comparative semantics; literary translation; ethical concepts; the concept of "conscience"; Delitto e castigo.

Ввеление

Отправной точкой для данного исследования стал вопрос об адекватности передачи русского слова «совесть» в итальянском переводе

романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором совесть, по сути, является главной героиней произведения, а этические переживания героев — предметом подробнейшего анализа автора, который лексически реализуется в очень плотном семантическом поле. Так, слово «стыд» и его производные встречаются на страницах романа 61 раз, а слово «совесть» — 31 раз.

Роман Ф. М. Достоевского пользуется необыкновенной любовью и неизменным интересом итальянцев, за период чуть более ста лет между первым анонимным переводом «Преступления и наказания», сделанным с помощью французского перевода и вышедшим в издательстве братьев Тревес в 1899 г., и последним переводом Дамиано Ребеккини, в 2013 г. получившим международную премию «Italia-Russia attraverso i secoli», в Италии вышло 24 перевода этого романа, принадлежащих перу выдающихся итальянских литераторов и переводчиков. В исследовании мы опирались на перевод Сильвио Полледро, который вышел в свет в 1951 г. и выдержал многократные переиздания.

В качестве основы исследования мы используем семантическую модель анализа речевых высказываний и, соответственно, семантическую модель перевода. Мы исходим из того, что значения всех единиц исходного текста можно разбить на ряд более мелких компонентов смысла — семы, которые составляют иерархическую структуру. Пучки сем единиц разных языков в редких случаях совпадают в своем составе. Переводя текст, переводчик производит компонентный анализ, определяет семный состав единицы оригинала и принимает решение относительно того, какие из выделенных сем наиболее релевантны и должны быть сохранены в переводе. Далее он подбирает единицы переводящего языка, в значение которых входит максимальное количество сем единицы оригинального текста, в первую очередь, релевантных для смысла произведения. Таким образом, степень близости перевода к оригиналу зависит от объема общих сем.

Особенности репрезентации этико-философских понятий в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Слово «стыд» означает ощущение внутреннего дискомфорта от сознания предосудительности совершенного субъектом поступка или

его качества, которое ощущается как неприемлемое с социальной точки зрения. В итальянском переводе есть целый ряд лексем, компенсирующих этот комплекс значений: *vergogna* происходит от латинского *verecundia* («робость», «стыдливость»), в котором развивается значение «боязнь бесчестия» и появляется значение «позор», т. е. оно начинает обозначать ситуацию или поведение субъекта, провоцирующие резкую отрицательную оценку, а также выражать саму эту оценку.

- 1. «Он *стыдился* именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо» [Достоевский 1992, с. 512]. «Egli *si vergognava* appunto di essersi egli, Raskolnikov, perduto così alla cieca, senza speranza, in modo oscuro e sciocco» [Dostoevskij 1984, с. 577].
- 2. «Он бы снес тогда все, даже *стыд и позор*» [Достоевский 1992, с. 512]. «Avrebbe allora sopportato tutto, perfin la *vergogna e il disonore*» [Dostoevskij 1984, с. 576].
- 3. «...ну чего я *стыжу* себя?» [Достоевский 1992, с. 497]. «...perché *mi svergogno*?» [Dostoevskij 1984, с. 558].

Чувство стыда — «стыдливость» — может постоянно присутствовать в характере человека. Вариантом передачи значений данной лексемы становится слово *pudore*, восходящее к латинскому *pudor*, *oris* со значениями «стыдливость», «почтительность», «совестливость, добросовестность», «целомудрие», которое в итальянском сохраняет два значения — «скромность в том, что касается сексуальной сферы» и «деликатность по отношению к чувствам других».

4. «...со мной она как-то усиленно, как-то боязливо целомудренна и *стыдлива*! – И вы, разумеется, развиваете... хе-хе! доказываете ей, что все эти *стыдливости* вздор?..» [Достоевский 1992, с. 349]. – «...соп me è come doppiamente, come timorosamente casta e *pudica*! – E voi, s'intende, la sviluppate... he-he! Le dimostrate che tutte le sue *pudicizie* sono scempiaggini?..» [Dostoevskij 1984, с. 392].

Временная форма отсутствия внутреннего комфорта описывается словом «стесняться», обозначающим ощущение неловкости в какой-то ситуации или в чьем-нибудь присутствии. Во всех случаях в итальянском переводе фигурирует слово soggezione («чувство

 $^{^{1}}$ Выделено жирным шрифтом авт. – *О. Ш.*

неловкости»), восходящее к латинскому *subjectio, onis* со значением «покорность», «смирение».

- «Вы, впрочем, не конфузьтесь ... и не *стесняйтесь*, а продолжайте, что вам там надо» [Достоевский 1992, с. 138]. «Voi però non confondetevi ... e non *abbiate soggezione*, ma continuate a parlare di ciò che vi occorre» [Dostoevskij 1984, с. 156].
- 6. «Он ... казалось, пожирал глазами Авдотью Романовну, нисколько этим не *стесняясь*» [Достоевский 1992, с. 187]. «...pareva che divorasse con gli occhi Avdotia Romanovna, senza punto *pigliarsene soggezione*» [Dostoevskij 1984, с. 212].

В итальянском языке есть средства выражения градации признака, так, для описания сильного смущения используется лексема *ritrosia* «преувеличенная стыдливость» (от *ritroso* < *retrorsus* «обращенный назад»). В нижеприведенном контексте, однако, данное переводческое решение обусловлено присутствием в одном ряду лексем «стыдливость» и «целомудрие»:

7. «Тут, брат, *стыдливость*, молчаливость, застенчивость, целомудрие ожесточенное ...» [Достоевский 1992, с. 196]. – «Qui, fratello, c'è *ritrosia*, taciturnità, timidezza, una pudicizia feroce...» [Dostoevskij 1984, с. 221].

Самым интересным противопоставлением в романе становится пара «сознание» и «совесть», которые находятся в моральном конфликте, составляющем этико-философскую основу романа. Здесь мы обнаруживаем, что переводчик вынужден употреблять слово *coscienza* для передачи и того, и другого понятия.

- «...и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при нем» [Достоевский 1992, с. 103]. «Egli camminava a passo rapido e fermo, e benché si sentisse tutto rotto, aveva però coscienza di sé» [Dostoevskij 1984, с. 116].
- «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» [Достоевский 1992, с. 250]. «La sofferenza e il dolore sono sempre doverosi per una coscienza vasta e per uno cuore profondo» [Dostoevskij 1984, с. 281].
- 10. «Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто усиливался с каждым мгновением, проницал в его душу, *в сознание*»

[Достоевский 1992, с. 296]. – «Lo sguardo ardente e fisso di Raskolnikov pareve crescer di forza a ogni istante, penetrargli nell'anima, *nella coscienza*» [Dostoevskij 1984, с. 332].

11. «...и я человек с сердцем и *совестью*» [Достоевский 1992, с. 426]. – «...anch'io sono un uomo di cuore e di *coscienza*» [Dostoevskij 1984, с. 478].

В результате в итальянском тексте разные значения смешиваются:

- 12. «...он внутри себя, *по совести*, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь...» [Достоевский 1992, с. 246]. «...essi possono, a parer mio, nel proprio intimo, *in coscienza*, autorizzarsi a scavalcare quell sangue...» [Dostoevskij 1984, с. 277].
- 13. «Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием» [Достоевский 1992, с. 113]. «Non già ch'egli restasse affatto privo di coscienza per tutto il tempo della malattia: era quello uni stato febrile, con delirio e semicosciente» [Dostoevskij 1984, с. 127].

Если мы посмотрим на перевод контекстов, то увидим, что слово «совесть» переводится итальянским словом *coscienza*, которое в Итальянском толковом словаре трактуется достаточно многообразно: как осознание собственной идентичности, т. е. самосознание; более широко — как знание; как моральная оценка своих действий и понятие о добре и зле; *coscienza* представляется так же, как некое укромное место, куда «сообщается» о действиях и где выносится суждение о них; обозначает также чувство ответственности по отношению к какомулибо конкретному делу; интерес к определенному кругу проблем; свободу вероисповедания и пр. [Treccani URL].

На первый взгляд, значение «coscienza» как моральной оценки своих действий и понятия о добре и зле вполне подходит для передачи значения русского слова «совесть», однако дело в том, что словом coscienza переводится также и другое русское слово — «сознание», которое вместе с производными встречается в тексте Достоевского 72 раза и представляет собой второй полюс, противопоставленный совести. В Русском толковом словаре зафиксированы следующие значения: «1. Признание своей вины. 2. Человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении; психическая

деятельность как отражение действительности. 3. Состояние человека в здравом уме и памяти. 4. Мысль, чувство, ясное понимание чегонибудь. 5. Тоже, что сознательность» [Ожегов, Шведова URL].

М. К. Голованивская посвятила целую главу своей книги сопоставлению лексической репрезентации совестного сознания носителей русского языка и французов, кратко излагает историю этих лексем в русском языке. Она пишет: «Совесть первоначально — соведение, знание, разделяемое многими» [Голованивская 2009]. Следовательно, совесть — это некоторое знание, мотивирующее социальную оценку и действия определенной национальной или религиозной общности людей. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что это слово является калькой с греческого языка [Фасмер URL].

Как отмечают исследователи, «идея и понятие совести складываются в процессе осмысления различных механизмов самоконтроля» [Апресян 2010, с. 585]. Понятие совести развивается из феномена стыда, который Платон и, вслед за ним Аристотель, определяли как «страх дурной молвы». Как разновидность стыда Демокрит и Сократ выделяли «стыд перед самим собой», что свидетельствовало о появлении специального механизма самоконтроля уже на том этапе развития самосознания.

Осмысление механизмов нравственного самоконтроля зафиксировано, как описывает в своем диссертационном исследовании С. Домусчи, уже в сохранившихся памятниках древнейших цивилизаций, и уже на том этапе истории человечества можно наблюдать эволюцию совестного сознания. Так, судя по ассиро-вавилонским текстам, главным регулятором поведения человека тогда еще был возможный гнев божества, древнеегипетские источники свидетельствуют о том, что греховное или праведное состояние осознавались сердцем человека, которое мыслилось «не только как руководитель действий или свидетель, но и как божественный голос или даже собственный бог человека» [Домусчи 2012]. При этом и вавилонцам, и египтянам была свойственна мысль о том, что нравственное состояние человека находится в прямой связи с божественным бытием и потусторонней жизнью. В зороастрийских текстах идея совести как свидетеля человеческих поступков воплощалась образами прекрасной девы и уродливой старухи, которые сопровождали, соответственно, праведника в рай, а грешника в ад [Домусчи 2012].

В Античный период появление понятия «совесть» можно наблюдать у авторов VI–V вв. до нашей эры, в контексте формирования этического сознания. У греческих авторов этого периода для обозначения совести появляется слово συνείδησις < σύνοιδα со значением «знать непосредственно, интуитивно», в противоположность «знанию, приобретенному путем умозаключения».

В христианском учении совесть представляется как сила, данная человеку Богом. В древнееврейском языке не существовало специального слова для обозначения феномена совести, в Ветхом Завете для его описания пользовались словом leb - «сердце». В Новом Завете совесть обозначается греческим словом συνείδησις, регулярно встречающимся в посланиях апостола Павла. Апостол Павел отмечает относительность совести как суждения о ценностях, из чего следует тот факт, что совесть может «ошибаться» в своих оценках, причем как «располагать к греху» [Библия 1 Кор. 8:10], так и «порицать за нравственно нейтральное или даже доброе поведение» [Библия 1 Тим. 4:2]. Последователи разных религий могут иметь разное совестное сознание, поэтому совесть нуждается в очищении, которое возможно только «кровью Христовой» [Библия Евр. 9:14]. Важно, что апостол Павел представляет совесть не только как ретроспективную оценку уже совершенного поступка, но и как оценку, предваряющую еще не совершенный поступок.

В латинском языке появляется калька — слово *conscientia*, в котором, кроме значения «сознание», содержится также и значение «осознание совершенных недостойных поступков» или же «оценка собственных поступков как хороших или плохих». Сосуществование этой пары лексем и определение сущностей, которые они обозначают, будет впоследствии предметом обсуждения средневековых теологов, в контексте вопроса о сущности человека.

Понятие «синдерезис» восходит к трудам Бл. Иеронима, оно появляется в толкованиях на книгу прор. Иезекииля и определяется как часть сознания (scintilla conscientiae), которая дает человеку врожденное знание добра и зла. Появление самого термина synderesis вместо традиционного συνείδησις было связано с ошибкой переписчика, копировавшего текст Иеронима [Домусчи 2012]. Слово, возможно, происходит от греческого συντήρησις «вместе + наблюдать». Эта ошибка стала причиной разнообразных интерпретаций, противопоставляющих значения conscientia и synderesis в трудах средневековых схоластиков.

Так, Фома Аквинский в своем труде «Сумма теологии» разбирает оба эти понятия. Фома определяет синдересис не как силу, а как навык: «...как созерцательный разум судит о вещах умопостигаемых, так практический разум судит о вещах практических. Поэтому по природе нам должны быть присущи не только начала созерцания, но и практические начала. Но дарованные нам по природе первые начала созерцания относятся не к особой силе, а, как разъяснил философ, к особому навыку, который называется «мышлением начал» (Этика VI, 6). И точно так же дарованные нам по природе первые практические начала относятся не к особой силе, а к особому природному навыку, который мы называем «синдересис». В самом деле, [термином] «синдересис» мы обозначаем то, что побуждает нас избегать зла и стремиться к добру, ибо посредством первых начал мы побуждаемся к обнаружению и к суждению об обнаруженном. Отсюда следует, что синдересис – это не сила, а природный навык» [Фома Аквинский URL]. (Ср. латинский оригинал: «Respondeo dicendum quod synderesis non est potential, sed habitus» [Fomus Aquinas 79, 12] и далее: «Sicut ratio speculative ratiocinator de speculativis, ita ratio pratica ratiocinator de operabilibus. Oportet igitur naturaliter nobis esse indita, sicut principia speculabilium, ita et principia operabilium. Prima autem principia speculabilium nobis naturaliter indita, non pertinent ad aliquam specialem potentiam; sed ad quondam specialem habitum, qui dicitur intellectus principiorum, ut patet in VI Ethic. Unde et principia operabilium nobis naturaliter indita, non pertinent ad specialem potentiam; sed ad specialem habitum naturalem, quem dicimus synderesim. Unde et synderesis dicitur instigare ad bonum, et murmurare de malo, inquantum per prima principia procedimus ad inveniendum, et iudicamus inventa. Patet ergo quod synderesis non est potential, sed habitus naturalis» [Fomus Aquinas 79, 12].)

Далее Фома рассуждает о понятии «coscientia». В русском переводе, который мы приводили выше, пара «sinderesis» — «coscientia» переводится как «синдересис» — «совесть», мы считаем, что «синдересис» / «совесть» противопоставлены «сознанию», поэтому следующий отрывок из труда Фомы Аквинского предлагаем в нашем переводе: «Строго говоря, сознание есть не сила, а действие. Это следует как из самого названия, так и из тех функций, которые ему общепринято

приписывают. И действительно, сознание, если говорить о значении слова, заключает в себе применение знания к чему-либо, ведь сознание – это «знание вместе». Применение же знания к чему-либо другому возможно посредством действия. То есть из этого значения слова ясно, что сознание – это действие. <...> Говорят же о сознании, что оно свидетельствует, удерживает, побуждает или же обвиняет, мучает или укоряет. <...> Из этого видно, что всё это следует из фактического применения знания к нашим действиям. Поэтому, строго говоря, сознание указывает на действие. Поскольку навык является началом действия, сознанием называют первый природный навык, то есть синдересис; так Иероним (Коммент. Иезек. І) называет синдересис сознанием». (Ср.: «Respondeo dicendum quod conscientia, proprie loquendo, non est potentia, sed actus. Et hoc patet tum ex ratione nominis, tum etiam ex his quae secundum communem usum loquendi, conscientiae attribuuntur. Conscientia enim, secundum proprietatem vocabuli, importat ordinem scientiae ad aliquid, nam conscientia dicitur cum alio scientia. Applicatio autem scientiae ad aliquid fit per aliquem actum. Unde ex ista ratione nominis patet quod conscientia sit actus. <...> Dicitur enim conscientia testificari, ligare vel instigare, et etiam accusare vel remordere sive reprehendere. <...> Patet autem quod omnia haec consequuntur actualem applicationem scientiae ad ea quae agimus. Unde proprie loquendo, conscientia nominat actum. Quia tamen habitus est principium actus, quandoque nomen conscientiae attribuitur primo habitui naturali, scilicet synderesi, sicut Hieronymus, in Glossa Ezech. I, synderesim conscientiam nominat...» [Fomus Aquinas 79, 12].)

Таким образом, Фома Аквинский находит соотношение между понятиями, выраженными греческим словом и его латинской калькой. Подчеркнем также тот факт, что совесть-синдересис, по мнению Фомы, носит чисто практический характер.

Проблема совести продолжает разрабатываться как в православной теологии и философии, так и в западной религиозной и философской мысли. В русской традиции рассмотрение совести и сознания разграничено, именно совесть изучается в работах таких ученых, как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. С. и К. С. Аксаковы, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Л. Франк и др., и все они считают совесть началом духовной природы человека, напрямую связанным с Богом.

Что касается западной традиции, то, по-видимому, на трактовку совести и ее языковую репрезентацию повлияли Реформация и гуманизм. Рассуждения о совести мы находим, например, у Ж.-Ж. Руссо, который, по словам Д. С. Мережковского «вышел из Кальвина» [Мережковский 1999, с. 8] в трактате «Эмиль, или О воспитании»: «Только разум учит нас узнавать доброе и злое. Совесть (сознание), которая заставляет нас любить одно и ненавидеть другое, хотя и не зависит от разума, не может, тем не менее, развиваться без него. До сознательного возраста мы творим добро и зло, не ведая об этом, в наших действиях нет нравственности. Ребенок нарушает всякий порядок вокруг себя, он толкает, бьет все, до чего может дотянуться. Он сжимает птицу так, как сжимал бы камень, и душит ее, не осознавая, что он делает» [Rousseau 1762, с. 91] (перевод авт. – О. Ш.).

Руссо напрямую связывает совесть с разумом и называет ее словом conscience, и этим же словом будет пользоваться последующая западная философская традиция, накрепко соединив эти понятия: Т. Гоббс, Ф. Ницше, З. Фрейд будут рассматривать совесть как особую форму стыда, К. Маркс будет связывать совесть с политическими воззрениями человека, Дж. Ролз будет представлять совесть как голос беспристрастной рациональной личности [Апресян 2010, с. 587]. Исчезнувшее из сознания западного человека слово синдересис во французском словаре отсутствует совсем, в итальянском приобрело помету «философское» и не используется носителями.

С таким положением дел и связаны трудности, которые возникли перед итальянским переводчиком. В итальянском языке не оказалось слова, адекватно отражающего русское восприятие слова «совесть», так как в наивной анатомии носителя русского языка — это орган или даже некоторая субстанция, которая «в зависимости от занимаемой в суждении позиции, может выступать в качестве субъекта или объекта действия, с которым человек вступает в определенные отношения» [Бочкарев 2014, с. 52]. Слово «совесть» обладает широчайшей сочетаемостью: совесть можно облегчить, отягчать, замарать, очистить, растерять, забыть, будить, успокоить, утешать, променивать, смущать, пропить, утопить в вине, насиловать и др. С ней можно договориться, пойти на сделку. С другой стороны, она проявляет себя очень активно: «совесть может судить, повелевать, приказывать, болеть, мучить, терзать, снедать, обличать, укорять, роптать, грызть, глодать, есть,

нашептывать, молчать, дремать, просыпаться, гореть, жечь душу, шевелиться, щекотать и др. Исследователи отмечают, что носители русского языка «настолько сживаются с таким пониманием совести, что не замечают метафоричности предикатов, а принимают их за объективное и чуть ли не осязаемо конкретное свойство совести» [Бочкарев 2016, с. 52]. Такие контексты передаются в переводе романа также с помощью лексемы *соscienza*, причем не во всех случаях нужная для перевода сочетаемость данной лексемы зафиксирована в итальянских словарях. Так, в примере 16 переводчик дает дословный перевод, следуя русскому тексту.

- 14. «...*совесть* моя совершенно покойна» [Достоевский 1992, с. 274]. «...la mia *coscienza* è perfettamente tranquilla» [Dostoevskij 1984, с. 309].
- 15. «"необыкновенный" человек имеет право ... разрешить *своей сове-сти* перешагнуть... через иные препятствия...» [Достоевский 1992, с. 245]. «...1'uomo non commune ha diritto ... di consentire *alla propria coscienza* di scavalcare ... certi ostacoli...» [Dostoevskij 1984, с. 275].
- 16. «Да и *совесть* бы щекотала...» [Достоевский 1992, с. 341]. «Е poi la *coscienza* le avrebbe punzecchiati...» [Dostoevskij 1984, с. 383].

В романе мы встречаем также глагол «совеститься», который в русском языке имеет следующее значение: «стыдясь, удерживаться от какого-либо дурного поступка», т. е. совесть здесь реализует запрещающее действие. В переводе *fare scrupolo* обозначает, скорее, ощущение внутреннего дискомфорта:

- 17. «...даже и привычный человек, *посовестился* бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу» [Достоевский 1992, с. 7]. «...un altro, anche se avvezzo, *si sarebbe fatto scrupolo* d'uscir di giorno in strada con simili cenci» [Dostoevskij 1984, с. 7].
- 18. «Хотел было панихиду по нем отслужить, да *посовестился*» [Достоевский 1992, с. 271]. «Volevo gia far dire per lui unna messa funebre, ma *n'ebbi scrupolo*» [Dostoevskij 1984, с. 305].

Заключение

Таким образом, на примере перевода романа Ф. М. Достоевского на итальянский язык мы можем увидеть, что «стыд», «стыдливость»

и «стеснение» как ощущения одинаково репрезентируются в итальянском и русском языках, а понятия «совесть» и «сознание» в русском языке существуют независимо друг от друга, в итальянском же они инкорпорируются одно в другое.

Материал романа и его многочисленных итальянских переводов представляется интересным и далеко не исчерпанным в плане дальнейшего исследования репрезентации этических понятий в русском и итальянском языке в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Апресян Р. Г.* Совесть // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН. М. : Мысль, 2010. Т. III. С. 585–587.
- Библия. Новый Завет. URL: bible.by/new-testament (дата обращения: 01.05.2019). *Бочкарев А. Е.* К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. Т. 21, № 1. С. 41–53. URL: publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/fjy0zzr8xn/direct/182288968 (дата обращения: 01.02.19).
- Домусчи C. A. Феномен совести в православном богословии и русской религиозно-философской традиции : автореф. дис. ... канд. богословия. M., 2012. URL : www.mpda.ru/site_pub/1052238.html (дата обращения: 17.02.19).
- *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Собрание сочинений : в 15 т. М., 1992. Т. 5. 575 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL : ozhegov.info/slovar (дата обращения: 17.01.19).
- Фома Аквинский Сумма теологии. Т. III. URL : azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/5_12#note154_return (дата обращения: 10.01.19).
- Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. URL: golovanivskaya.ru/books/mentalnost_v_zerkale_yazika.pdf (дата обращения: 12.01.19).
- Мережковский Д. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль. М., 1999.
- *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. URL : lexicography. online/etymology/vasmer (дата обращения: 05.02.2019).
- Dostoevskij F. M. Delitto e castigo / Trad. S. Polledro. Milano, 1984.
- Fomus Aquinas Summa Theologicae. Prima pars. 50-119. URL: https://books.google.az/books?id=hTxpDwAAQBAJ&pg=PT20&lpg=PT20&dq=Foma+Aquinas+summa+theologiae (дата обращения: 15.12.18).
- Rousseau J.-J. Émile ou de l'éducation. P., 1762. URL : ebooks-bnr.com/ebooks/pdf5/rousseau_emile_ou_education_livres1et2-a5.pdf (дата обращения: 17.01.19).

Vocabolario della lingua italiana on line Treccani. URL: www.treccani.it/vocabolario (дата обращения: 02.02.19).

REFERENCES

- Apresjan R. G. Sovest' // Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t. / In-t filosofii RAN. M. : Mysl', 2010. T. III. S. 585–587.
- Biblija. Novyj Zavet. URL: bible.by/new-testament (data obrashhenija: 01.05.2019).
- Bochkarev A. E. K opredeleniju koncepta «sovest'» v russkoĭ jazykovoĭ kartine mira // Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie». 2016. T. 21, № 1. S. 41–53. URL: publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/fjy0zzr8xn/direct/182288968 (data obrashhenija: 01.02.19).
- Domuschi S. A. Fenomen sovesti v pravoslavnom bogoslovii i russkoj religioznofilosofskoj tradicii : avtoref. dis. ... kand. bogoslovija. M., 2012. URL : www. mpda.ru/site pub/1052238.html (data obrashhenija: 17.02.19).
- Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie // Sobranie sochinenij : v 15 t. M., 1992. T. 5.
- *Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. URL : ozhegov. info/slovar (data obrashhenija: 17.01.19).
- Foma Akvinskij Summa teologii. T. III. URL: azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/5_12#note154_return (data obrashhenija: 10.01.19).
- Golovanivskaja M. K. Mental'nost' v zerkale jazyka. Nekotorye bazovye koncepty v predstavlenii francuzov i russkih. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. URL: golovanivskaya.ru/books/mentalnost_v_zerkale_yazika.pdf (data obrashhenija: 12.01.19).
- Merezhkovskij D. Reformatory. Ljuter, Kal'vin, Paskal'. M., 1999.
- Fasmer M. R. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. URL: lexicography. online/etymology/vasmer (data obrashhenija: 05.02.2019).
- Dostoevskij F. M. Delitto e castigo / Trad. S. Polledro. Milano, 1984.
- Fomus Aquinas Summa Theologicae. Prima pars. 50-119. URL: https://books.google.az/books?id=hTxpDwAAQBAJ&pg=PT20&lpg=PT20&dq=Foma+Aquinas+summa+theologiae (data obrashhenija: 15.12.18).
- Rousseau J.-J. Émile ou de l'éducation. P., 1762. URL : ebooks-bnr.com/ebooks/pdf5/rousseau_emile_ou_education_livres1et2-a5.pdf (data obrashhenija: 17.01.19).
- Vocabolario della lingua italiana on line Treccani. URL: www.treccani.it/vocabolario (data obrashhenija: 02.02.19).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Л. Е. Сабурова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; старший преподаватель ФГБОУ ВО РГГУ; e-mail: mila.saburova@gmail.com

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХХ в.

Расцвет лирической прозы в Италии пришелся на первую четверть XX в. Фрагмент, или же «prosa d'arte», взявшая за основу автобиографическое повествование, стала доминирующей жанровой единицей. Вопрос о генезисе, историческом развитии, а также рецепции такой жанровой разновидности остается дискуссионным. К причинам столь явного интереса к лирической прозе можно отнести необходимость вписать итальянскую литературу в парадигму европейского авангарда, преодолев натурализм и поэтику декаданса, а также устранить разрыв между устаревшим языком высокой поэзии и живой разговорной речью.

Ключевые слова: лирическая проза; фрагмент; автобиография; «prosa d'arte»; журнал «Воче»; журнал «Ронда»; стихи в прозе.

L. E. Saburova

PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of World Literature named after M. Gorky, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities; e-mail: mila.saburova@gmail.com

WAYS OF DEVELOPMENT OF LYRICAL PROSE IN THE ITALIAN LITERATURE OF THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

The first quarter of the twentieth century in Italy saw the flowering of lyrical prose. The fragment, or "prosa d'arte", which took as a basis the autobiographical narrative, became the dominant genre. The issue of the genesis, historical development, as well as reception of such a genre remains controversial. The reasons for such a clear interest in lyrical prose include the need to fit Italian literature into the paradigm of the European avant-garde, overcoming naturalism and the poetics of decadence, as well as to bridge the gap between the outdated language of high poetry and live conversation.

Key words: lyrical prose; fragment; autobiography; «prosa d'arte»; «La Voce» magazine; «La Ronda» magazine; prose poems.

Введение

Триединство: фрагментарность, автобиографизм и «prosa d'arte» в итальянской литературе первой четверти XX в. легли в основу единой поэтики, вопрос о генезисе которой остается дискуссионным, не выработана и общая терминология.

К примеру, Ф. Флора в целом делит прозу на три категории: информационную, практического назначения; философскую; и «prosa d'arte», стремящуюся к поэтической выразительности, хотя и написанную в свободной метрике [Flora 1947, с. 111]. Все три типологии, по мнению исследователя, могут гармонично сочетаться в одном произведении. П. Джованнетти относит зарождение феномена лирической прозы к XVIII веку, находя его предпосылки в идее пластичной границы между прозой и поэзией, занимавшей умы многих классицистов [Giovannetti 2008]. По мнению других исследователей, «prosa d'arte» берет начало в XIX в. и выделяется в самостоятельный жанр в «Нравственных очерках» Дж. Леопарди [Ulivi 1973]. Д. Валли, автор наиболее объемного исследования, посвященного феномену, напротив, утверждает, что исторический расцвет данного явления пришелся на XX в., связывая его с деятельностью журнала «Воче», а завершающей стадией развития называет лирические зарисовки авторов журнала «Солариа» [Valli 2001]. Между тем, ряд исследователей полагает, что "prosa d'arte" вмещает в себя исключительно опыты литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Ронда» [Gubert 2003]. Э. Фалькви, один из первых теоретиков жанра и составитель антологии, включившей подобные жанровые эксперименты, предлагает делить их на две категории: автобиографические и рефлективные [Falqui 1964]. Тексты первой категории он называет фрагментами, а второй – эссе. Фалькви дает новое название и самому жанру – «капитул» (capitolo), уточнив, однако, что ему синонимичны такие понятия, как лирическая или поэтическая проза. Кардинальное отличие новой жанровой единицы он видит в ее соотношении с повествовательной прозой (narrativa). Они различны как по метрической организации, так и по тону «повествователя» (narratore) и «прозаика» (prosatore). Не в пример повествователю, сконцентрированному на сюжете, прозаик выводит на первый план автобиографическое начало и лирическую составляющую.

Становление жанра

Несмотря на столь разные позиции исследователей, сами термины «фрагмент» и «prosa d'arte» принадлежат конкретной исторической действительности и описывают явление, получившее развитие прежде всего в начале XX века. Обратимся к истории вопроса, перечислив наиболее актуальные для итальянской литературы начала XX столетия тенденции, во многом обусловившие развитие феномена.

Попытки реформирования итальянской литературы в начале века были прежде всего связаны со стремлением вывести ее из маргинального положения европейской периферии и «встроить» в парадигму авангарда. Для этого следовало отказаться от литературных моделей, продиктованных философией позитивизма, т. е. бытописательства (в итальянской традиции веристской прозы); избыточной эстетизации и мистицизма декаданса; а также противопоставить высокому стилю поэзии неоклассицизма новые выразительные средства. Последняя задача была продиктована необходимостью преодоления многовековой пропасти, разделявшей язык высокой поэзии и прозы [Восеlli 1975].

Необходимость преодоления классицистической риторической традиции в языке поэзии ощущалась многими литераторами как в эпоху романтизма, так и в эпоху декаданса. Тем не менее XIX век так и не стал временем решительного отказа от классицистических моделей. Согласно большинству исследователей [Ломидзе 1982; Чекалов 2016], несомненное классицистическое влияние ощущалось не только в поэзии У. Фосколо и Дж. Кардуччи, но и у декадентов Г. Д'Аннунцио и Дж. Пасколи.

И всё же попытки освободить поэзию от высокопарного, лишенного точности поэтического языка и сблизить с разговорным, предпринимались часто. Самым решительным шагом в этом направлении стали прозаические сочинения Дж. Леопарди «Дзибальдоне» и «Нравстевенные очерки» [Сапрыкина 2000]. Согласно записям Леопарди в «Дзибальдоне», проза точнее, чем стихи, передает поэзию современности. Леопарди подчеркивал: «Важно, чтобы написанное принимало умеренный характер, дабы избежать аффектации дурного вкуса и чувства неуместности, вызванного тем, что называется слишком поэтичным» [Leopardi 1898, с. 88]. Кроме того, он утверж-

 $^{^{1}}$ Здесь и далее перевод наш. – \mathcal{I} . \mathcal{C} .

дал: «В сущности сама по себе поэзия вовсе не связана со стихом ... поэтичность в широком понимании термина не подразумевает идею или необходимость в стихе, а также мелодике» [Leopardi 1898, с. 89]. Однако же окончательно преодолеть парнасский пафос или то, что Леопарди называет «слишком поэтичным», удается благодаря появлению «сумеречной» поэзии, а затем разработкам журнала «Воче» (1908–1916).

За недолгое существование направления (1903–1911) поэтысумеречники осуществляют переход от торжественной поэзии к поэзии повседневности. Опираясь на зарубежный опыт французских символистов и прежде всего П. Верлена, они создают камерную поэзию с будничной тематикой, тяготея к повествовательности, рассказу в стихах. Самое важное, что сумеречники вступают на путь прозаизации поэзии благодаря вводу разговорной лексики и обращению к верлибру, который во многом благодаря их опыту становится популярен в Италии [Ямпольская 2002].

В те же годы Дж. Папини и Дж. Преццолини провозглашают себя убежденными приверженцами идеализма Б. Кроче, который помогает им советами в подготовке нового амбициозного проекта «Воче» (1908–1916), ставшего важной ступенью в развитии литературы итальянского авангарда. Идеи Б. Кроче, выраженные в «Эстетике», быстро завоевали популярность в среде наиболее прогрессивных итальянских литераторов, превратившись в теоретическую базу для создания «новой литературы» [Сгосе 1902]. Идеализм Кроче был близок молодым реформаторам по ряду причин.

В своей философской системе Кроче относит эстетическую деятельность к высшей ступени первой познавательной способности, которая является областью индивидуального и всецело строится на интуиции. Философ развенчивает образ поэта-небожителя, ницшеанского сверхчеловека, и связанные с ним мистические коннотации, столь близкие поэтам-декадентам. Одновременно Кроче решает проблему соотношения формы и содержания в эстетическом факте. По его мнению, совершенное содержание, несовершенно выраженное, теряет свою ценность. Тем самым литература освобождается от навязанной ей цели стать «социальной летописью» и окончательно порывает с веристской прозой. Кроме того, согласно Кроче, искусство не может транслировать невыразимое или мистическое. Таким образом

отсекается и декадентство с его увлечением «потусторонним». По Кроче, разделение эстетических фактов на виды и ступени — невозможно. Он отрицает все литературоведческие категории: жанры, стили, тропы и т. д. Такая позиция очень близка авангардистам, стремившимся к упразднению устоявшейся системы жанров, отказу от расхожих литературных моделей.

По сути, допускается единственное разделение — на прозу и поэзию. Первенство принадлежит поэзии (языку чувств), а не прозе (языку интеллекта). Принцип различия между поэзией и «непоэзией» характеризуется наличием в поэзии лирического элемента, олицетворяющего глубину душевных переживаний творца. Позже Б. Кроче уточнил [Андреев 2016, с. 649], что отделяет понятие «лиричность» от понятия «лиризм», однако эта оговорка, по-видимому, не внесла значительных изменений в рецепцию его «Эстетики» итальянским авангардом. Более существенным, однако, оказалось, что, согласно теории Кроче, лирический элемент, благодаря которому сочинение попадает в условный раздел «поэзии», может присутствовать в формально отнюдь не поэтических текстах, т. е. текстах, нерифмованных и не обладающих метрикой.

Все вышеперечисленные тезисы как нельзя лучше отвечали вкусам и эстетическим установкам литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Воче». В основе поэтики «Воче», которая в европейской литературе берет в качестве ориентира «Стихотворения в прозе. Парижский сплин» Ш. Бодлера и «Озарения» А. Рембо, прослеживаются такие тенденции, как тяготение к автобиографичности, фрагментарности, сближение поэзии и прозы, языковое новаторство в разных формах. Автобиографизм и поэтику фрагментарности в данном случае можно рассматривать как одно явление [Cortellessa 1997]. Оба феномена связаны с кризисом романа, закатом натурализма и веризма.

Писатели круга «Воче» прямо констатируют кризис романной структуры, но они далеки от работы по обновлению жанра романа, их выбор — регистрировать в литературном произведении «бессвязность и хаос окружающего мира» в адекватно передающей их внесистемной форме фрагмента. Согласно Дж. Папини, «интроспективное, аналитическое искусство, обращенное ко внутреннему миру художника, несовместимо с романной формой. Роман — заданная структура, любой замысел превращающая в искусственный конструкт, далекий

от настоящего искусства, т. е. поэзии. Поэзия же — это прежде всего наблюдение и лирическая фиксация» [Раріпі 1915, с. 110]. Дж. Папини ратует за «краткость выражения, равную краткости впечатления, свободный дух новой литературы, нуждается в свободной форме высказывания» [Раріпі 1915, с. 111]. А. Соффичи полагал, что борьбу следовало вести со всеми «гибридными жанрами»: романом, драмой, новеллой, освобождая место для «чистого лиризма и автобиографического письма» [Soffici 1921, с. 20]. Согласно Ш. Златаперу, «каждая историческая эпоха находит наиболее точное выражение лишь в одном доминирующем жанре искусства, который является ее внутренним отображением», для него и других писателей из «Воче», «таким жанром становится дневник» [Slataper 1950, с. 269].

Они действительно тяготеют к дневниковому письму, но в крайне бунтарском виде. Линейное повествование и следование хронологии противоречат требованиям группы к автобиографическому сочинению. Для писателей «Воче» — это вовсе не единая, монолитная, истории жизни, а результат озарения, воплощенный в прозаическом наброске. Писатель Джованни Бойне именовал подобные озарения «жизненным фосфором, мгновенным ослеплением, вместо рационального подгона фасада под текущие нужды» [Воіпе 1997, с. 163]. Именно фрагментарный характер делал для них автобиографическое повествование аутентичным. Такая форма «вела по пути интроспективного экспрессионизма, не давая возможности элегии памяти взять над автором верх» [Воіпе 1997, с. 164].

Основываясь на этой концепции, первая волна писателей «Воче», однако, создает произведения большой формы, но принцип фрагментарности и автобиографичности в них остается главным. Златапер пишет автобиографическое сочинение «Мой Карст» (1911), выполненное в мозаичной технике чередования разных по стилистике фрагментов, объединенных исповедальным началом. Пьеро Джайе в лирическом дневнике «Юноша» (1911–1914) вспоминает свое детство, ведет непрерывный внутренний монолог, в котором рождаются стихи. Позже стихи из дневника не раз будут опубликованы отдельно. Дж. Папини утверждает, что «идеи, мысли, навязчивые желания могут быть столь же поэтичными, как и описание любовной коллизии. Духовная жизнь значительно загадочнее и глубже событий» [Раріпі 1915, с. 112]. Эту концепцию писатель воплощает в скрупулезной хронике собственной

умственной жизни «Конченный человек» (1913), в свою очередь тоже построенной по принципу фрагментарности, сочетания прозы, написанной в разной стилистике. Соффичи воплощает свои идеи в нескольких произведениях: эпистолярии-мистификации «Безвестный тосканец» (1909), «Лемоннио Борео» (1912) и «Бортовом журнале» (1915) — фрагментарной автобиографии писателя, выполненной в технике коллажа.

Самый решающий шаг в преодолении натуралистической традиции делает Дж. Бойне. По мнению писателя, «эстетика систематизирующих мыслителей мертва» [Boine 1939, с. 140], ей на смену приходит «фрагментарный живой психологический документ» [там же]. Бойне создает автобиографический роман «Грех и прочее» (1914), в основе которого три автобиографические повести, вместе составляющие макротекст о его жизни. В написанном ритмизованной прозой романе писатель свободно переходит от третьего лица к первому.

Тем не менее не все коллеги из «Воче» принимают опыты друзейреформаторов с воодушевлением. Критике подвергаются их притязания на работу с большой формой. По мнению многих, фрагментарная манера, органичная для интимного письма, в «потугах» написать «новый роман» лишается определенности и естественности [Cecchi 1972]. С такой позицией согласен и новый главный редактор «Воче» Джузеппе Де Робертис (возглавлял журнал с 1914 по 1916 гг.). Выше всего ставивший поэзию Де Робертис видит в жанре фрагмента большой лирический потенциал. При Де Робертисе фрагмент перестает восприниматься как возможная составная часть большой формы и еще отчетливее сближается с лирикой, оформившись как полноценная жанровая единица. В «Воче» Де Робертиса поэтика фрагмента сохраняет автобиографическую основу, но склоняется в сторону метафизики. Теперь рассказывающее «я» скорее походит на лингвистический прием, объединяющий текст в единое целое. Таковы «Лирические фрагменты» (1913) К. Реборы, «Лирические поэмы» (1914) А. Баккелли, «Очень тихо» (1914) К. Сбарбаро, «Орфические песни» (1914) Д. Кампаны, «Прологи» (1916) В. Кардарелли.

Для этих текстов характерно взаимопроникновение поэзии и прозы, где главное место отводится прозе, состоящей из фрагментов и почти что лишенной повествовательной функции. Кроме того, прозаическая форма приобретает поэтическую фонику и ритмику; преобладают короткие периоды, отделенные точкой с запятой, с использованием глаголов в инфинитиве и множеством эпитетов. Многим писателям свойствен интуитивный часто алогичный синтаксис; смешение высокой лексики, архаизмов с бытовой речью, нередко диалектальной; употребление неологизмов, словесные деформации [Martignoni 1993].

С началом Первой мировой войны «Воче» теряет свое влияние в обществе, охваченном насущными проблемами, журнал закрывается в 1916 г. Тем не менее уже в 1919 г. разработки «Воче» в области поэтики фрагмента были продолжены литераторами из нового журнала — «Ронда» (1919–1923). Это издание провозглашает фрагмент предпочтительной формой письма. Но сотрудники этого издания оказываются смелее предшественников. Они решительно выступают не только против романа, «жанра массовой литературы», но и против поэзии, «исчерпавшей свои стилистические возможности». В «Ронде» отвергают «фотографическую безликость» веристской прозы и искусственную риторичность высокой поэзии. Сотрудники «Ронды» делают акцент на стилистической «отделке» прозаических фрагментов, которые доводят до «лирического совершенства».

Главное отличие журнала «Ронда» – новый подход к разработке стилистики фрагмента в русле общей послевоенной тенденции возвращения к традиции. Не в пример предшественникам из «Воче», которые брали в качестве образца зарубежный опыт, рондисты обращаются к итальянской классической литературе. Своими учителями они называют Петрарку, Мандзони и прежде всего Леопарди. Целью литературной деятельности рондисты считают обретение писателем своего особого языка. Особый интерес в наследии Леопарди у писателей из журнала «Ронда» вызывает не его поэзия, а «Нравственные очерки» и «Дзибальдоне». Леопарди становится для них ориентиром, сочетающим современное тяготение к автобиографичности, интроспекции и принадлежность к традиции. Рондисты ценят в сочинениях Леопарди разработки в области языка, и прежде всего «элегантность» его прозы. Термин «элегантность» вовсе не относится ни к правильности, ни к красоте речи, он передает идею об индивидуальном писательском стиле.

В понятие «элегантность» Кардарелли вкладывает «создание живого литературного языка, не болтовни тосканских крестьян, не беседы флорентийской знати в салонах, но языка автора, взявшего за него

ответственность» [Cardarelli 1962, с. 522]. Элегантность языка знаменует отказ от «серой обыденной речи». Представление об идеальном стиле как о живом и вместе с тем литературном авторском языке приводит Кардарелли к прославлению Леопарди и упрекам в адрес Мандзони. Признавая за Мандзони все достоинства «гениального стилиста», Кардарелли, однако, вменяет писателю в вину «замкнутость на флорентийском наречии, по сути, на языке повседневном и убогом» [там же].

Основная форма работы писателей объединения получает особое название — «prosa d'arte», иными словами лирическая проза, вобравшая в себя как разговорный язык, так и высокую лексику и поэтические приемы. Вместе с тем визитной карточкой «Ронды» становится и эссе, нередко тоже написанное в стиле «prosa d'arte». Таковы «Путешествия во времени» (1920) В. Кардарелли, где органично сочетаются прозаические фрагменты автобиографического характера, фантазии писателя на разные темы и стихи; «Золотые рыбки» (1920) Э. Чекки, представляющие собой сборник лирической прозы с явным ироническим подтекстом; «Колесо времени» Баккелли (1928); «Микелаччо» (1924) А. Балдини и пр.

В результате «prosa d'arte» буквально завоевывает литературное пространство, другую форму наиболее прогрессивные итальянские литераторы считают неперспективной. Э. Монтале вспоминает: «Лучшие литераторы, скоро сгруппировавшиеся вокруг "Ронды", считали, что поэзию отныне следует писать прозой» [Montale 1946, с. 84].

В 1926 г. во Флоренции открывается новый литературный журнал «Солариа», во многом определивший дальнейшее развитие итальянской литературы. Несмотря на то, что это издание признавало за «Воче» и «Рондой» ключевую роль в формировании современной итальянской литературы, главными задачами объединения стали отказ от символистской экспрессивности и излишнего пуризма, преодоление фрагментарности письма и бессюжетности повествования. По сути, журнал «Солариа» искал синтез между фрагментарным автобиографическим письмом и большой формой. Тем не менее многие сочинения авторов круга «Соларии» всё еще близки к фрагментарной лирической прозе. Таковы «Сардиния как юность» (1936) Элио Витторини; «Годы» (1943) Карло Эмилио Гадды; некоторые зарисовки из «Динарской бабочки» (1947–1973) Эудженио Монтале или же прозаические фрагменты из сборника «Буря и прочее» (1956).

Заключение

Именно популярность жанра, в какой-то момент ставшего штампом, по мнению некоторых исследователей [Giovannetti 2008], привела к его постепенному упадку. Целью писателей из «Ронды» становится гармоничное сочетание всех элементов, структурное совершенство. Жанр теряет экспериментальный посыл, заложенный в нем противостоянием двух полюсов: прозы и поэзии. Выверенная, изящная «prosa d'arte» приобретает вид трафаретных зарисовок с неизменным описанием пейзажей, постепенно сближаясь с эссеистикой, написанной высоким стилем. Такую разновидность жанра П. Джованнетти предлагает называть конформистской. Согласно мнению исследователя, заложенная в ней стратегия обречена на неудачу, так как в ее основе лежит попытка приблизить прозу к поэзии, наполняя ее эпическими моделями, риторическими приемами, высокой лексикой, что, скорее, ведет к «омертвению ткани» текста, регрессу.

Обратный процесс, т. е. прозаизация поэзии благодаря снижению тона, освобождению от риторизма, отказу от отживших норм стихосложения видится многим куда более перспективной [Todorov 1993]. Сочинения с таким вектором развития, отмеченные пространственной асимметрией, имеющие открытую структуру, стилистически и тематически незавершенные, акцентируют кризис как сугубо прозаческой, так и поэтической формы. Подобные опыты исследователи выделяют в отдельную категорию, предпочитая именовать их не фрагментами или образцами «prosa d'arte» — терминами, отсылающими к теоретическим разработкам конкретного исторического периода, но «стихами в прозе». Содержащийся в таком определении оксюморон призван подчеркнуть утопический импульс, внеположенность явления, раскрыть его внутреннее противоречие, парадоксальную природу [Мигрhy 1992].

Благодаря опыту авангарда начала XX в. и прежде всего «Воче» был окончательно преодолен разрыв между высоким стилем парнасской поэзии и живым разговорным языком. Стремление писателей из журнала «Ронда» к обретению особого авторского стиля, основанного на классических образцах итальянской литературы, задали вектор последующим поэтическим опытам [Manacorda 1980]. Кроме того, установка на фрагментарность, бессюжетность, обращение к автобиографическому опыту позволили преодолеть устаревшие романные

модели конца XIX в. и перейти к созданию нового романа, разработкой которого занялся журнал «Солариа» [Fava Guzzetta 1973]. Между тем созданные в первой четверти XX в. образцы лирической прозы стали точкой отсчета для многих современных авторов, в настоящее время в итальянской поэзии наблюдается всё возрастающий интерес к такой форме, как стихи в прозе [Poeti 2011].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев М. Л. Бенедетто Кроче // История литературы Италии: от классицизма к футуризму: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 4 (1). С. 640–657.
- *Ломидзе С. Г.* Традиции классицизма в итальянской поэзии второй половины XIX века // Проблемы литературного развития Италии второй половины XIX − начала XX века / отв. ред. 3. М. Потапова. М. : Наука, 1982. С. 80−111.
- Сапрыкина Е. Ю. Парадоксы Леопарди об истинах и химерах // Леопарди Дж. Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли. М.: Республика, 2000. С. 5–20.
- *Чекалов К. А.* Габриэле Д'Аннунцио // История литературы Италии: от классицизма к футуризму: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 4 (1). С. 550–582.
- *Ямпольская А. В.* Лингвистика и поэтика итальянского верлибра : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 176 с.
- Bocelli A. Letteratura del Novecento. Caltanissetta; Roma: S. Sciascia, 1975. 503 p. Boine G. Un Ignoto (la Voce, 8 febbraio 1912) // Boine G. La ferita non chiusa / opera postuma a cura di Novaro M. Modena: Guanda, 1939. P. 127–141.
- Boine G. L'estetica dell'ignoto (1912) // Boine G. L'esperienza religiosa e altri scritti di filosofia e di letteratura / a cura di Benvenuti G. e Curi F. Bologna : «Pendragon», 1997. P. 152–171.
- Cardarelli V. Opere complete / a cura di Giuseppe Raimondi. Milano : A. Mondadori, 1962. 1195 p.
- *Cecchi E.* Arte provvisoria // Letteratura italiana del Novecento: in 2 vol. Milano : Mondadori, 1972. Vol. 2 / a cura di P. Citati. P. 1305–1309.
- Cortellessa A. Il «momento» autobiografico. La tensione all'autobiografismo nelle poetiche dei «vociani» // Scrivere la propria vita: l'autobiografia come problema critico e teorico. Roma: Bulzoni editore, 1997. P. 191–244.
- *Croce B.* Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale: 1. Teoria; 2. Storia. Milano: Remo Sandron, 1902. 550 p.
- *Falqui E.* Prefazione con postille (1938–1943) // Falqui E. Capitoli: per una storia della nostra prosa d'arte del Novecento. Milano: Mursia, 1964. P. 7–71.
- Fava Guzzetta L. Solaria e la narrativa italiana intorno al 1930. Ravenna : Longo, 1973. 223 p.

- Flora F. Storia della letteratura italiana : in 3 vol. Milano : Mondadori, 1947. Vol. 1. 421 p.
- Giovannetti P. Al ritmo dell'ossimoro. Note sulla poesia in prosa // Giovannetti P. Dalla poesia in prosa al rap. Tradizione e canoni metrici nella poesia italiana contemporanea. Novara: Interlinea, 2008. P. 19–45.
- *Gubert C.* Un mondo di cartone: nascita e poetica della prosa d'arte nel Novecento. Pesaro : Metauro, 2003. 215 p.
- Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura : in 7 vol. Firenze : F. Le Monnier, 1898. Vol. 1. 488 p.
- *Manacorda G*. Storia della letteratura italiana tra le due guerre: 1919–1943. Roma : Editori riuniti, 1980.
- Martignoni C. Sulla letteratura vociana: la riforma dei generi e dello stile // Strumenti Critici. 1993. N. 72. P. 189–203.
- *Montale E.* Intenzioni (Intervista immaginaria) // La Rassegna d'Italia. 1946. N. 1. P. 84–89
- Murphy M. S. A Tradition of Subversion: The Prose Poem in English from Wilde to Ashbery. Amherst: University of Massachusetts Press, 1992. 264 p.
- Papini G. Le speranze di un disperato // Papini G. Maschilità. Firenze : Libreria della Voce, 1915. P. 110–114.
- Poeti degli anni Zero / a cura di Vincenzo Ostuni. Roma : Edizioni Ponte Sisto, 2011. 211 p.
- Slataper S. Epistolario / a cura di G. Stuparich. Milano : Mondadori, 1950. P. 268–270.
- Soffici A. Giornale di bordo. Firenze : Vallecchi, 1921. 274 p.
- *Todorov T.* I generi del discorso / a cura di Botto M. Scandicci : La nuova Italia, 1993. 347 p.
- *Ulivi F.* La prosa d'arte moderna e contemporanea // Ulivi F. Dal Manzoni ai Decadenti. Roma : S. Sciascia, 1973. P. 379–423.
- *Valli D.* Dal frammento alla prosa d'arte con alcuni sondaggi sulla prosa di poeti. Lecce : Pensa MultiMedia, 2001. 212 p.

REFERENCES

- Andreev M. L. Benedetto Kroche // Istorija literatury Italii: ot klassicizma k futurizmu: v 4 t. M.: IMLI RAN, 2016. T. 4 (1). C. 640–657.
- Lomidze S. G. Tradicii klassicizma v ital'janskoj pojezii vtoroj poloviny XIX veka // Problemy literaturnogo razvitija Italii vtoroj poloviny XIX nachala XX veka / otv. red. Z. M. Potapova. M.: Nauka, 1982. S. 80–111.
- Saprykina E. Ju. Paradoksy Leopardi ob istinah i himerah // Leopardi Dzh. Nravstvennye ocherki. Dnevnik razmyshlenij. Mysli. M.: Respublika, 2000. S. 5–20.

- *Chekalov K. A.* Gabrijele D'Annuncio // Istorija literatury Italii: ot klassicizma k futurizmu: v 4 t. M.: IMLI RAN, 2016. T. 4 (1). C. 550–582.
- *Jampol'skaja A. V.* Lingvistika i pojetika ital'janskogo verlibra : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2002. 176 s.
- Bocelli A. Letteratura del Novecento. Caltanissetta; Roma: S. Sciascia, 1975. 503 p.
- Boine G. Un Ignoto (la Voce, 8 febbraio 1912) // Boine G. La ferita non chiusa / opera postuma a cura di Novaro M. Modena : Guanda, 1939. P. 127–141.
- Boine G. L'estetica dell'ignoto (1912) // Boine G. L'esperienza religiosa e altri scritti di filosofia e di letteratura / a cura di Benvenuti G. e Curi F. Bologna : «Pendragon», 1997. P. 152–171.
- Cardarelli V. Opere complete / a cura di Giuseppe Raimondi. Milano : A. Mondadori, 1962. 1195 p.
- *Cecchi E.* Arte provvisoria // Letteratura italiana del Novecento: in 2 vol. Milano : Mondadori, 1972. Vol. 2 / a cura di P. Citati. P. 1305–1309.
- Cortellessa A. Il «momento» autobiografico. La tensione all'autobiografismo nelle poetiche dei «vociani» // Scrivere la propria vita: l'autobiografia come problema critico e teorico. Roma: Bulzoni editore, 1997. P. 191–244.
- Croce B. Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale: 1. Teoria;2. Storia. Milano: Remo Sandron, 1902. 550 p.
- *Falqui E.* Prefazione con postille (1938–1943) // Falqui E. Capitoli: per una storia della nostra prosa d'arte del Novecento. Milano: Mursia, 1964. P. 7–71.
- Fava Guzzetta L. Solaria e la narrativa italiana intorno al 1930. Ravenna : Longo, 1973. 223 p.
- Flora F. Storia della letteratura italiana : in 3 vol. Milano : Mondadori, 1947. Vol. 1. 421 p.
- Giovannetti P. Al ritmo dell'ossimoro. Note sulla poesia in prosa // Giovannetti P. Dalla poesia in prosa al rap. Tradizione e canoni metrici nella poesia italiana contemporanea. Novara: Interlinea, 2008. P. 19–45.
- *Gubert C.* Un mondo di cartone: nascita e poetica della prosa d'arte nel Novecento. Pesaro : Metauro, 2003. 215 p.
- Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura : in 7 vol. Firenze : F. Le Monnier, 1898. Vol. 1. 488 p.
- *Manacorda G.* Storia della letteratura italiana tra le due guerre: 1919–1943. Roma : Editori riuniti, 1980.
- Martignoni C. Sulla letteratura vociana: la riforma dei generi e dello stile // Strumenti Critici. 1993. N. 72. P. 189–203.
- *Montale E.* Intenzioni (Intervista immaginaria) // La Rassegna d'Italia. 1946. N. 1. P. 84–89
- *Murphy M. S.* A Tradition of Subversion: The Prose Poem in English from Wilde to Ashbery. Amherst: University of Massachusetts Press, 1992. 264 p.

- Papini G. Le speranze di un disperato // Papini G. Maschilità. Firenze : Libreria della Voce, 1915. P. 110–114.
- Poeti degli anni Zero / a cura di Vincenzo Ostuni. Roma : Edizioni Ponte Sisto, 2011. 211 p.
- Slataper S. Epistolario / a cura di G. Stuparich. Milano : Mondadori, 1950. P. 268–270.
- Soffici A. Giornale di bordo. Firenze : Vallecchi, 1921. 274 p.
- *Todorov T.* I generi del discorso / a cura di Botto M. Scandicci : La nuova Italia, 1993. 347 p.
- *Ulivi F.* La prosa d'arte moderna e contemporanea // Ulivi F. Dal Manzoni ai Decadenti. Roma: S. Sciascia, 1973. P. 379–423.
- Valli D. Dal frammento alla prosa d'arte con alcuni sondaggi sulla prosa di poeti. Lecce : Pensa MultiMedia, 2001. 212 p.

УДК 821.131.1

Т. А. Быстрова

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: tassina@yandex.ru

РОМАН П. П. ПАЗОЛИНИ «НЕФТЬ» И СОВРЕМЕННЫЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ АВТОФИКШН (Д. Дженна, В. Сити)

В статье рассматривается творчество современных итальянских писателей Джузеппе Дженны и Вальтера Сити и анализируется связь их произведений с романом Пазолини «Нефть». В этом произведении автор, значительно опередивший свою эпоху, выходит за рамки постмодернизма и создает принципиально новый тип крупного прозаического произведения, вобравшего в себя все достижения литературного и кинематографического опыта автора. Сегодня неоконченный мегатекст Пазолини становится ориентиром для современных писателей-интеллектуалов, которые черпают из него как теоретические постулаты, так и структурнокомпозиционные идеи, темы и мотивы.

Ключевые слова: новая итальянская эпика; новейшая итальянская литература; автофикшн; Пазолини; Дженна; Сити.

T. A. Bystrova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Institute for Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University; e-mail: tassina@yandex.ru

PASOLINI'S "PETROLIO" AND HYPERMODERN ITALIAN AUTOFICTION (Giuseppe Genna, Walter Siti)

The article examines the creative work of modern Italian writers Giuseppe Genna and Walter Siti and analyzes what their works have in common with Pier Paolo Pasolini's «Petrolio». Contemporary Italian literature denies genre framework and craves for expressing modern reality through an «undefined narrative object», which, according to the collective author and literary critic Wu Ming, might be a new large prose form that has been named a novel so far. In his «Petrolio», Pasolini, who is far ahead of his epoch, goes beyond postmodernism. Today, Pasolini's unfinished megatext becomes a landmark for modern intellectual writers who draw both theoretical postulates, and structural and compositional ideas, themes and motifs from his works

Key words: New Italian Epic; Hypermodern Italian Literature; autofiction novel; Pasolini; Genna; Siti.

Введение

Роман-автофикшн появился в Италии в конце 1990-х гг. как попытка отойти от замкнувшегося на стилистике элитарного постмодернизма и вернуться к реализму, но реализму документальному. Именно с этой целью авторы предложили в качестве героя омонимичную фигуру — протагонист автофикшн носит то же имя, что и создавший его писатель, а повествование представляет собой смешение реальных событий из жизни автора и вымышленных — из жизни героя¹.

Сегодня для многих итальянских писателей, придерживающихся данного жанра, в частности для Вальтера Сити и Джузеппе Дженны, одной из главных фигур итальянской литературы является Пьер Паоло Пазолини. Примечательно, что Вальтер Сити выступил в качестве автора комментария к собранию сочинений Пазолини (Pasolini 1998), однако и для Дженны творчество Пазолини – серьезная веха в истории национальной литературы и жизни страны.

Романы Сити и Дженны предоставляют исследователю богатый материал для анализа интертекстуальной составляющей, поскольку изобилуют как цитатами с указанием источника, так и скрытыми цитатами и многочисленными аллюзиями. Представляется, что в творчестве обоих писателей можно найти немало «перекличек» с творчеством Пазолини, особенно отсылок к его последнему неоконченному роману «Нефть» (1972).

Актуальность исследования заключается в том, что творчество этих ярких представителей новейшей итальянской литературы до сих пор не становилось предметом исследования в российской науке, равно как и современный литературный процесс в Италии в целом, вопрос же связи произведений данных авторов с творчеством П. П. Пазолини до сих пор недостаточно изучен и в зарубежном литературоведении.

Целью настоящей статьи является обнаружение идейных, структурных и мотивных пересечений между творчеством Пазолини и текстами современных итальянских писателей-интеллектуалов, анализ произведений Сити и Дженны позволяет обнаружить преемственность новейшей итальянской литературы по отношению к отдельным представителям постмодернизма.

¹ Об итальянском романе-автофикшн, его жанровых особенностях и основных представителях см., например [Быстрова 2019].

Дискуссия о «Новой итальянской эпике»

В 2008 г. в итальянском Интернете неожиданно началась дискуссия о современном нарративе, в которой приняли участие многие известные писатели и литературные критики страны. Результатом дискуссии явился текст, известный как «Новая итальянская эпика» (New Italian Epic) – попытка подытожить сказанное и дать ему теоретическое обоснование. Автором текста стал Ву Минг 1 (Роберто Буи), один из главных представителей группы писателей, работающих под коллективным псевдонимом «Ву Минг», ранее опубликовавший «Меморандум», в котором и заявил о рождении нового итальянского нарратива (вместо определения «роман» предлагался новый термин «неопределенный эпический объект», он же UNO). В эту категорию попадали прозаические произведения внушительного объема, которые могут быть отнесены к большой литературе.

«"Новая итальянская эпика" – прямой "потомок" таких произведений Пазолини, как "Я знаю" и "Нефть", – отмечает журналист Дарио Оливеро, – хотя Пазолини вовсе не собирался становиться литературным отцом поколения писателей, выросших на поп-культуре, в которой сам он видел лишь волну, несущую с собой горы мусора» (Reppublica, 30 gennaio 2009)¹.

Ву Минг 1 на страницах «Меморандума» утверждает, что «Нефть» Пазолини – яркий пример «неопределенного эпического объекта» нового поколения, постоянно открытого интерпретациям произведения, соприкасаясь с которым каждый раз находишь всё новые и новые смыслы [Wu Ming URL].

Пазолини как ориентир для современных писателей

Некоторые итальянские критики отмечают в романе «Нефть» новый поворот итальянского постмодернизма, выход за пределы игры со стилем, а также обращение к «гражданскому долгу писателя» (Repubblica, 8 giugno 2008). Примечательно, что Пазолини пишет роман «Нефть» уже после того, как созданы его самые известные режиссерские работы. Вот почему в этом романе так много экспериментов с формой, так активно задействованы внешние тексты и материалы. Поскольку роман остался незавершенным (из планируемых 2000 страниц обнаружено

 $^{^{1}}$ Здесь и далее, за исключением цитат из романа «Нефть», перевод с итальянского авт. – T. E. Перевод романа «Нефть» Владимира Лукьянчука [Пазолини 2015].

около 600) и был собран буквально по кусочкам уже после смерти автора, он представляет собой смешение различных отрывков, писем, газетных заметок, поэзии и даже песен; в нем приводятся расшифрованные записи интервью, документальные данные, иллюстрации, и так далее. «Нефть» — это попытка Пазолини «сконструировать» огромный мультитекст, который вобрал бы в себя эпоху.

В интервью Массимо Мауджери Ву Минг 1 отмечает, что многие не лишенные амбиций современные писатели стараются дописать «Нефть», однако это не означает, что среди них есть новый Пазолини [Maugeri URL].

Следует отметить, что Пазолини – один из любимых авторов Джузеппе Дженны (р. 1969) и неоднократно упоминается в романе «Италия De Profundis» как неоспоримая величина итальянской истории и культуры. Уже сам факт, что в качестве эпиграфа для романа Дженна выбирает цитату из «Нефти» говорит о том, что писатель в некотором роде является преемником Пазолини и разделяет его творческие принципы: «Когда я планировал и писал свой роман, я делал нечто совсем иное, чем планировать и писать: я нащупывал в себе чувство реальности и ее течение, и как только я смог выстроить в себе ощущение и течение этой реальности, я попытался ею овладеть <...>. В то самое время, пока я планировал и писал мой роман, я нащупывал ощущение реальности и овладевал ею, и в процессе творческого акта, который сопровождал этот поиск, я мечтал освободиться от самого себя, то есть умереть» [Genna 2008, с. 7].

Не следует игнорировать тот факт, что именно писатель-режиссер становится для Дженны одним из литературных отцов. Согласно исследованию Э. Патти, структура и стилистика «Нефти» Пазолини послужила образцом для романа Дженны «Италия De Profundis» [Patti 2010]. Патти отметила такие сходства двух романов, как жанровая неопределенность, «вкрапление» разнообразных дотекстовых материалов, сложный язык, дающий прочувствовать описываемую в произведении реальность и становящийся ее выразительным инструментом, сознательное «конструирование» ряда эпизодов «Италии De Profundis» по пазолинианской модели (глава «Рассказ»), возможность множественной интерпретации большинства сцен романа. Однако исследовательница сосредоточилась на жанровых особенностях двух произведений, не затрагивая композиционную, сюжетную и образную составляющие.

Роман «Нефть» Пьера Паоло Пазолини: переклички и заимствования в творчестве современных писателей Метанарративность

В «Нефти» Пазолини выступает в роли критика собственного текста, он вводит в текст автора в качестве персонажа, ведущего диалог с читателем. Так в повествовании возникают метанарративные элементы: «Ну, вот, описание видения почти готово. Я с таким усердием старался рисовать его как можно в более простой и доходчивой форме, что можно было ненароком подумать, будто я кокетничаю: я понимаю. Но тут есть свой резон. Все описание, по сути, не более чем вспомогательная, подготовительная работа; его задача сводится к тому, чтобы при максимальной экономии средств — только самое необходимое, чтобы тебя понимали, — где полунамеками, где с помощью цитат, где просто обходя молчанием и опуская целые куски, — подвести к самому главному, что по-настоящему важно для дальнейшего развития романа» [Пазолини 2015, с. 274].

В письме к Альберто Моравиа, которое принято рассматривать как неотъемлемую часть «Нефти», Пазолини рассуждает о роли регистра и стиля, а также о возможных способах организации повествования: «Или же, по-твоему, надо все переписать в другом регистре, создать чарующую иллюзию истории, развивающейся непроизвольно по своим законам в кое-то время, которое для любого читателя — время прожитой, ничем не затронутой и не потревоженной жизни, события которой представляются сермяжной правдой <...>» [Пазолини 2015, с. 261].

Как уже было отмечено, в романе-автофикшн главным героем выступает фигура, омонимичная автору. Помимо имени, протагонист заимствует у автора профессиональные интересы, сексуальную ориентацию, круг общения и многое другое. Поэтому неудивительно, что важное место в романах Дженны и Сити занимают рассуждения о литературном мастерстве и писательском предназначении, а также проблемах стиля и жанра новейшей литературы. Дженна буквально вторит мыслям Пазолини: «Вместо того, чтобы предложить вам описание "итальянской действительности", я бы мог изобразить ее в лицах, написать роман, от которого за версту несло бы помойной ямой <...>. Но какой смысл обращаться к фиктивной романной действительности?

Что изменится, перенесись действие в плоскость вымышленной реальности, разверни я потоки выдуманных фактов и чувств? Что изменится, сведи я роман к вымышленному, а самого себя к произвольной маске («я, Джузеппе Дженна»), замени неопровержимые факты придуманными картинками?» [Дженна 2019, с. 151].

Приобщение читателя к процессу письма и раскрытие своих творческих принципов на страницах романа — одна из характерных черт «Италии De Profundis». Дженна ведет диалог с Пазолини и, продолжая экспериментальную повествовательную линию автора «Нефти», предлагает одну из сцен романа в разных стилистических регистрах:

«Вот почему для уже описанной "итальянской сцены" я могу предложить "replay" – новый вариант, сделанный по законам чистейшего нарратива. Он накроет волной, встретит сопротивление, как непонятный и сложный, волна все спутает и смоет, но прояснит сказанное куда глубже, яснее и ощутимее» [Дженна 2019, с. 79].

Метанарративная составляющая также присуща и Вальтеру Сити, одному из наиболее авторитетных итальянских писателей-интеллектуалов, получивших в 2013 году премию «Стрега» за роман «Сопротивление бесполезно». Сити раскрывает перед читателем не только сам процесс задумки и создания романа, которые происходят буквально на глазах у читателя, но и взаимоотношения писателя и редактора: «Прошу прощения за такое невнятное начало, начал было курсивом, но сменил на тахому: это совсем не тот текст, который я задумал писать. Суждение Антонио Франкини (издательство Мондадори) о моем последнем романе прозвучало прямо и грубо, обрушившись могильной плитой <...>. Таким образом мне намекнули, что не стоит разочаровывать ожидания, и гомосексуальный эротизм был вытеснен с моего литературного горизонта <...>» [Siti 2012, с. 19].

Помимо метанарративной составляющей, оба писателя, вслед за Пазолини, отказываются от традиционного начала и конца литературного произведения. В процитированном выше романе Сити «Сопротивляться бесполезно» началом служит отрывок, от которого автор впоследствии отказывается прямо на страницах произведения, конца же, как такового, нет. Джузеппе Дженна демонстративно озаглавливает первый эпизод романа «Не-начало», однако выстраивает более выраженную структуру, предлагая кольцевую композицию: ближе к финалу в тексте почти дословно повторяется эпизод из первой главы, где

герой созерцает сицилийское море и размышляет о судьбе Италии. Однако эта сцена не становится завершающей: роман заканчивается эпилогом, в котором приводится газетная статья о пожаре в туристическом поселке и умирает собака подруги героя.

Гражданский долг писателя и интеллектуала

В «Нефти», равно как и в хрестоматийном очерке «Я знаю», Пазолини поднимает тему немощи интеллектуалов и их ответственности
за происходящее в стране, а также тему гражданского долга писателя.
Данная тема находит продолжение в творчестве Дженны и Сити. В своих произведениях Сити выставляет себя образчиком посредственности,
разочарованным в жизни человеком, который заботится лишь о реализации своих сексуальных потребностей. Несмотря на то, что его персонаж принадлежит к интеллектуальной элите, он лишен каких бы то
ни было амбиций, чужд идеологий и предпочитает интеллектуальному
напряжению мир телевизионных шоу. Если в случае Пазолини критика
мира бездействующих интеллектуалов идет извне, то у Сити и Дженны
она действует изнутри, поскольку протагонисты сами являются представителями класса, который клеймят и разоблачают: «Я такой же, как
все» Дженны сродни «Меня зовут Вальтер Сити, как всякого» Сити.

Мир, представленный Сити в романе «Слишком много рая» (2006), это мир современного человека, отказавшегося от самореализации и подменившего реальность тем, что вместо нее предлагает телеэкран. По мнению ряда исследователей, «Слишком много рая» — одно из самых ярких произведений 2000-х гг., остро критикующее современную действительность и современного итальянца [Chianese 2016]. Примечательно, что Дженна становится одним из критиков, оценивших роман Сити очень высоко. По мысли писателя, возможность рассуждать о новом мире и новом самоощущении человека в нем возможно лишь при полнейшем погружении в описываемую реальность, вот почему в случае Сити можно говорить о точном социологическом «препарировании» современного человека на примере самого себя [Genna URL].

По сравнению с открытой и непреклонной обвинительной риторикой в адрес интеллектуалов и буржуа со стороны Пазолини, Сити отказывается от внешней риторической позиции обвинения, предпочитая, по словам Дж. Тинелли, «другую обязанность» [Tinelli 2015], сокращая дистанцию между собой и своим героем насколько это

возможно. Пазолини выступает в роли фотографа, в то время как Сити становится одновременно и фотографом, и моделью.

Филиппика, обличающая интеллектуалов, появляется и в романе Дженны: «Анализ, проведенный этими охваченными апокалиптическим пессимизмом интеллектуалами, отставшими от современного мира и недостойными своих предшественников, показывает, что наша страна является безнадежно отсталой. Они настолько недалеки, что противны любому, кто знаком с крохами реальности, упакованной в сплошную иллюзию» [Дженна 2019, с. 72]. Тема экрана как зла, порождающего двойника, разрушающего человеческую сущность и подменяющего реальность, проходит в романе красной нитью.

Мотив обращения мужчины в женщину

Одним из наиболее ярких мотивов «Италии De Profundis», отсылающих к «Нефти» Пазолини, является мотив двойничества. Важность данного мотива для постмодернистского автора подчеркивает переводчик Владимир Лукьянчук [Лукьянчук 2015]. Герой «Нефти» Карло, так называемый A, имеет «наделенного дурными чертами» двойника \mathcal{L} , который в определенный момент превращается в женщину [Пазолини 2015, с. 287].

В дальнейшем двойник протагониста «Нефти» продолжает действовать в женском обличье и отдается непристойным сексуальным экспериментам, в то время как герой Дженны переживает сопоставимый сексуальный опыт в собственном теле. Однако вскоре протагонист обнаруживает себя кричащей женщиной, привязанной к стулу: «Это невыносимое видение похоже на самый страшный кошмар. Имя женщины – Джузеппе Дженна» [Дженна 2019, с. 255].

Тема отцов и детей

Отношения протагониста с умирающим отцом в романе Дженны составляют основу одной из глав и являются важной составляющей повествования. В романе Пазолини отец является герою в сневидении, окруженный богами Предусмотрительность, Послушание, Терпение, Смирение, Милосердие, и многими другими. Отец героя является старым антифашистом, членом демохристианской партии, «прожившим вину буржуазии в самом общем смысле, лично не чувствуя за собою никакого греха» [Пазолини 2015, с. 278].

Отец Дженны – ярый коммунист – принадлежит к тому же поколению, что и Пазолини, поколению, которому было суждено горько разочароваться в собственных идеалах вскоре после смерти великого соплеменника. По признанию героя, отец его прожил суровую, искалеченную, недожитую жизнь, результатом которого оказалась «смирительная рубашка бездействия и раскаяния» современных итальянцев [Дженна 2019, с. 58].

Сексуальная составляющая

Роман Дженны, равно как и роман Пазолини, не лишен излишне откровенных сексуальных сцен, изображенных с кинематографической точностью по принципу крупного плана. Герой Дженны участвует в сексуальной оргии, в то время как герой Пазолини, двойник Карло, обращенный в женщину, предается непотребствам со своим бывшим приятелем Кармело. Герой Пазолини, как и герой Дженны, становится объектом обладания, а вместе с тем унижения, боли, жертвенности и смерти, при этом у обоих авторов в эротических сценах остается недоговоренность и возможность множественности интерпретаций.

Большинство романов Вальтера Сити также изобилует фотографическими описаниями мужского тела и откровенными гомосексуальными сценами. Культурист Марчелло, «кочующий» из одного романа Сити в другой – последняя стадия эволюции представителя пазолинианской шпаны, торгующей своими телами и душами.

Мир городской окраины, представленный в творчестве Пазолини, несмотря на свою глубокую аморальность, оправдывается автором даже в тех эпизодах, когда его циничность оказывается очевидной и приводит к необратимым последствиям: Пазолини воспевает шпану, надеясь на ее дальнейшее спасение. Сити отказывает возмужавшим героям Пазолини в этом спасении, он выступает их благодетелем и хозяином, каталогизируя свои приобретения согласно качеству предлагаемого товара.

Пазолини пытается сократить культурную и социальную дистанцию между собой и собственными персонажами, в то время как Сити отказывается от подобной тактики и остается стоять на ступеньку выше, что не мешает ему дотошно и точно «препарировать» мир низов, к которому так тянет его интеллектуального персонажа. Сити

отказывается выступать судьей героев типа Марчелло, осуждать их привычки и образ жизни. Критика Сити направлена прежде всего на собственного протагониста, который медленно, но верно деградирует и катится вниз, опускаясь на самое дно того мира, к которому не принадлежит. Чтобы выжить в искусственно смоделированной реальности, предлагаемой миром медиа, пытающимся уничтожить ценности, которые дороги Сити, он использует посредственность как спасительный щит, умаляя одноименного себе протагониста до уровня его партнеров, показывая его деградацию как процесс, «разъедающий» современного итальянца изнутри.

От имени героя писатель снимает с себя бремя долга гражданственности, заявляя, что описывает лишь собственную мелкую жизнь, однако посредством нее демонстрирует самые болезненные пороки современного общества.

Заключение

Вальтер Сити и Джузеппе Дженна принадлежат к поколению писателей «Новой итальянской эпики». По мнению Ву Минга 1, к этому поколению можно отнести писателей разного возраста, разделяющих одни и те же литературные принципы и опирающихся на них в своем творчестве. Одним из таких принципов является желание отстраниться от «трехкопеечного постмодернизма» — оргии цитат, перемигиваний с читателем, многочисленных пародий и ремейков, что, согласно Ву Мингу, столь свойственно итальянской литературе середины 1980-х гг. [Wu Ming 2009]. Авторы новейшей литературы возвращаются к реализму, предполагающему документальность, основывающемуся на архивных материалах или на собственном опыте писателя.

Роман-автофикш не вписывается в данные установки, поскольку создает иллюзию документализма, представляя собой, по высказыванию Сити, «автобиографию, которой не было» [Siti 1999]. Отказываясь от опыта постмодернизма в целом, писатели всё же чувствуют потребность найти опору в литературной традиции, и такой опорой оказывается для многих творчество Пьера Паоло Пазолини — автора, хоть и творившего в период развития постмодернизма, однако значительно опередившего свою эпоху, а потому законно имеющему право считаться основоположником «Новой итальянской эпики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Быстрова Т. А.* Роман-самосочинение в современной итальянской литературе // Динамическая поэтика. Поэтическая динамика : сб. ст. к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М. : ИМЛИ РАН, 2019. С. 168–176.
- Дженна Д. Италия Де Профундис. М.: АСТ, 2019. 384 с.
- *Лукьянчук В.* Залежи «Нефти» // Митин журнал. 2015. С. 243–259.
- *Пазолини П. П.* «Нефть» // Митин журнал. 2015. № 68. С. 260–472.
- Chianese F. Teorizzare un umorismo postmoderno: il caso Walter Siti. «Chi ride ultimo. Parodia, satira, umorismi» / A cura di E. Abignente, F. Cattani, F. De Cristofaro, G. Maffei, U. M. Oliveri // Between journal. 2016. № 12. URL: www.betweenjournal.it (дата обращения: 06.08.2019).
- *De Cataldo G.* Raccontare l'Italia senza paura di sporcarsi le mani // La Domenica di Repubblica, 8 June 2008. № 36. URL: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2008/06/08/raccontare-italia-senza-avere-paura-di.090raccontare.html (дата обращения: 06.08.2019).
- Genna G. Italia De Profundis. Milano: Minimum fax, 2008. 348 p.
- Genna G. Walter Siti: Troppi paradisi // Carmilla online. 21 agosto 2006. URL: www.carmillaonline.com/2006/08/21/walter-siti-troppi-paradisi/ (дата обращения: 06.08.2019).
- *Maugeri M.* New Italian Epic. Incontro con Wu Ming 1 // Letteratudine. 25 febbraio 2009. URL: letteratitudine.blog.kataweb.it/2009/02/25/new-italian-epic-in-contro-con-wu-ming-1/ (дата обращения: 06.08.2019).
- Olivero D. Italian Tabloid // Reppublica. 30 gennaio 2009. URL: olivero.blogautore.repubblica.it/2009/01/30/?ref=hpsbsx (дата обращения: 06.08.2019).
- Pasolini P. P. Romanzi e racconti / A cura di W. Siti e S. De Laude. Milano : Mondadori, 1998. 2080 p.
- Patti E. Petrolio a model of UNO in Giuseppe Genna's Italia De Profundis // The Journal of Romance Studies. January 2010. № 1. P. 83–95.
- Siti W. Resistere non serve a niente. Roma: Rizzoli, 2012. 316 p.
- Siti W. Troppi paradisi. Roma: Rizzoli, 2015. 446 p.
- Siti W. Il romanzo come autobiografia di fatti non accaduti // Italies narrativa. Par M.-N. Caspar, Nanterre, Université Paris X, 1999. P. 109–115.
- *Tinelli G.* Walter Siti: un altro impegno // L'immaginario politico. Impegno, resistenza, ideologia / Eds. S. Albertazzi, F. Bertoni, E. Piga, L. Raimondi, G. Tinelli. Between. 2015. V. 10. P. 1–19.
- *Wu Ming.* New Italian Epic. Letteratura, sguardo obliquo, ritorno al futuro. Torino : Einaudi, 2009. XIII + 208 p.
- Wu Ming. Tiziano Scarpa: Face off. Due modi di gettare il proprio corpo nella lotta. Note su affinita e divergenze, a partire dal dibattito sul NIE. URL: www. wumingfoundation.com/italiano/outtakes/Wu_Ming_Tiziano_Scarpa_Face_Off.pdf (дата обращения: 06.08.2019).

REFERENCES

- Bystrova T. A. Roman-samosochinenie v sovremennoj ital'janskoj literature // Dinamicheskaja pojetika. Pojeticheskaja dinamika : sb. st. k jubileju Diny Mahmudovny Magomedovoj. M. : IMLI RAN, 2019. S. 168–176.
- Dzhenna D. Italija De Profundis. M.: AST, 2019. 384 s.
- Luk'janchuk V. Zalezhi «Nefti» // Mitin zhurnal. 2015. S. 243–259.
- Pazolini P. P. «Neft'» // Mitin zhurnal. 2015. № 68. S. 260–472.
- Chianese F. Teorizzare un umorismo postmoderno: il caso Walter Siti. «Chi ride ultimo. Parodia, satira, umorismi» / A cura di E. Abignente, F. Cattani, F. De Cristofaro, G. Maffei, U. M. Oliveri // Between journal. 2016. № 12. URL: www.betweenjournal.it (data obrashhenija: 06.08.2019).
- De Cataldo G. Raccontare l'Italia senza paura di sporcarsi le mani // La Domenica di Repubblica, 8 June 2008. № 36. URL: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2008/06/08/raccontare-italia-senza-avere-paura-di.090raccontare.html (data obrashhenija: 06.08.2019).
- Genna G. Italia De Profundis. Milano: Minimum fax, 2008. 348 p.
- Genna G. Walter Siti: Troppi paradisi // Carmilla online. 21 agosto 2006. URL: www.carmillaonline.com/2006/08/21/walter-siti-troppi-paradisi/ (data obrashhenija: 06.08.2019).
- *Maugeri M.* New Italian Epic. Incontro con Wu Ming 1 // Letteratudine. 25 febbraio 2009. URL: letteratitudine.blog.kataweb.it/2009/02/25/new-italian-epic-in-contro-con-wu-ming-1/ (data obrashhenija: 06.08.2019).
- Olivero D. Italian Tabloid // Reppublica. 30 gennaio 2009. URL: olivero.blogautore.repubblica.it/2009/01/30/?ref=hpsbsx (data obrashhenija: 06.08.2019).
- Pasolini P. P. Romanzi e racconti / A cura di W. Siti e S. De Laude. Milano : Mondadori, 1998. 2080 p.
- Patti E. Petrolio a model of UNO in Giuseppe Genna's Italia De Profundis // The Journal of Romance Studies. January 2010. № 1. P. 83–95.
- Siti W. Resistere non serve a niente. Roma: Rizzoli, 2012. 316 p.
- Siti W. Troppi paradisi. Roma: Rizzoli, 2015. 446 p.
- Siti W. Il romanzo come autobiografia di fatti non accaduti // Italies narrativa. Par M.-N. Caspar, Nanterre, Université Paris X, 1999. P. 109–115.
- *Tinelli G.* Walter Siti: un altro impegno // L'immaginario politico. Impegno, resistenza, ideologia / Eds. S. Albertazzi, F. Bertoni, E. Piga, L. Raimondi, G. Tinelli. Between. 2015. V. 10. P. 1–19.
- *Wu Ming.* New Italian Epic. Letteratura, sguardo obliquo, ritorno al futuro. Torino : Einaudi, 2009. XIII + 208 p.
- Wu Ming. Tiziano Scarpa: Face off. Due modi di gettare il proprio corpo nella lotta. Note su affinita e divergenze, a partire dal dibattito sul NIE. URL: www. wumingfoundation.com/italiano/outtakes/Wu_Ming_Tiziano_Scarpa_Face_Off.pdf (дdata obrashhenija: 06.08.2019).

УДК 811.131.1+81'27+81-114.2

Е. С. Борисова

кандидат филологических наук, зав. каф. итальянского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университет; e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИТАЛИИ И ИТАЛЬЯНЦАХ. СТЕРЕОТИПЫ И МОТИВАЦИЯ (на материале социолингвистического исследования 2017–2018 гг.)

В статье рассматриваются представления современной российской молодежи об Италии и итальянцах, выявленные в результате социолингвистического исследования, которое проводилось с обучающимися в группах итальянского языка как первого иностранного на базе университетов г. Москвы (МГЛУ, МГПУ) и команды участников Всероссийской олимпиады 2019. Для сравнения был проведен опрос в возрастной группе 30–60 лет. Список анкетируемых составил 92 человека. Определение стереотипных представлений сопровождалось выделением мотивационных установок студентов-итальянистов. Поскольку изучение любого иностранного языка предполагает неизбежное столкновение с иной культурой и с иным мировоззрением, в некоторых случаях может возникнуть не только недопонимание, но и культурный шок, препятствующий обучению. Чтобы избежать этого, необходимо помнить о существовании ложных стереотипов и обращать на них внимание обучающихся.

Ключевые слова: стереотипы; мотивация; Италия и итальянцы, национальная идентичность; информанты.

E. S. Borisova

PhD (Philology), Head of the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

IDEAS OF MODERN RUSSIAN YOUTH ABOUT ITALY AND ITALIANS. STEREOTYPES AND MOTIVATION

(based on a sociolinguistic study 2017-2018)

The article studies contemporary Russian youth's ideas of Italy and Italians obtained as a result of a sociolinguistic study, which was conducted among students

of the Italian language in Russian universities (Moscow State Linguistic University, Moscow City Pedagogical University) and participants of the All-Russian Olympiad in 2019. To compare the results 92 adults between the ages of 30 and 60 were interviewed. The identification of stereotypical ideas was accompanied by establishing Italian students' motivation impulses. Since studies of any foreign language is accompanied by unavoidable collision with a different culture and outlook, in some cases there may occur not only misunderstanding, but even a cultural shock, which impedes study. To avoid this, it is important to be aware of false stereotypes and to draw students' attention to them.

Key words: stereotypes; motivation; Italy and Italians; national identity; informant.

Введение

Любовь русского человека к Италии – неоспоримый факт, имеющий давние культурные традиции. Нельзя не вспомнить широко известную книгу А. Муратова «Образы Италии» [1994], записки путешественника, заново открывшие страну классического европейского искусства для русской интеллигенции начала XX в., которая «в погоне за мечтой» стремилась и продолжает стремиться к родине искусства и поэзии, в этот «Эдем с райской природой, на лоне которого проживает темпераментный народ, наделенный художественными талантами» [Deotto 2002, с. 135]. Соглашаясь с П. Деотто в том, что «образ Италии не сильно отличается от традиционного восприятия этой страны северянами из-за бытования довольно общих стереотипных представлений» [Ibidem], мы предлагаем в этой статье обзор результатов трехлетнего эксперимента, который проводился не столько с целью подтвердить или опровергнуть эти стереотипные представления, сколько с прикладной целью: заинтересовать на первом практическом занятии аудиторию любого уровня владения итальянским языком, отталкиваясь от гипотезы о том, что стереотипы имеют непосредственное отношение к процессу овладения новым языком и новой культурой и играют не последнюю роль в мотивационных установках обучающихся.

Предпосылкой для нашего исследования послужило знакомство с работой Н. И. Гетьманенко «Культурный шок или Как мы понимаем друг друга» [Гетьманенко 2009], в которой очень подробно рассматриваются стереотипы и прототипы в общении современных

 $^{^{1}}$ Здесь и далее перевод наш. – *Е. Б.*

американцев, россиян, молдован и украинцев, а также приведены представления студентов о своих сверстниках из других стран, в перечень которых не вошла Италия. Таким образом наше исследование является определенным вкладом в разработку проблемы диалога культур, поскольку «глубокое добровольное изучение иной культуры – ключ к примирению и пониманию» [там же, с. 3].

Хотелось бы уточнить, что рамки статьи не позволяют осветить продолжение эксперимента и анкетирования, проведенных автором на практических занятиях по русскому языку в италоязычной аудитории. Сравнительный анализ взаимовосприятия современных Италии и России молодежью обеих стран еще предстоит в других наших работах.

Подтверждением актуальности нашего исследования является неподдельный интерес носителей итальянского языка к данной проблематике, проявившийся во время его апробирования на Международной научно-практической конференции 2018 г. «Итальянский язык в России: опыт сетевого взаимодействия», проведенной в МГЛУ. «Всплеск осознания» национальной идентичности итальянцев, описанный Д. А. Шевляковой в 2010 г. всё еще имеет место, итальянцы «на фоне глобализации и нарастающей унификации духовных и материальных ценностей, как и представители других наций, начинают всё больше ценить свою культуру» [Шевлякова 2010, № 4, с. 60].

Этапы и методика анкетирования

Сбор материала исследования осуществлялся путем анкетирования, проводившегося в письменной форме следующим образом.

1. Информантам было предложено закончить предложение Per $me\ l'Italia\ e$... — Для $меня\ Италия$ — это.... Для остранения опрашиваемых необходимые пояснения предлагались в виде примера, который не должен был касаться личных «итальянских» впечатлений опрашивающего, например:

Per me l'Inghilterra è il paese dove bevono il tè alle 17.00 e dove c'è sempre la nebbia e la pioggia... – «Для меня Англия – это чай в 17.00, постоянный туман и дождь...».

Вопрос «Почему Вы решили изучать итальянский язык?» опытным путем пришлось отвергнуть из-за его негативной коннотации для некоторых студентов, вызванной отсутствием самостоятельного выбора

иностранного языка. В этом случае приходилось предлагать информантам написать о том, что они думали об Италии до распределения в итальянскую группу. Наша надежда на то, что общее положительное представление россиян об Италии сыграет свою роль, и обучающийся вспомнит положительные стереотипные образы, которые могли бы его мотивировать для изучения «нежеланного» языка, оправдалась — эти стереотипы воскрешались в памяти и подтверждали данные опроса 2011 г., в котором 75 % россиян заявляли, что Италия — самая привлекательная страна для туристов [Клейменова 2012, с. 70].

- 2. Поскольку некоторые информанты даже на начальном уровне обучения уже были в Италии, для анкетирования и облегчения обработки результатов раздавались небольшие листочки разных цветов: розовые тем, кто был в Италии, голубые тем, кто не был.
- 3. На следующем этапе сорока обучающимся, уже побывавшим в Италии, было предложено на листочках со знаками «+» и «-» охарактеризовать положительные и отрицательные качества итальянцев. Этот формат дополнительного анкетирования был вызван тем, что в большинстве своем первый вариант вопроса вызывал у информантов ассоциации с климатом и с историко-культурными особенностями страны, однако при изучении языка, как и при любом погружении в иную культуру, необходимо учитывать также и личностные качества ее жителей.

Анкетирование следует проводить анонимно, это позволит снять психологический барьер и выделить некоторые качества итальянцев, не соответствующие русскому восприятию действительности. В случае проведения подобного опроса «вживую», устно, приоритет имеют положительные качества, так как первая встреча со студентами не позволяет им открыться и выразить свои негативные установки. На следующем занятии необходимо обсудить полученные результаты и «снять» возможные неправильные представления о стране изучаемого языка и его носителях.

Опрос можно проводить со студентами любого уровня владения иностранным языком. Начинающим студентам можно разрешить отвечать на родном языке, продвинутым — на итальянском. Поскольку анкетирование проводилось на практических занятиях по языку, выделялись также типичные языковые ошибки информантов, которые исправлялись на последующих занятиях.

Результаты анкетирования

Основную группу респондентов составили студенты-итальянисты российских вузов возрастной категории от 17 лет до 21 года. Также было опрошено 9 школьников, проходивших подготовку ко Всероссийской олимпиаде по итальянскому языку (14–17 лет) и 10 человек в возрасте от 30 до 60 лет. Всего в исследовании принимали участие 92 человека.

Приведем полученные данные в таблице, которые мы разделили на 11 сфер интересов.

Таблица 1

№	Сферы интересов	197 (до)	%	196 (после)	%	393	%
1.	Поведение, характер, общение	57	29	77	39	134	34
2.	Темперамент	15	(26)	12	(16)	27	(20)
3.	Манера речи	17	(30)	10	(13)	27	(20)
4.	Отношение к людям и к жизни	25	(44)	55	(71)	80	(60)
5.	Еда	44	22	31	16	75	19
6.	Историческое и культурное наследие	33	14	22	11	55	14
7.	Окружающая среда	7	4	34	17	41	11
8.	Язык	27	14	4	2	31	8
9.	Работа, учеба	10	5	14	7	24	6
10.	Внешность	9	5	5	6	14	4
11.	Благосостояние	4	2	3	1,5	6	1,5
12.	Мафия	2	1	3	1,5	5	1
13.	Семья, друзья	1	0,5	3	1,5	4	1
14.	Патриотизм	3	1,5	1	0,5	4	1

Как видно из таблицы, всего респонденты выделили 393 характеристики, с которыми у них ассоциировалась Италия и итальянцы.

На первом месте оказались качества, связанные с темпераментом и манерой общения итальянцев (34 %), далее – еда (19 %), и в порядке убывания – историческое и культурное наследие (14 %), итальянский язык (8 %), окружающая среда (7 %), работа и учеба (6 %), внешность (4 %), климат (2 %), патриотизм, мафия, семья (по 1 %).

Сферы интересов, выделенные обучающимися до знакомства с итальянской реальностью, в большинстве случаях оказались стереотипными, они представляли собой упрощенную трактовку действительности и по большей части знакомые всем ассоциативные образы.

Разберем подробнее сферы интересов, на которых сосредоточились российские информанты.

1. Поведение, характер, общение

Первое место в процентном отношении занимают особенности национального характера и поведения итальянцев, которые мы разделили на три основных составляющих: темперамент, манера речи, отношение к людям и к жизни.

Интересно, что до знакомства с Италией, ее жители воспринимались как очень темпераментные люди с обращающей на себя внимание манерой общения: они эмоциональны, экспрессивны, горячи, позитивны, у них всегда хорошее настроение, они умеют развлекаться, иногда они смешные, комичные и легкомысленные, живут без проблем и любят жизнь. Помимо яркого темперамента они спокойны, никогда не спешат, закрывают глаза на свои проблемы, обладают открытым, дружелюбным, общительным характером, который создает впечатление искренности. Радужные краски на этих описаниях не заканчиваются: итальянцы веселы и счастливы, всегда готовы прийти на помощь; они открыты, сердечны, улыбчивы, любят посмеяться и гостеприимны.

Особое место занимает в сознании русских студентов манера общения итальянцев. Как положительные качества выделяются их любовь поболтать, жестикуляция¹, благодаря которой «можно многое

¹По наблюдениям Е. И. Баевой, «только 26 коммуникативно значимых жестов из 124, используемых всеми итальянцами, имеют аналоги в коммуникации русских» [Баева 2012, с. 5]. Характерным примером может послужить итальянский учебный ролик для начинающих, в котором двухминутная коммуникативная ситуация иллюстрируется только жестами без применения лингвистических средств. URL: www. almaedizioni.it/it/almatv/grammatica-caffe/il-linguaggio-dei-gesti/.

понять». Кроме того, русские студенты отмечают интенсивность речи итальянцев, как по силе звука, так и по темпу: «они слишком шумные», «они слишком много и быстро говорят».

Один информант (40 лет), характеризуя итальянцев, привел в качестве примера следующий анекдот, ярко характеризующий их манеру поведения:

Таблички в автобусах разных стран. Германия: «Водителя не отвлекать!»

Франция: «С водителем не разговаривать!!»

Италия: «Водителю не отвечать!!!»

Естественно, после знакомства с реальностью оказывается, что итальянцы отнюдь не такие спокойные, не такие экспрессивные, как казалось, и не все шумные. Не все и не в такой степени они открытые, их не всегда легко понять, некоторые похожи на немцев, иногда они просто скучные. Чрезмерная экспрессивность, по результатам опроса, попадает в отрицательные качества, как и странное чувство юмора, амбициозность, чрезмерная нервозность южан и даже агрессивность (появилась сигнальная фраза «они ненавидят русских»!). Как оказалось, не все итальянцы счастливы. Их манера общения может быть довольно холодной: «Они иногда объясняют что-либо одной единственной фразой perché così (nomomy что так)» (1). Как отметил один наблюдательный обучающийся, итальянцы вежливы, но не все, и «даже могут использовать ненормативную лексику» (1).

Очевидно, что многие представления россиян об итальянцах оказались субъективными, и надо согласиться с выводом одной студентки: «Итальянцы все разные, каждый регион — это как новая страна».

2. Еда

Следующая сфера интересов — еда, «прочное орудие власти над миром», «"бронзы литой мощней", "прочней железа", и значительно "выше пирамид"» [Костюкович 2006, с. 13]. Не случайно книга Е. А. Костюкович названа именно так: «Еда. Итальянское счастье». В представлении российской молодежи стереотипные образы Италии с ней крепко связаны.

Вполне ожидаемо, что до встречи со страной изучаемого языка об итальянцах думали, как о «поедателях» пиццы и макарон. Лишь

несколько голосов было отдано в пользу замечательной и разнообразной итальянской кухни (использовались следующие прилагательные — buono 4, delizioso 2, meraviglioso 2, saporito 1). Знание видов макарон, которых в Италии около 600, ограничивалось спагетти или гиперонимом «паста», который в последнее время успешно конкурирует в России с привычным термином «макароны». Причем лазанья как вид этих же макарон не воспринимается, а выделяется отдельно. После знакомства с итальянской реальностью студенты открыли для себя, что пицца и паста — не единственные вкусные итальянские блюда, хотя в основном стереотипы подтвердились: «Все итальянцы почти всегда едят пиццу и макароны» (20).

Важным является интенсивность квантификаторов, используемых при определении качеств еды: если до встречи с Италией квантификатор solo относился к пицце, макаронам и спагетти, то после — стереотипы либо подтвердились, и появились квантификаторы <u>tutti</u> (<u>quasi sempre</u>) mangiano pizza e pasta, либо нет: итальянцы не все и не всегда едят пиццу и макароны.

Стереотипы количества потребления еды *Amano mangiare molto* е lo fanno <u>sempre</u> также подтвердились: *итальянцы едят постоянно*, <u>много</u>, <u>слишком много</u>, <u>особенно за ужином</u>. Для русских студентов, а 90 % — это девушки, такое пристрастие к еде имеет негативную коннотацию. Проблематично есть все время макароны, такую кухню они считают бедной, а обильный ужин — вредным. Однако после встречи с Италией многие студенты отметили, что итальянцы едят разнообразную пищу и соблюдают режим питания.

До поездки в Италию о «самом вкусном мороженом» написал лишь один человек, а после поездки, как ни странно, лишь один написал о сыре.

Стереотипные представления о напитках оказались следующими: итальянцы часто пьют кофе, «можно сказать зависимы», пьют капучино на обед; один голос был отдан вину. Открытием было то, что утром итальянцы пьют только кофе эспрессо, не пьют капучино на обед, не пьют чай, но каждый день пьют вино. Негативным наблюдением было то, что итальянцы могут покупать вино без паспорта. К положительным качествам итальянцев студенты отнесли их умение хорошо и много готовить, хорошо поесть вкусную и полезную еду.

3. Историческое и культурное наследие

На третьем месте нашего рейтинга оказалось историческое и культурное наследие Италии. Причем эта позиция довольно стабильна, учитывая, что стереотипные представления практически совпадают в процентном отношении с прототипными после знакомства со страной изучаемого языка (14-11%). Первоначально Италия представлялась как очень древняя страна, с неповторимым искусством, интересной культурой и чудесной архитектурой. Самый прекрасный итальянский город – это Венеция с гондолами. Италия ассоциировалась также с Римом, Колизеем и с балконом Джульетты в Вероне. По представлениям студентов, в Италии всегда звучит прекрасная музыка, все слушают Челентано, и сами итальянцы, будучи музыкальными, прекрасно поют. Что касается жителей этой страны, они талантливы в искусстве, следят за модой и обладают хорошим вкусом. Сами итальянцы были изумлены, что про футбол, так ими почитаемый, а также Феррари, Ламборгини и кино вспомнили только единожды. Это можно объяснить тем, что в настоящее время в России языковое образование выбирают преимущественно девушки, а о футболе и известных марках машин написал молодой человек с V курса. Важно отметить, что все анкетируемые школьники вспомнили памятники, музеи, музыку, культуру и католицизм в «красивой стране». (Нужно отдать должное школьным учебникам Н. С. Дорофеевой и Г. А. Красовой, в которых культуроведческая информация представлена очень достойно).

После встречи с Италией студенты отзывались о стране, как о сокровищнице истории и искусства, в древних прекрасных городах которой (не только в Венеции), стоят чудесные дворцы. Появились Тоскана, Возрождение, итальянская литература, Феллини (была названа только фамилия знаменитого режиссера), Моника Белуччи. Подтвердилось представление о том, что у итальянцев прекрасный вкус, но оказалось, не все следят за модой, никто не слушает Челентано, а также современных популярных русских певцов. Отрадно, что подтверждаются выводы П. Деотто, исследование которой опирается на русскую литературу XIX — начала XX века: «Не случайно русские для встречи с Италией обращаются к шедеврам искусства эпохи Возрождения, точкой отсчета которого является классическая эстетика» [Deotto 2002, с. 144].

4. Окружающая среда

Четвертое место (11%) занимает сфера интересов, связанная с окружающей средой. Мы выделили ее отдельно, исключив исторические памятники, поскольку они не связаны с синхронным срезом восприятия действительности, но включили в эту группу климат.

До путешествия в Италию этот полуостров представлялся как удивительная страна с чудесными пейзажами, природой и прекрасным климатом, в которой всё время светит солнце и бывает очень жарко.

Эти данные подтверждаются известным наблюдением французского философа Шарля Монтескье о том, что климат сильно влияет на характер человека и общество, а люди, живущие в северных странах, холодны и невозмутимы, тогда как жители южных стран – горячи и вспыльчивы [Баева 2010, с. 172].

Вполне понятны статистические данные Ростуризма за 2016 и 2017 гг., согласно которым в теплую Италию зимой из России выезжает втрое-вчетверо раз больше туристов, чем приезжает итальянцев зимой.

Таблица 2

Имака жизуатамуу дааадау	Январь–декабрь			
Число туристских поездок	2016 г.	2017 г.		
Граждан Италии в Россию	192 000	189 000		
Граждан России в Италию	710 000	893 000		

После встречи с Италией, несомненно, многие стереотипы подтвердились: это страна с удивительно красивой природой, в которой много солнца и прекрасное море. Интерес студентов вызвали также маленькие улочки и закрывающиеся вниз ставни. Вывод одной информантки, с которым согласится большинство, был следующий: «Это страна, в которой надо обязательно побывать: в ней, действительно, очень тепло, а прекрасная погода иногда вызывает даже зависть».

Тем не менее были и такие наблюдения: в Италии «солнце светит не всегда», кто-то уклончиво заметил, что в Риме «грязновато», а кто-то прямо написал, что «улицы там очень грязные» и «много иммигрантов».

Надо отметить, что до встречи с Италией только семь характеристик было отдано окружающей среде, в то время как после – 34.

5. Итальянский язык

Итальянский язык получил всего лишь 8% характеристик. Причем, если до начала его изучения эта сфера интересов стояла у студентов на 3-м месте, то после – на одном из последних: язык получил только 2% характеристик. Среди них речь шла о диалектах и о плохом владении английским языком. Видимо, оказавшись в итальянской группе, новый язык воспринимается российскими студентами как данность, которая играет вспомогательную роль для познания окружающей действительности.

Стереотипными образами, присутствующими у студентов до начала изучения итальянского языка, оказались следующие: итальянский музыкален и мелодичен (9), легкий (4), для троих он представлялся сложным, красивым (2), интересный и похож на испанский (1), только один человек определил его как язык художников, писателей, искусства и культуры. Один студент уже знал, что в итальянском языке много диалектов, а один был уверен в том, что все слова в итальянском заканчиваются на -o или -a. Также стереотипным оказалось представление, что итальянцы не знают английского языка.

6. Учеба и работа

Учебе и работе отводится 6% общих характеристик, в которых основную роль играют положительные и отрицательные черты итальянского характера.

Стереотипные представления о «ленивых» и «несамостоятельных» итальянцах оказались следующими: они мало работают, особенно не нравится работать южанам. Русских студентов удивляет, что итальянцы не работают до окончания университета: они всегда отдыхают, никуда не торопятся, они медлительны, непунктуальны и не соблюдают расписание, поэтому всегда опаздывают. В Италии много маменькиных сынков и живут они с родителями. Лишь только один голос был отдан в пользу того, что итальянцы много работают.

После встречи с Италией три голоса было отдано «довольно ленивым» итальянцам, два – в подтверждение большого количества маменькиных сынков: «Они, хотя и не все, действительно, живут

с родителями пока не найдут себе жилье». Кроме того, российские студенты обратили внимание на сиесту, во время которой, как и в воскресенье, все магазины закрыты. Была также отмечена консервативность итальянцев, высокомерность некоторых северян и бюрократия, как в России.

По поводу работы мнения разделились: по два голоса было отдано за мало работающих и очень много работающих итальянцев, долгий обеденный перерыв также получил один голос, как и забастовки. Среди положительных характеристик итальянцев оказались их самостоятельность в учебе (3), причем один информант написал, что итальянцы, «как американцы, много времени проводят за учебой в библиотеке». Кроме того, были отмечены их ум (2), любопытство (2), активность (2), харизматичность (1) и способность бороться за свои права (1).

7. Внешность

Как ни странно, сфера интересов, в которую входит внешность итальянцев, в процентном соотношении составила лишь 4%. Стереотипными оказались следующие представления: итальянки красивы, итальянцы — самые красивые в мире, у всех итальянцев темная кожа, а волосы черного цвета (2), только один голос был отдан каштановым волосам. После встречи с Италией оказалось, что, «действительно, у всех черные волосы и загар», но «итальянки вовсе не красивые». Среди уже указанных положительных качеств были выделены превосходный вкус итальянцев, любовь к моде и внимательное отношение к своему здоровью.

8. Благосостояние

Отдельно мы выделили характеристики, связанные с благосостоянием итальянцев, которые, по общим подсчетам, занимают лишь 1,5 % качеств. Стереотипы были следующими: Италия — это богатая, более современная, нежели Россия, «страна сладкой жизни».

После поездки в Италию, эта страна оказалась, с одной стороны, очень современной, с другой – было замечено, что Юг Италии отсталый. Важным наблюдением русских студентов, привыкших к теплу в домах с центральным отоплением, было его отсутствие в Италии и, соответственно, холод в помещении. Не остались незамеченными и высокие цены.

9. Мафия, семья (друзья), патриотизм

По одному проценту пришлось на мафию, семью (друзей) и патриотизм. Патриотичной Италия оказалась в связи с тем, что итальянцы всегда говорят о своей стране, но столкнувшись с Италией, один информант заметил, что итальянцы вовсе не патриоты, потому что страна всегда была разделена. Один человек в качестве отрицательной характеристики привел чрезмерно местнические настроения итальянцев — troppo campanilisti. Действительно, местечковый патриотизм, связанный с историко-географическими особенностями страны, сохранился до сих пор, как сохранились и диалекты, разнящиеся не только от области к области, но и от города к городу, от деревни к деревне.

Что касается семьи, итальянцы ее очень любят, но слишком рано о ней не задумываются, уважают и любят своих матерей, и это особенно заметно российским студентам, проживающим во время стажировок в итальянских семьях.

О мафии стоит сказать особо. В советское время стереотип об итальянской мафии возник благодаря широко известной гангстерской драме 1972 г. режиссера Ф. Ф. Копполы «Крестный отец». Этот фильм совместного производства США и Италии по одноименному роману М. Пьюзо вышел в 1969 г. В СССР он стал распространяться на «пиратских» кассетах лишь с конца 1970-х гг., в России он вышел в прокат только в начале 2000-х гг.

Кроме того, несомненное влияние на массовое представление об Италии оказал телевизионный художественный фильм 1984 г. «Спрут», в котором речь шла о борьбе итальянских правоохранительных и судебных органов с сицилийской мафией и коррупцией в высших эшелонах власти. Фильм был опять же совместного производства, но уже девяти стран, включая Италию и США. В СССР первые четыре части были одними из самых популярных в 1986—1991 гг. И автор статьи должен признаться, что сам в годы юности оказался подвержен тем же стереотипным представлениям. Первая поездка в Италию в 2004 г. на стажировку в Рим сопровождалась настороженностью по отношению к Банку Сицилии и предпочтением других банков для проведения денежных операций. Признаемся, даже вывеска Вапсо di Sicilia вызывала желание перейти на другую сторону дороги.

В данный момент, как показывает опрос студентов возрастной группы 18–20 лет, родившихся в 1997–1999 гг., такие стереотипные представления практически сошли на нет. До встречи с Италией только два человека написали о повсеместном присутствии мафии, а после — о том, что мафия есть, но она «не на виду и не разгуливает по улицам». Несомненно, любовь к своей стране и гордость за ее историю и культуру — положительное качество, а существование мафии — отрицательное. Так что, если и возникают недоразумения, вызванные ложными стереотипами, то, несомненно, они навязаны предыдущим поколением, например учителями постсоветского пространства. Яркий пример — скандальная ситуация, возникшая во время Всероссийского конкурса «Фестиваль регионов Италии 2017», когда член жюри, сицилиец, выразил возмущение из-за появления на сцене учеников средней школы в роли итальянских мафиози, подкупающих жюри.

Заключение

Стереотипные образы отличаются у информантов разных возрастных групп, современная молодежь ни разу не вспомнила о Чиполлино, Синьоре Помидоре, Джельсомино, Пиноккио, цитате из знаменитого фильма «руссо туристо облико морале», доне Корлеоне и Адриано Челентано. И если отсутствие имен Рафаэля, Леонардо и Микельанджело в анкетах можно с сожалением отнести к невысокому культурному уровню современных студентов, который обязано повысить высшее образование в языковых вузах, то перечисленные стереотипы старшего поколения уходят в прошлое. Италия уже не воспринимается как страна мафии и Джанни Родари, на котором воспитывались все советские школьники, зачитываясь «самой популярной революционной сказкой XX века, историей о приключениях Чиполлино и возглавленном им бунте демократически настроенных овощей» [Быков 2012, с. 58]. Хотя никому сейчас не помешает перечитать «Чиполлино», где богатство не считается добродетелью, и где обида беззащитного кума Тыковки заканчивается революцией (подробнее см.: [Быков 2015]), и осознать, насколько универсально в этой сказке представлена социально-иерархическая система и христианские ценности.

Важно понимать, что Италия для современной российской молодежи — это не только универсальная «книга о вкусной и здоровой

пище», но и страна художественных ценностей. Поэтому литература даже для начального уровня обучения итальянскому языку должна поддерживать уже существующие стереотипы об Италии и включать больше культурологической и лингвострановедческой информации, поскольку знание стереотипов способствует упрощению социальных контактов с представителями другой социальной общности. Следует обращать внимание и на то, что ложные стереотипы, навязанные в большинстве своем средствами массовой информации, могут негативно повлиять на процесс обучения, поэтому их следует вычислять и развеивать.

Необходимо также учитывать, что интенсивность глобализации делает относительными любые национальные границы, ускоряя процесс всемирной унификации [Шевлякова 2010, № 2, с. 88], и за пределами Италии итальянская кухня – это своеобразное *koinè*, нечто чрезвычайно общее, похожее на все кухни Италии сразу, удовлетворяющее местный вкус по запросам усредненных потребителей [Эко 2006, с. 10], и такое представление распространяется и на самих итальянцев, в то время как универсальный национальный итальянский характер – это миф, с которым, с одной стороны, нужно знакомить студентов, поскольку узнавание стереотипных образов создает благоприятные условия для обучения, с другой – предлагать обучающимся противоположные примеры для расширения их культурного кругозора.

Проведение социолингвистического исследования подобного рода при первой встрече с новыми студентами — это также хороший повод, выявляя мотивационные установки, сгладить психологический барьер, возникающий из-за встречи с новым преподавателем. В случае, если студент первокурсник оказался в языковой группе, выбранной не им самим, очень важна анонимность опроса, так как в этом случае можно легко вычислить и в дальнейшем нивелировать отрицательные эмоции студентов, связанные с изучением нежеланного языка. Преподавателю следует акцентировать внимание студентов на том, что любое их мнение важно. А анализ полученных данных позволит выделить сферы интересов, на которых следует заострить особое внимание. Таким образом, наше исследование может быть полезно не только преподавателю при составлении программы работы в конкретных группах с учетом культурологических и психологических особенностей студентов, но и при составлении учебников итальянского языка.

Помощью в этом будет исторически сложившееся представление россиян об Италии, как о «родине духовной» [Deotto 2002, с. 139], куда следует отправиться не для того, чтобы приобрести что-то новое, а для того, чтобы подтвердить уже существующее в сердцах положительное представление о ней, как о саде наслаждений с райской природой, где идиллические взаимоотношения человека и окружающего мира не предусматривают концепта работы и далеки от ритмов повседневной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Баева Е. И.* Особенности итальянского коммуникативного поведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 21 с.
- Гетьманенко Н. И. Культурный шок, или Как мы понимаем друг друга. М.: Илекса, 2009. 112 с.
- Быков Д. Л. Тайный русский календарь. М.: Астрель, 2012. С. 1040.
- Быков Д. Л. Лекция «Чиполлино и русское освободительное движение». М.: Лекторий Прямая речь, 2015. URL: www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_chipollino_i_russkoe_osvoboditelnoe_dvizhenie (дата обращения: 22.07.2019).
- Клейменова Т. Н. Роль культурной политики Италии в формировании имиджа страны за рубежом // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2012. № 2. С. 68–74.
- Шевлякова Д. А. Итальянский национальный флаг. Государственная символика и национальная идентичность // Вестник Московского ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 60–69.
- Шевлякова Д. А. Формирование положительного имиджа Италии в учебнике итальянского языка для иностранцев // Вестник Московского ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 88–96.
- Deotto P. In viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa. Trieste : Università degli studi di Trieste, 2002. 166 p.

REFERENCES

- Baeva E. I. Osobennosti ital'janskogo kommunikativnogo povedenija : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012. 21 s.
- *Get'manenko N. I.* Kul'turnyj shok, ili Kak my ponimaem drug druga. M.: Ileksa, 2009. 112 s.
- Bykov D. L. Tajnyj russkij kalendar'. M.: Astrel', 2012. S. 1040.

- Bykov D. L. Lekcija «Chipollino i russkoe osvoboditel' noe dvizhenie». M.: Lektorij Prjamaja rech', 2015. URL: www.pryamaya.ru/dmitriy_bykov_chipollino_i_russkoe osvoboditelnoe dvizhenie (data obrashhenija: 22.07.2019).
- *Klejmenova T. N.* Rol' kul'turnoj politiki Italii v formirovanii imidzha strany za rubezhom // Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2012. № 2. S. 68–74.
- Shevljakova D. A. Ital'janskij nacional'nyj flag. Gosudarstvennaja simvolika i nacional'naja identichnost'// Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2010. № 4. S. 60–69.
- Shevljakova D. A. Formirovanie polozhitel'nogo imidzha Italii v uchebnike ital'janskogo jazyka dlja inostrancev // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2010. № 2. S. 88–96.
- *Deotto P.* In viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa. Trieste : Università degli studi di Trieste, 2002. 166 p.

УДК 81'272

Д. А. Шевлякова

доктор культурологии, профессор кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: scevliakova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УРОВНИ – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (на примере Итальянской Республики, 1946–2017 гг.)

В статье рассматривается языковая политика Итальянской Республики в области регулирования миноритарных языков – языков этнических меньшинств, исторически проживающих на территории Апеннинского полуострова. На основании анализа текстов Конституции Итальянской Республики, государственных и региональных законов, целью которых является регламентация статуса и границ функционирования миноритарных языков, выявляются этапы законодательной практики в области регулирования языков национальных меньшинств, перечисляются основные направления реализации законодательных документов по языковому регулированию со стороны органов исполнительной власти; оценивается эффективность проводимой лингвистической политики в области миноритарных языков на национальном и региональном уровне, анализируется конфликт интересов в области реализации прав лингвистических меньшинств на общенациональном и региональном законодательных уровнях. В качестве примера правовой регламентации миноритарного языка выбран фриульский язык, в качестве метода исследования – контентный анализ законодательных документов.

Ключевые слова: языковая политика; лингвистическая политика; языковое регулирование; языковая политика Италии; миноритарные языки; фриульский язык.

D. A. Shevliakova

Doctor of Cultorology (Dr. habil.), Professor at the Department of Italian, Faculty of Foreign Languages and Areal Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: scevliakova@mail.ru

STATE LANGUAGE POLICY FORMATION IMPLEMENTED ON LEGISLATIVE LEVELS: THEORY AND PRACTICE (the Italian Republic, 1946-2017)

The article focuses on the language policy of the Italian Republic concerning the regulation of minority languages which are the languages of ethnic minorities that have been historically inhabiting the territory of the Apennine Peninsula. Relying on the analysis of the Constitution of the Italian Republic, state and regional laws, the purpose of which is to regulate the status and limits of minority languages functioning, the paper identifies the stages of legislative practice in the regulation of minority

languages, determines the main directions of legislative documents implementation concerning the language regulation carried out by the executive authorities. The research presents the essessment of the minority language policy at national and regional levels as well as studies the conflict of interests in the realization of linguistic minorities' rights at national and regional legislative levels. The Friulian language has been chosen as an example to demonstrate the legal regulation of a minority language.

Key words: language policy; linguistic policy; language regulation; Italian language policy; minority languages; the Friulian language.

Ввеление

Языковая ситуация в любом современном государстве является гетерогенной, на одной территории обычно сосуществуют официальный язык (язык титульной нации), региональные варианты официального языка, языки других этносов и диалекты. И только государственная власть обладает необходимыми ресурсами для целенаправленного регулирования языковой ситуации. На международной арене символом страны, ее единства должен выступать государственный язык, в то время как во внутренней языковой политике, наоборот, излишнее постулирование титульного языка при наличии других языков или диалектов будет восприниматься как признак тоталитаризма и ущемления прав этнических меньшинств и традиционных культур. Языковая политика проводится не учеными-лингвистами, а политической элитой и «представляет собой часть общей политики государства, общественной группировки, партии, класса, социального института, т. е. деятельности, проводимой ими в своих интересах, во имя поставленных перед собой политических целях» [Михеева 2013, с. 8]. В рамках понятия «языковая политика» говорят о «языковом планировании» или «языковом регулировании», данные категории соотносятся как цель и задачи [Скачкова 2015, с. 126–128], хотя в некоторых исследованиях они выступают как относительные синонимы [Cooper 1989]. Внутренняя национальная политика европейских государств на рубеже XX-XXI вв. характеризуется тенденцией к толерантности и поддержкой мультикультурализма, соответственно и лингвистическая политика будет носить «конструктивный, поощрительный характер ... расширения функции языков и сферы их применения, повышение их социально-коммуникативной роли» [там же, с. 8].

Законодательная политика в области лингвистического регулирования будет рассмотрена на примере Италии: к XXI в. языковая ситуация страны релевантна для исследователя именно своей неоднородностью: наряду с государственным языком (итальянским) в нормативно-правовой базе государства официально признаны 12 языков (как романской группы, так и других языковых групп), есть около 20 региональных вариантов итальянского языка, а также существует более 1000 диалектов [Челышевва 2001, с. 92]. С точки зрения репрезентативности языковой ситуации (воспользуемся типологией Л. Б. Никольского), Италия представляет собой «благодатное поле» для исследователя: наличествуют как эндоглоссные ситуации — в этом случае взаимодействуют системы одного и того же языка (итальянский язык, региональные варианты, диалекты), так и экзоглоссные ситуации - взаимодействуют системы разных языков (итальянский язык и другие 12 языков); есть как функционально равнозначные системы (сбалансированная ситуация), так и системы, функционально дополняющие друг друга (несбалансированная ситуация) [Никольский 1976, с. 80-88].

Законодательные уровни в языковом регулировании Итальянской Республики

Целью статьи является изучение законодательства Итальянской Республики в области мультиязычной лингвистической политики. Будет рассмотрена внутренняя языковая политика, направленная на поддержку миноритарных языков. Данная цель обусловливает постановку следующих исследовательских задач:

- 1) выявить этапы законодательной практики в области языкового регулирования миноритарных языков (языковых меньшинств), проанализировать законодательные документы трех уровней: Конституцию, государственные законы, региональные законы;
- 2) перечислить основные направления реализации законодательных документов по языковому регулированию со стороны органов исполнительной власти;
- 3) оценить в общем эффективность проводимой лингвистической политики в области миноритарных языков на национальном и региональных уровне.

Гипотезой исследования является предположение о неизбежном столкновении интересов в области реализации прав лингвистических меньшинств на общенациональном и региональном законодательном уровнях. В качестве материала для исследования были выбраны тексты основных законодательных документов, целью которых является регламентация и регулирование статуса и границ функционирования миноритарных языков: Конституция Итальянской Республики, государственные законы (Закон № 482 от 1999 г. «Нормы по защите исторических лингвистических меньшинств»), региональные законы (Закон региона Фриули-Венеция-Джулия № 29 от 2007 г. «Нормы по защите, признанию и продвижению фриульского языка»), а также отчеты о проведенной работе органа исполнительной власти – Регионального агентства по продвижению фриульского языка (госучреждение, образованное региональным советом Фриули-Венеция Джулия). В качестве примера правовой регламентации миноритарного языка выбран фриульский язык – романский язык с ареалом распространения в областях городов Фриули, Удине, Гориция, Порденоне, приблизительное количество говорящих на языке – около 500 тыс. человек [Алисова, Челышева 2001].

Термин «миноритарный язык», употребляющийся в статье, равнозначен термину «язык лингвистического меньшинства». Под последним, в свою очередь, понимается «лингвистическо-территориальное меньшинство». Под термином «миноритарный язык» подразумевается «язык, исторически функционировавший на данной конкретной территории проживания определенного этнического сообщества и обладающий значительной культурной традицией» [Legge 15 Dicembre 1999, п. 482 URL]. На территории Италии «лингвистическими меньшинствами», согласно Закону № 482 от 1999 г., являются 12 языков: албанский, каталанский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франко-провансальский, окситанский, фриульский, сардинский, ладинский [Legge 15 Dicembre 1999, п. 482 URL].

Самым главным нормативным документом Итальянской Республики является Конституция, принятая в 1946 г. Статья № 6 Конституции гласит: «Республика поддерживает (охраняет) соответствующими нормами лингвистические меньшинства» (здесь и далее перевод авт. – \mathcal{A} . III.) [Costituzione della Repubblica Italiana URL]. В данной статье ясно выражен тот курс, который взяла молодая Итальянская

Республика после Второй мировой войны в пику политике фашизма, которую можно определить как тоталитарную, унифицирующую и ксенофобную по отношению ко всему иностранному и иноязычному. Политические партии – составители Конституции – всячески отгораживаются от предыдущей политической тенденции и на словах демонстрируют готовность поддерживать миноритарные языки. Однако показательным фактом является отсутствие номенклатуры предполагаемых «миноритарных языков», они остаются неназванными, следовательно, нет и объекта для дальнейших актов законодательной, а тем более - исполнительной власти, потенциальная реализация на практике блокируется на корню. В статье № 116 Конституции Итальянской Республики наличествует лишь перечисление регионов, обладающих особыми формами автономности в соответствии со специальными (региональными) уставами, принятыми в конституционном законодательстве, это приграничные регионы Фриули-Венеция-Джулия (граница со Словенией), Трентино-Альто-Адидже (граница с Австрией), Валле-д'Аоста (граница с Францией) и два островных региона Сардиния и Сицилия. Однако речь идет именно о намеренной и декларируемой территориально-административной децентрализации, до языковой ситуации дело практика не доходит. Показателем того, что вопрос не был решен на системном уровне является отсутствие оппозиции «национальный язык» (центр) – «другие языки» (периферия). Второй компонент данной оппозиции тоже были вынуждены обойти намеренным молчанием – итальянский язык в качестве общенационального (официального) языка Итальянской Республики не только не был удостоен отдельной статьи, но и в принципе не упоминается в тексте Конституции.

Прошло более пятидесяти лет до появления государственного Закона № 482 от 1999 г. «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» (опубликован в «Официальной газете» Итальянской Республики, № 297 от 20 декабря 1999 г.), конкретизировавшего в более менее ясных терминах расплывчатые формулировки упомянутой статьи 6 Конституции о государственной поддержке миноритарных языков. Во-первых, 50 лет спустя после принятия текста Конституции, политики наконец набрались смелости и провозгласили в первой же статье Закона: «Официальный язык Республики — итальянский». Таким образом, оппозиция «язык титульной нации — языки других

проживающих народов» задается с уверенных и сознательно обозначенных позиций центра. Однако итальянский язык не называется государственным. Согласно определению ЮНЕСКО, «государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках страны в политической, социальной и культурной сферах; это язык, выступающий в качестве символа данного государства», в то время как «официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [UNESCO URL]. Соответственно, в использовании термина «официальный язык» подчеркивается именно функциональный и прагматический аспект итальянского языка - необходимость официального делопроизводства и официальной правовой и деловой коммуникации. И уже в следующем абзаце с поспешной политкорректностью Закон выдает явную реминисценцию на пресловутую статью 6 Конституции: «Республика, которая высоко ценит лингвистическое и культурное наследие итальянского языка, равным образом продвигает высокую оценку языков и культур, охраняемых настоящим Законом» [Legge 15 Dicembre 1999, n. 482 URL].

Закон № 482 «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» предоставил в законодательной практике эксплицитное определение лингвистическо-территориального меньшинства: «Область проживания определенного этнического сообщества, обладающего значительной языковой и культурной традицией». Определение кажется юридически нейтральным, но именно в «области проживания» имплицитно заложен определенный принцип, который не позволит миноритарным языкам экспансировать и выдерживать конкуренцию по функционалу с официальным языком – итальянским. Кроме этого, Законом № 482 были определены этнические группы, язык и культуру которых государство готово было поддерживать: албанский, каталанский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франко-провансальский, окситанский, фриульский, сардинский, ладинский – всего 12 этнических сообществ. На момент принятия Закона количество людей, формирующих данные «лингвистическо-территориальные меньшинства», составляло 2 млн 400 тыс. – менее одной десятой населения в 60 миллионов человек. В-третьих, были обозначены области (исторического) проживания лингвистических меньшинств (закреплено за городами и городскими областями). В-четвертых, был прописан принцип количественной

легитимизации миноритарного языка наряду с национальным языком (итальянским): согласно статье 3 Закона № 482, закрепление за городом и городской областью статуса «лингвистического протектората» происходит в случае, если не менее 15 % населения, проживающего на данной территории (совершеннолетние), выдвинут запрос такого протектората. В-пятых, были прописаны сферы социального функционирования миноритарного языка: образование — введение преподавания миноритарного языка в детском саду, начальной и средней школе (по предварительному запросу родителей), письменная и устная коммуникация в органах городского и областного самоуправления, лингвистическое обеспечение массмедиа — региональные каналы теле- и радиовещания, газеты на миноритарном языке наряду с итальянскими аналогами, а также разрешение на топономастические корреляты на итальянском и местном языках — названия улиц и дорожные указатели на двух языках [Legge 15 Dicembre 1999, n. 482 URL].

Третьим документом, подлежащим анализу в статье, является региональный Закон итальянской области Фриули-Венеция-Джулия № 27 от 2009 г. «Нормы по защите, признанию и продвижению фриульского языка». Следует сказать, что с 1999 до 2009 г. фриульский язык весьма упрочил позицию в качестве официально признанного миноритарного языка в области фриульских городов Удине, Гориця и Порденоне: количество говорящих на данном языке составляет около 500 тыс. человек [Нарумов, Сухачёв 2001, с. 382–387]. Было создано государственное учреждение областного уровня – Агентство по продвижению фриульского языка, целью которого была координация региональной программы по обеспечению реализации Закона №482/1999. Данным учреждением к 2009 г. были успешно реализованы следующие задачи. На средства регионального бюджета были созданы телеканалы, радиопрограммы и периодические печатные издания на фриульском языке. Была введена практика делопроизводства и устной официальной коммуникации на этом языке, а также служба перевода с / на фриульский в органах местного самоуправления. Названия улиц, дорог и обозначения на дорожных указателях стали двуязычными, что нашло свое отражение и в региональной картографии. В сфере образования была создана система обязательных сертификационных экзаменов для преподавателей фриульского языка, а впоследствии была сформирована постоянно пополняющаяся база данных учителей фриульского языка для начальной и средней школы. Стоит отметить, что на настоящий момент (2019) база данных включает в себя более 900 учителей, которые обязаны проходить подтверждение своей профессиональной квалификации раз в три года. В системе старшей школы, университетах, в научно-исследовательских учреждениях преподавание фриульского языка (и на фриульском языке) всячески пропагандируется, равно как и постулируется, необходимость ведения научной работы на фриульском языке, однако, ввиду создания общеевропейского академического пространства, где на фоне английского трудно удержать свои позиции и итальянскому языку, продвижение фриульского языка в сферах вузовского образования и науки носит спорадический характер [Agenzia regionale per la lingua friuliana URL]. В данной статье не рассматривается огромное количество культурных мероприятий, посвященных продвижению фриульского языка и фольклора, – в этом фриульцы ничем не отличаются от других жителей итальянских регионов, городов и поселков, патриотов своей «малой родины», которые «пестуют» местные традиции и диалекты как источник своей подлинной идентичности.

Однако при плановой процедуре утверждения регионального Закона Фриули-Венеция-Джулия № 27 от 2009 со стороны федеральных властей, закон был передан в Конституционный суд Итальянской Республики на предмет проверки соответствия итальянской Конституции. Вследствие рассмотрения Закона некоторые его положения были признаны противоречившими Конституции, в частности - положение о расширении ареала использования фриульского языка как второго официального языка всего региона Фриули-Венеция-Джулия, а не только городских областей, население которых задекларировало желание ввести в узус регулярное использование фриульского языка. Особое негодование вызвало положение Регионального закона о том, что государственные учреждения регионального уровня, которые находятся в региональном центре г. Триесте (ареал словенского лингвистического меньшинства), должны были вести деловую переписку и устное официальное общение на фриульском языке, чтобы удовлетворить права носителей фриульского языка: «Во взаимоотношениях с властями Региона и его структурными подразделениями (учреждениями), право использования фриульского языка осуществляется безотносительно территориального расположения соответствующих

учреждений» (статья 6 Регионального закона) и «Использование фриульского языка гарантируется также во взаимодействии с госучреждениями и в распространении официальной информации на территории всего региона» (статья 8 Регионального закона) [Legge regionale 18 dicembre 2007, n.29 URL].

И здесь Конституционный суд предъявил тот скрытый защитный механизм, который был заложен в определении лингвистическо-территориального меньшинства. Согласно статье 9 Закона № 482 «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» все лингвистические права имеют хождение строго на исторической территории распространения данного языка: как только субъект «лингвистическотерриториального меньшинства» покинул свою территорию, его лингвистические притязания становятся необоснованными и вызывают немедленную реакцию государства, которое сразу же апеллирует к закону более высокого уровня.

Заключение

Итак, на основе изученных законодательных документов государственного и регионального уровней, касающихся языкового регулирования миноритарных языков в Италии (на примере фриульского языка), было выявлено следующее. Изучение самих текстов законов уже дает общую картину политических интенций в лингвистической политике государства в сфере регулирования ареала лингвистических меньшинств, при этом:

- 1) в Италии на уровне Конституции прослеживается компромисс между политическими силами, и в вопросе поддержки миноритарных языков формируется традиция высокопарной политической риторики, лишенной конкретики и не дающей выход на практическую реализацию;
- 2) на уровне национальных законов (Закон № 482 от 1999 г.) прослеживается стремление к конкретизации политических интенций (перечень языков, дефиниция городов исторических областей проживания лингвистических меньшинств), и только на данном уровне можно говорить о реализации, о переводе закона в сферу исполнительной власти;
- 3) на уровне региональных законов вполне проявляется центробежная антинациональная сила региона он начинает

экспансию миноритарного языка за пределы области его исторического становления.

Государство, которое поддерживает центростремительную тенденцию в языковой политике — утверждение официального статуса итальянского языка в качестве языка национальной коммуникации, выявляет региональную экспансию миноритарного языка и запускает механизм прохождения через Конституционный суд. Последний подтверждает несомненный приоритет официального языка единой коммуникации нации, продемонстрировав таким образом, что все законодательные утверждения конституционного и национального уровня о продвижении и поддержке языковых меньшинств относятся к области политической риторики.

Региональные власти, со своей стороны, не заостряя внимание на возникшем противоречии, направляют свои силы в миноритарной языковой политике на:

- 1) телевидение и радиовещание на локальном языке;
- 2) внедрение языка в общеобразовательной и средней школе;
- 3) делопроизводство и официальную коммуникацию на миноритарном языке в органах локальной власти;
- 4) двуязычную локальную топонимику.

Такие сферы, как язык науки, высшая школа, литература на миноритарном языке будут менее актуализированы в исполнительной практике местных властей.

Можно сказать, что государство имеет интенцию оставлять под своим контролем объем и характер социальных функций, который выполняет миноритарный язык. Традиционной же сферой употребления миноритарного языка (как и диалекта) является сфера обиходно-бытового общения. Государство лишь вынужденно впускает миноритарный язык в сферу функционирования именно государственного языка — официальное делопроизводство, образование (начальная и средняя ступени). Государство выступает категорически против его выхода за «гетто» исторически сложившегося лингвистического ареала в качестве средства региональной и внутринациональной коммуникации — в последнем случае миноритарный язык практически сравнялся бы с государственным. Учитывая, что официально признанных миноритарных языков двенадцать (имеют статус языка, а не диалекта), на территории Италии воцарился бы настоящий лингвистический хаос.

Характеризуя языковую политику Итальянской Республики с позиций социолингвистики, стоит отметить, что государство стремится в завуалированной, политкорректной форме представить экзоглоссную ситуацию как эндоглоссную и сдвинуть сбалансированную систему по направлению к несбалансированной, другими словами, максимально свести функции миноритарного языка к функциями диалектов, которые исторически существовали и продолжают существовать на территории Апеннинского полуострова, не обладая политическими правами официального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисова Т. Б., Челышева И. И. Романские языки // Языки мира. Романские языки / Т. Алисова, И. Челышева, Б. Нарумов и др. М.: Academia, 2001. С. 15–56.
- Михеева Н. Ф. Типология языковых ситуаций в современном мире и языковая политика в России и мире // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире / под ред. Н. Ф. Михеевой, Ю. Н. Эбзеевой. М.: РУДН, 2013. С. 4–20.
- *Нарумов Б. П., Сухачёв Н. Л.* Фриульский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 365–391.
- *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). М. : Наука, 1976. 168 с.
- Скачкова И. И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 126–130.
- *Челышева И. И.* Итальянские диалекты // Языки мира. Романские языки. М. : Academia, 2001. С. 90–145.
- Agenzia regionale per la lingua friuliana. URL : www.arlef.it (дата обращения: 22.07.2019).
- Costituzione della Repubblica Italiana : [официальный сайт Итальянского Сената]. URL : www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione. pdf (дата обращения: 22.07.2019).
- Cooper R. L. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 187 p.
- Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. Corte Costituzionale : [официальный сайт Конституционного Суда Итальянской Республики]. URL : www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2009/05/27/009C0364/s1 (дата обращения: 22.07.2019).
- *Iliescu M.* La posizione del friulano nella Romania // Manuale di linguistica friulana. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 41–56.

- Legge 15 Dicembre 1999, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche : [официальная сайт Парламента Итальянской Республики]. URL : www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm (дата обращения: 22.07.2019).
- Legge regionale 18 dicembre 2007, n. 29. Norme per la tutela, valorizzazione e promozione della lingua friulana : [официальный сайт регионального совета Фриули–Венеция-Джулия]. URL : www.lexview-int.regione.fvg.it/fontinormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2007&legge=29&ART=000&AG1=00&AG2=00&fx=lex (дата обращения: 22.07.2019).
- UNESCO : [официальный сайт]. URL : www.ru.unesco.org (дата обращения: 22.07.2019).

REFERENCES

- Alisova T. B., Chelysheva I. I. Romanskie jazyki // Jazyki mira. Romanskie jazyki // T. Alisova, I. Chelysheva, B. Narumov i dr. M.: Academia, 2001. S. 15–56.
- *Miheeva N. F.* Tipologija jazykovyh situacij v sovremennom mire i jazykovaja politika v Rossii i mire // Tipologija jazykovyh situacij i jazykovaja politika v Rossii i mire / pod red. N. F. Miheevoj, Ju. N. Jebzeevoj. M.: RUDN, 2013. S. 4–20.
- Narumov B. P., Suhachjov N. L. Friul'skij jazyk // Jazyki mira. Romanskie jazyki. M.: Academia, 2001. S. 365–391.
- Nikol'skij L. B. Sinhronnaja sociolingvistika (Teorija i problemy). M.: Nauka, 1976. 168 s.
- Skachkova I. I. Jazykovaja politika i jazykovoe planirovanie: opredelenie ponjatij // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 126–130.
- *Chelysheva I. I.* Ital'janskie dialekty // Jazyki mira. Romanskie jazyki. M.: Academia, 2001. S. 90–145.
- Agenzia regionale per la lingua friuliana. URL : www.arlef.it (data obrashhenija: 22.07.2019).
- Costituzione della Repubblica Italiana : [oficial'nyj sajt Ital'janskogo Senata]. URL : www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf (data obrashhenija: 22.07.2019).
- Cooper R. L. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 187 p.
- Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. Corte Costituzionale : [oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda Ital'janskoj Respubliki]. URL : www.gazzettaufficiale. it/eli/id/2009/05/27/009C0364/s1 (data obrashhenija: 22.07.2019).
- *Iliescu M.* La posizione del friulano nella Romania // Manuale di linguistica friulana. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 41–56.
- Legge 15 Dicembre 1999, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche : [oficial'naja sajt Parlamenta Ital'janskoj Respubliki].

- URL: www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm (data obrashhenija: 22.07.2019).
- Legge regionale 18 dicembre 2007, n. 29. Norme per la tutela, valorizzazione e promozione della lingua friulana : [oficial'nyj sajt regional'nogo soveta Friuli-Venecija-Dzhulija]. URL: www.lexview-int.regione.fvg.it/fontinormative/xml/xmlLex.aspx?anno=2007&legge=29&ART=000&AG1=00&AG2=00&fx=lex (data obrashhenija: 22.07.2019).
- UNESCO: [oficial'nyj sajt]. URL: www.ru.unesco.org (data obrashhenija: 22.07.2019).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК VESTNIK

Московского государственного of Moscow State Linguistic

лингвистического университета University

Гуманитарные науки Humanitarian Sciences

Выпуск 10 (826) Issue 10 (826)

Ответственный редактор выпуска 10 (826) кандидат филологических наук Е.С. Борисова

Редактор Е. М. Евдокимова Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ Подписано в печать 02.10.2019 Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 12,4. Заказ № 80/19

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1 Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 - Языкознание

10.01.00 - Литературоведение

24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.